

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 2 (70), 2024

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст.науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, доц. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкарёва (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохаев (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Е. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. истории Д. Орловски (Южный методистский университет, г. Даллас, США);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США)

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva(*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History, V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEA RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of History D. Orlowsky (Southern Methodist University, Dallas, USA);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA)

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.:+7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Гатагова Л.С.</i> Хроника форсированной советизации (Молдавский прецедент. 1940 – первая половина 1941 г.)	5
<i>Ермаков А.М.</i> Студентки Ярославского пединститута – участницы Великой Отечественной войны (1942–1952 гг.)	24
<i>Крылова Е.Н.</i> Главное управление по делам печати министерства внутренних дел начала XX в.: структура и кадровый состав.....	36
<i>Сафронова Ю.А.</i> «Рассказ из испытанного и виденного учеником»: сочинения в системе духовного образования после реформы 1867 года.....	53

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Болокина Л.А.</i> Материалы фонда Ш.З. Голубкина в Тверском центре документации новейшей истории.....	68
--	----

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

<i>Ковалев А.В.</i> Административная организация Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии в конце XIX – первой половине XX века	79
<i>Крошкин А.В.</i> Тверские архиереи и духовное образование во второй половине XVIII в. на примере Платона (Левшина)	88
<i>Ли И.</i> «Революция достоинства: отношение к женщинам и женскому труду в китайских крестьянских семьях (1900–1950)	99

СООБЩЕНИЯ

<i>Сипейкин А.В.</i> Агентурная работа ОГПУ в буддийских общинах в Советской России в 1920-е годы.....	107
<i>Степанова Ю.В.</i> Промысловая специализация Бельского уезда во второй половине XVII в.....	117

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	129
---------------------------	-----

CONTENTS

THE HISTORY OF RUSSIA

L.S. Gatagova Chronicle of Forced Sovietisation (Moldavian precedent. 1940 – first half of 1941)	5
A. M. Ermakov Students of the Yaroslavl Pedagogical Institute – Participants of the Great Patriotic War (1942–1952).....	24
E.N. Krylova The General Department for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Early XX Century: Structure and Personnel ...	36
Ju.A. Safronova «A Story from what the Disciple Experienced and Seen»: Written Works in the System of Theological Education After the Reform 1867	53

HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDY. METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

L.A. Bolokina Materials of the S.Z. Golubkin Foundation in the Tver Center for Documentation of Modern History.....	68
--	----

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

A.V. Kovalev The Evolution of the Administrative Organization of the Evangelical Lutheran Church of Finland from the End of the 19 th to the First Half of the 20 th Century	79
A.V. Kroshkin Tver Bishops and Spiritual Education in the Second Half of the 18 th Century on the Example of Platon (Levshin).....	88
Yilei LI Revolution of Dignity: Attitudes Towards Women and Female Labor in Chinese Peasant Families (1900–1950)	99

THE REPORT

A.V. Sipeykin Secret-service activities in Buddhist communities in Soviet Russia in 1920-s	107
Yu.V. Stepanova Forestry Specialisation of Belsky Uezd in the Second Half of the 17 th Century	117

INFORMATION FOR AUTHORS	129
-------------------------------	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(478).084.6

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.005–023

Хроника форсированной советизации (Модавский прецедент. 1940 – первая половина 1941 г.)

Л.С. Гатагова

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

В статье освещается начальный этап широкомасштабного процесса советизации Бессарабии после её включения в состав СССР в 1940 г. Иллюстрация действий, предпринятых кремлевским руководством в течение года, позволяет проследить не только последовательность событий, но и даёт возможность прояснить способы и формы реализации развёрнутой программы мер политического, социального, экономического и финансового характера на территории бывшей румынской провинции. Эти меры, затронувшие практически все стороны жизни Бессарабии, в течение года радикально изменили её политическую модель, административную структуру, социальный и экономический уклад. Несмотря на то, что Великая Отечественная война прервала на несколько лет стремительно развивавшийся процесс политико-идеологического перевоспитания масс и нивелирования культурных различий, реформы Кремля во многом подготовили почву для последующего утверждения советского режима в новообразованной Молдавской союзной республике.

Ключевые слова: *Бессарабия, массово-политическая работа, национализация, Молдавская Советская Социалистическая Республика, выборы, партийные органы.*

Включению в 1940 г. в состав СССР бывшего Бессарабского генерал-губернаторства, осенью 1918 г. ставшего вследствие развала Российской империи, Первой мировой войны и революции 1917 г. частью Румынии, предшествовали сложные и весьма неоднозначные внешнеполитические процессы, многочисленные переговоры, договоры и ультиматумы. Кульминацией их стал день 26 июня 1940 г., когда председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов сделал представление румынскому посланнику в Москве Г.Давидеску с требованием возвращения Бессарабии и северной части Буковины. В документе была вкратце изложена преамбула – история вопроса, а также был текст следующего содержания: «Правительство СССР предлагает королевскому правительству Румынии: 1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу. 2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте. Правительство СССР выражает

надежду, что королевское правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией». На заседании Королевского совета Румынии, проведенном в чрезвычайно напряжённой обстановке, под давлением Германии было принято решение (семнадцать голосов против одиннадцати) согласиться с требованиями СССР¹.

28 июня 1940 г. советские войска пересекли румынскую границу. Танковые подразделения и мотопехота Красной Армии вступили в города Сороки, Бельцы, Кишинев, Бендеры. Согласно официальному сообщению газеты «Правда», местное население встречало советские части «радостно, с цветами и лозунгами «Да здравствует Советская Бессарабия!»». Главная советская газета информировала читателей, наряду с освещением внешнеполитической стороны вопроса, о том, в каком бедственном положении оказались жители Бессарабии в результате румынской аннексии. Вот как официальное советское издание живописало предысторию событий 1940-го года: «Трудящиеся Бессарабии с первых же дней оккупации вели отчаянную борьбу с захватчиками. Многочисленные восстания украинских и молдавских крестьян подавлялись румынскими войсками и жандармерией с неимоверной жестокостью. Десятки тысяч рабочих, крестьян и интеллигентов Бессарабии были убиты только за то, что они не переставали любить свою родину – великий Советский Союз, боролись против ненавистных румынских захватчиков»².

Политорганы Красной Армии, военкомы, партийные и комсомольские организации воинских частей, вступая в города и сёла, незамедлительно приступали к проведению т. н. массово-политической работы среди населения. Она заключалась в организации митингов, бесед, докладов, в распространении свежих номеров фронтовой газеты «Красная Армия» (тиражом 700000 экземпляров) и газет «Бессарабская правда» (на русском языке) и «Советская Бессарабия» (на румынском). Местным жителям раздали в общей сложности 1800 экземпляров текста сообщения ТАСС и 700 000 копий обращения к населению, 270 000 экземпляров «Доклада т. Сталина на VIII Чрезвычайном Съезде Советов», текста Конституции СССР, биографии наркома обороны С.К. Тимошенко. Из Москвы спешно направили 156 000 портретов руководителей партии и правительства, 520 000 экземпляров пропагандистской литературы на русском и украинском языках (включая краткую биографию И.В. Сталина), плакаты и лозунги³. Люди задавали многочисленные вопросы: о жизни колхозников в СССР, о том, когда будут избирать новые советские органы власти, все ли безработные получают работу, верно ли, что в СССР бесплатно учат и лечат и т. д.

¹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 378. Д. 3490. Л. 165, 179.

² Правда. 1940. № 179. 29 июня.

³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 50. Оп. 2. Д. 153. Л. 44–45.

Газета «Известия» опубликовала статью, в которой напоминалось о событиях 22-летней давности, когда «Сфатул-церий» (временный краевой совет) – «самочинная», по словам автора статьи, организация, приняла «акт о присоединении» Бессарабии к Румынии. Это произошло в конце 1917 – начале 1918 г. Столь же бесцеремонно, по мнению газеты, обошлись с Буковиной, которую Антанта, невзирая на решение «народного веча» Буковины о присоединении к Советской Украине, вынудила стать частью Румынии. Эти акты никогда не признавались Советским Союзом⁴. В нотах от 16 и 31 декабря 1917 г. правительство РСФСР выражало протест против оккупации Бессарабии Румынией, а 13 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией.

29 июня 1940 г. в Кишинёве состоялся массовый митинг (собравший около 20 000 человек). На митинге присутствовали первый секретарь ЦК КП (б) Украины Н.С. Хрущев, нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Политуправления Красной Армии армейский комиссар первого ранга Л.З. Мехлис. Выступления Хрущева и Тимошенко неоднократно прерывались бурными аплодисментами⁵.

Вопросы о возвращении бессарабцев, проходивших воинскую службу в различных районах Румынии, и о перемещении эвакуированного румынским правительством населения, пожелавшего вернуться назад, обсуждались 3 июля 1940 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Было принято решение об организации контрольно-пропускных пунктов в городе Измаиле и на станциях Василелупу, Рени и Вахойнешти. «Всех возвращающихся из Румынии в Бессарабию и Северную Буковину граждан, – указывалось в директивном документе, – брать на учёт НКВД, сомнительных обязать еженедельной явкой в органы НКВД – по территориальности, а подозрительных и антисоветских элементов арестовать». Когда встал вопрос об эвакуации семей и родственников румынских чиновников, а также всех тех, кто пожелал уехать в Румынию, советские власти выставили условие: вернуть паровозный и вагонный парк, оборудование и имущество, вывезенные румынами незадолго до вступления советских войск. Разрешением спорных вопросов, связанных с эвакуацией населения, судьбой военного имущества, складов оружия и боеприпасов и т. д., занималась специально созданная смешанная Советско-Румынская комиссия.

«Правда» опубликовала рассказ инженера Б.Я. Берзона об испытанных им унижениях и лишениях, о препятствиях, чинимых румынскими властями всем тем, кто пожелал уехать «из ада европейской “цивилизации”»⁶. По данным газеты на 26 июля, в Бессарабию вернулось 149 974 человека⁷. Разрешение на репатриацию получали лишь те, кто въехал на жительство в

⁴ Известия. 1940. № 148, 29 июня.

⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 326.

⁶ Правда. 1940. № 206. 26 июля.

⁷ Там же. № 208. 28 июля.

Бессарабию между 1 февраля 1918 г. и 28 июня 1940 г. Согласно позиции советского правительства, беспрепятственное право на выезд в Румынию предоставлялось лишь офицерам румынской армии, чиновникам и гражданским лицам, проживавшим в Бессарабии и Северной Буковине в указанный период времени. Дополнительным правом в отдельных случаях могли воспользоваться воссоединяемые семьи. В предоставлении права свободного выезда для всех желающих было отказано.

Народный комиссариат иностранных дел инициировал акцию по ликвидации всех иностранных консульств в Кишиневе и Черновцах. Всем им давалось от двух недель до месяца для сворачивания деятельности. В особо оговариваемых случаях сроки, отведенные на ликвидацию, могли быть продлены до месяца. Швейцарскому, голландскому и польскому консулам предлагалось завершить дела в 10-дневный срок и выехать в Бухарест. Народному комиссариату внутренних дел предписывалось оказать содействие иностранным миссиям в выезде из Бессарабии и Буковины⁸.

Советско-Румынская комиссия по урегулированию вопросов эвакуации румынских войск и учреждений из Бессарабии и Северной Буковины работала до 14 ноября. Затем её сменила Комиссия по имущественным и финансовым претензиям СССР к Румынии. Задача Комиссии состояла в оценке ущерба, причинённого за период вхождения Бессарабии и Северной Буковины в состав Румынии и составлении списка имущества и денежных средств, незаконно, по мнению советской стороны, вывезенных и подлежащих возвращению.

4 июля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О перешивке железнодорожных линий Бессарабии и Буковины и соответственных участков Львовской дороги» (общей протяженностью 738 км). С этой целью в распоряжение Народного комиссариата путей сообщения было направлено 5 000 солдат и необходимая техника⁹. Совнарком СССР считал перешивку железнодорожных линий Бессарабии и Северной Буковины стратегически важной задачей ближайших месяцев. Его постановление предписывало перешить 553 км путей вдоль ветки Бендеры–Кишинев–Унгены–Бельцы–Окница–Липканы–Черновцы–Снятын¹⁰. Речь шла о замене узкоколейной европейской железнодорожной линии ширококолейной советской дорогой. Это решение, помимо экономической целесообразности (объединение с советской системой путей сообщения), заключало в себе глубокий политический смысл. Разрезая железнодорожные артерии, Москва словно отсекала свои территории от внешнего мира, демонстрируя окончательность и необратимость произошедшего.

---

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5446 с. Оп. 57. Д. 71.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1025. Л. 20.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5446 с. Оп. 57. Д. 71. Л. 36–37.

Уже через неделю после воссоединения Бессарабии с СССР было обнародовано официальное обращение Совнаркома Молдавской АССР и Молдавского обкома КП(б) Украины в СНК СССР и ЦК ВКП(б) с предложением «О воссоединении молдавского населения Бессарабии с молдавским населением Молдавской АССР и об образовании на этой основе союзной Молдавской Советской Социалистической республики». «Просьба» получила поддержку в виде решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 июля 1940 г., высказавшегося за «государственное воссоединение» молдавского народа. В постановлении говорилось: «Утвердить предложение СНК Молдавской АССР и Молдавского обкома КП(б) Украины о воссоединении молдавского населения Бессарабии с молдавским населением Молдавской АССР и об образовании Союзной Молдавской Советской Социалистической Республики»¹¹.

2 августа 1940 г. обращение делегации от МАССР и Бессарабии об объединении народа в рамках единой республики было одобрено на VII сессии Верховного Совета СССР в Москве. В состав делегации входили 32 представителя от шести бессарабских уездов, а также от Северной Буковины¹². В четвертом пункте постановления говорилось о необходимости установления административной границы с Украинской ССР¹³.

Президиум Верховного Совета Молдавской ССР, обратившись 28 августа в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой об установлении границы между Молдавией и Украиной, просил включить в МССР города Болград и села Каракурт-Мал, Каракурт, Инпущита, Чишмикой и Джурджалешты. Вопрос о границе вызвал споры. Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР М. Гречуха считал необходимым включить в состав УССР, помимо северной части Буковины, ещё 8 районов, а также Измаильскую волость Измаильского уезда¹⁴.

При определении границ между двумя республиками наиболее острые дискуссии вызвала принадлежность Болграда и прилегающих к нему населённых пунктов Измаильского уезда. В городе проживало 13 199 болгар, 1 782 молдаван и 1 538 русских и украинцев (доля остальных составляла ничтожную часть жителей). Спор, по указанию Москвы, разрешился в пользу Украины¹⁵. В Молдавскую ССР были дополнительно включены 7 районов бывшей Бессарабии, в которых молдаване составляли большинство. Несколько районов, населённые в том числе и молдаванами, остались в составе Украины. Это были Кодымский, Балтский и Песчанский районы. На согласование и уточнения потребовалось около трех месяцев, поэтому окончательное решение было принято только 4 ноября 1940 г.

Таким образом, в состав новой союзной республики вошли шесть «бессарабских» уездов: Бельцкий, Бендерский, Кишиневский, Кагульский, Оргеевский, Сорокский, объединившие 54 района, и шесть районов

¹¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1025. Л. 34.

¹² ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 3. Д. 282. Л. 17–20.

¹³ Там же. Д. 265. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Оп.11. Д. 201. Л. 69–70.

¹⁵ Там же. Оп. 65. Д. 509. Л. 62.

МАССР: Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Григориопольский, Слободзейский и Тираспольский вместе с городом Тирасполем. В указе Верховного Совета СССР давалось подробнейшее описание населённых пунктов и географических рубежей, по которым проходила линия границы. От реки Прут она шла по территории Хотинского уезда до реки Днестр, далее по границе Каменского, Рыбницкого, Дубоссарского, Григориопольского, Тираспольского, Слободзейского районов, Аккерманского и Измаильского уездов. Описание линии границы между Черновицкой областью УССР и Молдавской ССР давалось отдельно¹⁶.

Территория новообразованной республики составила 34 тысячи кв. км. Численность населения достигала 2,7 миллиона человек (70 % составляли молдаване)¹⁷. По другим данным, на 1 января 1940 г. в Молдавии насчитывалось 2 468 000 человек, включая 2 006 100 этнических молдаван и румын¹⁸.

14 августа Кишинёв провозгласили столицей Молдавской ССР¹⁹. Молдавская областная партийная организация КП(б) Украины официально переименовывалась в Коммунистическую партию большевиков Молдавии²⁰. Следом было объявлено об образовании Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи Молдавской ССР²¹.

Сталинский режим считал своей первоочередной задачей формирование и укрепление на всей территории Молдавии органов государственной безопасности и правопорядка, призванных обеспечить беспрепятственное утверждение в молодой республике социалистической модели общественного устройства. Для превращения молдавского общества в идейно-политический монолит режиму необходимо было покончить со всеми враждебными ему социальными и политическими силами. Функции репрессивно-карательных органов заключались в том, чтобы пресечь любые проявления некоммунистической ориентации, перекрыть каналы внешнего воздействия со стороны Румынии или западных стран, подавить инакомыслие внутри самой коммунистической партии. Поэтому Кремль начал с того, что еще 9 июля 1940 г. легализовал на территории Бессарабии и Северной Буковины деятельность военных трибуналов Киевского Особого и Одесского округов²². Им разрешалось принимать к рассмотрению дела о «контрреволюционных преступлениях и бандитизме», квалифицируя преступления по соответству-

¹⁶ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 11. Д. 210. Л. 3-6, 23. См. также: *Стати В.* История Молдовы, Кишинев, 2003. С. 359.

¹⁷ *Лазарев А.М.* Молдавская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 575.

¹⁸ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. Москва, 2001. С. 8–9.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 443. Л. 29.

²⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1026. Л. 44.

²¹ Там же. Оп. 116. Д. 52. Л. 98.

²² Там же. Оп. 3. Д. 1025. Л. 30–31.

ющим статьям Уголовного Кодекса Украинской ССР. В республике работали постоянные и временные уполномоченные Наркоматов внутренних дел и государственной безопасности. Часть уполномоченных исполняла функции поручительского характера на время проведения спецопераций. Центр также назначил уполномоченных, действовавших на постоянной основе.

Вопросом создания партийной управленческой структуры кремлёвские вожди озаботились ещё до эпохальных летних событий. В апреле 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило состав Бюро Молдавского обкома КП(б) Украины. Уже в конце июня – начале июля партийные и советские органы МАССР в полном составе переехали из Тирасполя в Кишинев и были объявлены высшими законодательными и исполнительными институтами – до формирования правительства новой союзной республики. Они заменяли румынские органы власти на советские, создавая на новых территориях уездные, волостные и городские исполнительные комитеты. Общее руководство осуществлял Молдавский областной комитет партии большевиков Украины, Верховный Совет и Совет народных комиссаров МАССР во главе с П.Г. Бородиным²³. В июле в бессарабских районах уже действовали около 1100 сельских, 25 городских и поселковых, 54 волостных и 6 уездных исполкомов²⁴.

В краткие сроки была выстроена следующая иерархическая структура руководящих органов республики: ЦК КП(б) Молдавии, 6 уездных, 4 городских и 58 районных комитетов партии. К концу года в коммунистической партии уже состояло свыше 8600 членов и кандидатов, объединенных в 640 первичных партийных организации (в правобережных районах их насчитывалось 390)²⁵.

Политбюро ЦК ВКП(б) своим решением от 4 сентября утвердило персональный состав партийных руководителей (секретарь ЦК КП(б) республики – П.Г. Бородин, председатель президиума Верховного Совета Молдавской ССР – Ф.Г. Бровко, председатель СНК – Т.А. Константинов)²⁶.

В октябре была определена дата выборов в Верховный Совет СССР от Молдавии с одновременным проведением выборов в Верховный Совет республики, намеченных на 12 января 1941 г.²⁷ К лицам, выступавшим перед большой аудиторией на собраниях, предъявлялись строгие требования. Их обязывали заранее согласовывать тексты своих выступлений с вышестоящими начальниками. Поначалу многие ещё не успели понять, что собой представляет стиль советского официоза. После выступления одного из местных писателей на предвыборном митинге перед городской интеллигенцией ему было сделано внушение, невзирая на то, что он произнес яркую и

²³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1021. Л. 68.

²⁴ История республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 222.

²⁵ Лазарев А.М. Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии. Кишинев, 1985. С. 115.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1026. Л. 44, 85; Д. 1027. Л. 17.

²⁷ Там же. Д. 1028. Л. 18; Оп. 117. Д. 175. Л. 29-30.

вполне лояльную речь: «Так уместно говорить в условиях Румынии, но в Советском Союзе так не выступают»²⁸.

В ходе административных преобразований волостные комитеты партии переименовали в районные. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 октября, в республике сохранялось административно-территориальное деление на уезды, а волости преобразовывались в районы²⁹. В составе действующих уездов были образованы 52 района. Небольшие городские поселения Сороки, Оргеев и Кагул переводились в категорию городов окружного подчинения³⁰. Города Бельцы, Бендеры, Кишинев и Тирасполь выделялись в самостоятельные административно-хозяйственные единицы. Местечку Ганчешты присвоили новое имя – Котовское. Административные преобразования продолжились весной 1941 г., когда были перенесены некоторые районные центры и образованы новые районы в составе Бендерского уезда³¹.

Политбюро ЦК ВКП(б) постановило прекратить обращение румынских лей на территории Бессарабии и Северной Буковины. Кишиневская, Черновицкая и Аккерманская конторы Госбанка приняли на хранение под квитанции от государственных и кооперативных предприятий и учреждений 180 млн лей. Устанавливались подоходный и прочие налоги с населения, вводилась советская оплата системы труда на предприятиях и в учреждениях³². Все расчёты переводились на советскую валюту, т. е. рубли. Для реализации этого решения СНК СССР выпустил 6 июля 1940 г. постановление «О мерах по обеспечению нормального денежного обращения на территории Бессарабии и Северной Буковины», предусматривающее выделение 50 миллионов рублей на первоначальные расчёты с населением. Государственные и кооперативные предприятия обязали сдать в кассы Госбанка все имеющиеся у них леи. Им разрешалось производить выплаты по текущим счётам в сумме, не превышающей 200 рублей (8000 лей). Документ информировал о закрытии всех ювелирных магазинов и сдаче драгоценных металлов в Государственный банк³³. СНК СССР разрешил Госбанку с 5 октября принимать к обмену леи, оставшиеся у населения, по курсу 1 копейка – за 1 лею. По такому же курсу производились расчёты с предприятиями и учреждениями³⁴.

Ключевыми по значимости актами Москвы в отношении присоединённых территорий стали указы Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1940 г. «О национализации земли на территории Северной части Буковины» и «О национализации банков, промышленных и торговых предпри-

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 101. Л. 7.

²⁹ Там же. Оп. 117. Д. 208. Л. 118.

³⁰ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 11. Д. 226. Л. 82–83.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1039. Л. 5; Д. 1040. Л. 8.

³² Там же. Д. 1026. Л. 63–66.

³³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 31а. Д. 3032. Л. 31.

³⁴ Там же. Д. 3064. Л. 2–3.

ятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи Бессарабии»³⁵. Следом, 21 августа, вышло в свет развёрнутое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по Бессарабии и Северной Буковине», предусматривающее целый комплекс мер по форсированному вовлечению новых территорий в политико-идеологическую и социально-экономическую жизнь страны. Оно включало широкий перечень неотложных задач. В экономической области – организация осеннего сева, подготовка базы для создания МТС, завоз сырья и оборудования в республику, инвентаризация бывших помещичьих и монастырских земель, учёт племенного скота и передача его в животноводческие совхозы, налаживание производства винодельческой тары, добыча соли, пуск сахарных заводов, организация торговли, устройство потребительско-кредитной кооперации, установление смет расходов на отдельные виды работ и т. д. В социальной сфере – открытие магазинов, почтовых отделений, школ, лечебных и курортных учреждений, театров, домов культуры, налаживание кинопоказов, организация сельскохозяйственного, педагогического институтов, учительских курсов, метеорологических станций и т. д.³⁶.

Высшее руководство было заинтересовано в обеспечении постоянного контроля над происходящим в республике. Проблема эта в условиях усложнявшейся день ото дня международной обстановке, выходила за республиканские рамки. В августе Москва санкционировала учреждение Наркоматом связи института т. н. политконтролеров на предприятиях связи – для осуществления контроля над западными регионами СССР. Группе идеологически и политически подкованных членов партии (192 человека) было поручено контролировать эфирное пространство (телеграфно-телефонную и радиосвязь) на важнейших узлах западных регионов СССР. За эфирным пространством Бессарабии должны были следить 94 сотрудника – по 7 человек в каждом районе и 10 в Кишинёве³⁷. Институт политконтролеров вводился одновременно с налаживанием общей системы связи на территории Молдавии (подводка новых линий, прокладка кабелей, установка радиотрансляционных узлов в Кишиневе, Кагуле, Оргееве, Сороках, Бельцах и Бендерах). Все необходимое оборудование для налаживания бесперебойной связи Кишинёва с Москвой и Киевом и организации обходных линий связи поставлялось через Наркомат связи³⁸.

27 октября Военный совет Одесского военного округа постановил обязать местные органы Бельцкого района выделить земельный участок в 92 га для строительства воинского городка на территории района³⁹. Наркомат обороны планировал построить городки для размещения воинских контингентов по всей республике.

³⁵ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 39. Л. 140–141, 149.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1026. Л. 211–224.

³⁷ Там же. Оп. 117. Д. 149. Л. 77–87.

³⁸ Там же. Д. 171. Л. 55–58.

³⁹ ГАРФ. Ф. 5446 с. Оп. 32. Д. 7600. Л. 2–4.

К декабрю в соответствии с Законом 1938 г. о судопроизводстве СССР, союзных и автономных республик в Молдавии была сформирована целостная судебная система: Верховный Суд МССР, окружные суды, народные суды. СНК МССР утвердил юридические адреса восьмидесяти шести участков народных судов. 24 марта 1941 г., согласно распоряжению СНК МССР, учреждался Народный комиссариат юстиции, в компетенцию которого входила организация судов и контроль состояния судебных органов, учреждение адвокатуры, нотариальных органов, а также подготовка кадров и разработка материалов по кодификации законов МССР⁴⁰. Власти, учитывая реальное состояние инфраструктуры (бездорожье, недостаточная телеграфная и телефонная связь с отдаленными районами и селами), пришло к выводу о необходимости наделить уездные суды правами окружных⁴¹.

Примечательно, что одним из центральных пунктов программы советизации стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября «О переводе молдавской письменности новых районов Молдавской ССР (Бессарабия) с латинизированного на русский алфавит»⁴². Это постановление преподносилось, как ответная мера на просьбу, поступившую из самой республики. Дело в том, что принятое 13 августа СНК и Обкомом КП(б) постановление «Об оставлении латинского шрифта для издания на молдавском языке учебников и других материалов для школ Бессарабии на 1940–1941 гг.» вызвало недовольство Москвы, потребовавшей выступить с инициативой смены алфавита. 23 сентября оно было аннулировано постановлением ЦК КП(б) Молдавии. В докладной записке, приложенной к документу, говорилось, что после «воссоединения» республики оставлять в ней два алфавита «нет никакой необходимости». Чтобы привлечь на свою сторону беднейшие слои населения, Политбюро ЦК ВКП(б) постановило утвердить проект СНК СССР о бесплатном обучении старшеклассников и студентов в школах и в высших учебных заведениях в 1940–1941 гг., за исключением «детей нетрудовых граждан»⁴³.

Государственное делопроизводство уже велось на русском языке. Оставалось перевести на него школы и наладить выпуск печатной продукции. Несмотря на возражения со стороны специалистов, знакомых с истинным положением дел в школах Молдавии (где учителя в подавляющем большинстве не владели кириллицей), решение было принято в пользу немедленного и полного перехода на русский язык⁴⁴. Учить детей по прежним, румынским учебникам с румынским языком на основе латинизированной графики власти допустить не могли, а новых, русскоязычных, ещё не было. Оргбюро совместно с Отделом школ ЦК ВКП(б) приняло компромиссное

⁴⁰ Сурилов А.В. История государства и права Молдавской ССР (1917–1959). Кишинев, 1963. С. 190–191.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 208. Л. 119–120.

⁴² Там же. Оп. 3. Д. 1029. Л. 33–34.

⁴³ Там же. Д. 1028. Л. 29.

⁴⁴ Там же. Оп. 117. Д. 199. Л. 86, 87, 88–89, 91–93.

решение: для начала использовать во вновь присоединенных районах учебники, по которым учились дети в молдавской автономии. В партийных документах говорилось о двух языках – румынском и молдавском (на основе русского алфавита)⁴⁵. Проблемы языка носили исключительно политический характер. Для местных руководителей языковой вопрос стал своего рода «лакумсовой бумажкой», определявшей те невидимые линии, до которых могли распространяться пределы их самостоятельности.

Руководству молодой республики предстояло решать крайне трудную задачу слияния и приведения к единому знаменателю двух неравнозначных по численности этнотерриториальных конгломератов (МАССР и Бессарабии), на протяжении последних двадцати двух лет развивавшихся в совершенно разных политических, социальных и культурных условиях. Советский Союз заполучил вместе с территориями Бессарабии и Северной Буковины весьма непростое «наследство»: чрезвычайно бедные в экономическом отношении, отсталые районы, оказавшиеся в ещё более бедственном положении в результате обрушившихся на них политических пертурбаций. В первую очередь было необходимо снабдить республику жизненно важными продуктами и товарами. Осенью 1940 г. в Молдавию начали поступать продукты питания, одежда, предметы первой необходимости⁴⁶.

10 ноября 1940 г. произошло сильное землетрясение, нанесшее серьёзный ущерб и без того обессиленной республике. Погибли люди, были разрушены 458 зданий (и 7035 повреждено), в том числе больницы, школы, торговые помещения. Помимо этого, уничтоженными оказались запасы продовольственных товаров на сумму 74 829 рублей. Более полутора тысяч семей остались без крова⁴⁷. 6 декабря Экономический совет при Совнарком СССР издал специальное постановление, согласно которому в Молдавию направили 10 тыс. кубометров леса, строительных материалов, бензина и необходимые ассигнования на восстановление разрушенных зданий и объектов (для частичного восполнения ущерба была определена сумма в 20 млн рублей)⁴⁸. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было решено выделить из резервного фонда Совнаркома два миллиона рублей на восстановление пострадавших от землетрясения предприятий Молдавии⁴⁹. ЦК партии республики спланировал проведение целой системы мер по борьбе с эпидемиями (автотранспорт, специальное оборудование, дезинсекционные камеры)⁵⁰.

Задача советизации Молдавии, согласно планам Москвы, заключалась в том, чтобы форсировать процесс политико-идеологической переориентации населения. Убеждая людей в преимуществах социалистического строя, власти прибегали к испытанным популистским лозунгам. Пропагандисты

⁴⁵ РГАСПИ. Оп. 116. Д. 61. Л. 33; Оп. 117. Д. 195. Л. 117–119.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24. Д. 2840. Л. 27, 29–30.

⁴⁷ Там же. Д. 1402. Л. 55–56.

⁴⁸ Там же. Ф. 6751. Оп. 2. Д. 47. Л. 286–296.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1030. Л. 91–92.

⁵⁰ Там же. Оп. 116. Д. 65. Л. 42, 85–86.

твердили о бесплатной медицине, бесплатном образовании, а также указывали на выгоды от обретения всеобщего избирательного права. Электоральная тема занимала весьма существенную часть пропаганды.

К выборам депутатов в Верховные Советы СССР и МССР, намеченным на 12 января 1941 г., ЦК компартии Молдавии выпустил специальное обращение. В нём, в частности, говорилось: «С помощью великого Советского Союза осуществилась вековая мечта молдавского народа – объединиться и жить в едином государстве, в единой, дружной семье народов Союза Советских Социалистических Республик. Трудящиеся Бессарабии получили настоящую родину–мать, великую социалистическую родину. Своим освобождением от ига румынских оккупантов трудящиеся Бессарабии обязаны большевистской партии и мудрому вождю, учителю и другу трудящихся товарищу Сталину»⁵¹.

По итогам выборов в Верховный Совет МССР и Верховный Совет и Совет национальностей СССР, состоявшихся 12 января, был сформирован Верховный Совет республики (266 депутатских мест). Представителями республики в Верховном Совете и Совете национальностей СССР стали соответственно 34 и 25 депутатов от Молдавии.

5 февраля 1941 г. И.В. Сталин подписал документ об утверждении проекта Конституции Молдавской ССР. Тогда же состоялся I съезд коммунистической партии республики. Первая сессия Верховного Совета МССР (8–10 февраля) избрала Президиум под председательством Г.Ф. Бровко и сформировала правительство во главе с Т.А. Константиновым. Депутаты выступили со специальным обращением на имя Сталина. «В великую семью Советского народа, – говорилось в этом обращении, – влилось ещё 23 миллиона трудящихся, навсегда освободившихся от капиталистического рабства. Сбылась долгожданная мечта трудящихся масс Бессарабии. Свободолюбивый молдавский народ, освобожденный из-под гнета румынских бояр, воссоединён со своими единокровными братьями молдаванами в Молдавскую Советскую Социалистическую Республику и получил право жить под солнцем Сталинской Конституции»⁵². В обращении шла речь об общей численности населения присоединенных к СССР территорий – 23 млн человек. Цифра прозвучала 7 августа 1940 г. в докладе В.М. Молотова о внешней политике⁵³.

В проект Конституции, представленный руководством республики, были внесены некоторые поправки. Статья 2 излагалась аналогично соответствующей статье Конституций прибалтийских республик. В статье 4 по-

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 45. Л. 4.

⁵² Первая сессия Верховного Совета Молдавской ССР. Кишинёв, 1941. С. 201. В обращении идёт речь об общей численности населения присоединенных к СССР территорий – 23 млн человек. Цифра прозвучала 7 августа 1940 г. в докладе В.М. Молотова о внешней политике.

⁵³ См.: Седьмая Сессия Верховного Совета СССР 1 августа – 7 августа 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 27–28.

явилось уточнение о том, что отмена частной собственности касается крупных предприятий. Статья 6 гласила, что к государственной собственности относятся крупные заводы и фабрики, большие дома в городах и промышленных пунктах. В статье 8 отразилось содержание постановления СНК о предельных нормах землепользования, установленных для крестьянских хозяйств Молдавии. Статьей 9 допускались «частные хозяйства единоличных крестьян, ремесленников и кустарей, мелкие частные промышленные и торговые предприятия в пределах, установленных законом»⁵⁴. Закон о Конституции, который разрабатывался с учётом наличия мелкотоварного уклада экономики, был издан 12 февраля⁵⁵.

На начальном этапе советизации важную роль играл институт уполномоченных, призванных осуществлять контроль над функционированием властных и управленческих структур и нижестоящих органов. Поначалу должность уполномоченного Комиссии партийного контроля по Молдавской ССР занимал И.И. Сейдин (до 25 апреля 1941 г.). После него проводником партийной политики в Молдавии стал уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР С.А. Гоглидзе (впоследствии его судьба сложилась трагически: в 1953 г. он был расстрелян вместе с Лаврентием Берией). При нём состоял аппарат из 14 человек, включая секретарей, стенографисток и водителей⁵⁶. Секретарю ЦК КП(б) Молдавии вменялось в обязанность систематически предоставлять уполномоченному экземпляры протоколов заседаний бюро и пленумов всех уездных, городских, районных комитетов партии⁵⁷. Задачей уполномоченного являлся надзор за состоянием партийных организаций в уездах, районах и колхозах, контроль над работой по воспитанию и выдвижению местных кадров, над делом постановки внутрипартийной информации, ходом прополочных работ и борьбой с насекомыми-вредителями, подготовкой к уборочной страде, развитием животноводства и т. д.⁵⁸

Масштабная программа советизации Молдавии включала обширный спектр составляющих. Верховной власти пришлось столкнуться с массой проблем, в частности, с острой нехваткой кадров самого разного профиля. Процесс коренизации, т. е. подготовки молдавских управленцев требовал времени. А квалификация местных кадров зачастую оставляла желать лучшего. Властям было гораздо удобней выписывать необходимого работника из других регионов. Поэтому наряду с коренизацией получил развитие и противоположный процесс, т. е. кадровая интернационализация. Внедрение в управленческие структуры республики проверенных, «надёжных» коммунистов из других регионов или из Москвы рассматривалось Кремлём как определённого рода гарантии стабильности. В первую очередь речь шла о

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 11. Л. 103–104.

⁵⁵ Образование Молдавской ССР и создание коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1984. С. 322, 338.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

⁵⁷ Там же. Д. 1. Л. 98.

⁵⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 101. Л. 20–23.

партийных вакансиях, поскольку в хозяйственно-экономической сфере определяющим критерием была все же не столько лояльность режиму, сколько профессиональные достоинства. К «своим» кадровым работникам Москва испытывала большее доверие, нежели к националам, выросшим на местной почве и проходившим все ступени карьеры «в родных стенах».

Идеологические задачи, связанные с обработкой массового сознания в духе лояльности режиму, решались по-разному, в том числе и традиционным для советской власти способом: перемещением, ротацией, смешением этнических, социальных и других групп. В августе 1940 г. Экономсовет при СНК СССР издал постановление «О наборе рабочих в районах Бессарабии и Северной Буковины для угольной, горнорудной промышленности и строительства»⁵⁹. В республике появились десятки контор по найму рабочей силы. В рядах безработных и бедных это вызвало огромный энтузиазм, и вскоре поезда повезли людей в Донбасс, Баку, Ивановскую область и другие регионы. В феврале 1941 г. Молдавия была впервые упомянута в документах СНК СССР в связи с оргнабором. Так молодая республика стала одним из источников для пополнения «строек коммунизма» рабочей силой. Набирала силу и другая тенденция: перемещение в Молдавию людей из других регионов. Часть их прибывала в официальном порядке, для набора квалифицированной рабочей силы на предприятия и в учреждения. Однако имели место и случаи неконтролируемой миграции: в поисках лучшей жизни, для воссоединения с родственниками и т. д.

В августе 1940 г. было принято решение об организации на базе бывшего агрономического факультета в Кишиневе сельскохозяйственного института. В молодой республике ощущалась острая нехватка кадров научных работников. Осенью молдавское руководство обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой пополнить штат Кишинёвского сельскохозяйственного института квалифицированными сотрудниками – специалистами в области животноводства, виноградарства, селекции семеноводства, агрохимии, почвоведения, физиологии растений и др. При посредстве Всесоюзного комитета по делам высшей школы в Молдавию были направлены восемь специалистов⁶⁰. Помимо сотрудников, институт получил библиотеку численностью в 100 000 книг, оборудование, аппаратуру, учебные пособия и т. д.⁶¹.

Повышенное внимание к проблемам вуза диктовалось намерениями верховной власти ориентировать молодую республику на развитие аграрной сферы экономики. По данным уполномоченного ЦК ВКП(б) по Молдавии, к 1 февраля 1941 г. в сельских районах республики проживало в общей сложности 2 152 902 человек. Из них на районы Бессарабии приходилось 1 944 839, а на старые (левобережные) районы – 208 063 человек⁶². Радикальные меры Москвы в области землевладения и землепользования вызвали недо-

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24. Д. 3426. Л. 320.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 195. Л. 14, 150–152.

⁶¹ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

⁶² Там же. Л. 57.

вольство в крестьянской среде. Впрочем, сталинский режим мгновенно реагировал на социальное напряжение с помощью репрессивно-карательных методов. Одним из таких методов являлась практика массовых депортаций, но это тема другого разговора.

В сентябре 1940 г. решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР были установлены предельные нормы землепользования для крестьянских хозяйств. Максимальная норма предусматривалась в Измаильском районе – 20 га на двор, минимальная – в Хотинском: 7 га. Излишки отрезались и распределялись между малоземельными и безземельными дворами. Из 153,6 тысяч га земли, подлежащей распределению, малоземельным и безземельным крестьянам передали 127,3 тысячи га⁶³.

В октябре СНК республики выпустил постановление «О мероприятиях по развитию виноградарства и виноделия в районах Бессарабии»⁶⁴. Виноградарство и виноделие признавались приоритетными отраслями хозяйственной жизни республики. Вопрос о предельной норме садов и виноградников на один крестьянский двор рассматривался на уровне Политбюро ЦК ВКП(б): она была определена в размере двух гектаров⁶⁵.

В Молдавии организовали (по постановлению СНК и ЦК ВКП(б) «Об организации машинно-тракторных станций в новых районах Молдавской ССР») 20 машинно-тракторных станций (МТС). Они возникли на базе национализированных имений, наиболее обеспеченных необходимыми хозяйственными постройками. Для подготовки трактористов открыли две школы механизации сельского хозяйства. Народный комиссариат заготовок обязывался выделить из урожая необходимое количество зерна для оплаты работников МТС (в натуральной форме)⁶⁶. Так начиналась эпоха господства системы планового регулирования сельского хозяйства.

Навязанная сверху коллективизация весьма болезненно сказалась на молдавском населении. Колхозный строй вытеснял привычный уклад, в котором доминировали индивидуальные формы организации хозяйства. Но если хозяйственный уклад можно было легко сломать, то изменить вековой менталитет крестьянина оказалось не так просто. Люди отказывались признавать сомнительные преимущества колхозов, особенно когда их вынуждали безвозмездно отдавать государству произведенную их собственными руками продукцию. Перед насильственным вступлением в колхозы колхозники спешно распродавали скот, не хотели расставаться с тягловым скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Партийные и правоохранительные органы фиксировали стойкое неприятие колхозов крестьянским населением Молдавии. Тем не менее (по данным на 25 февраля 1941 г.) в Молдавии было

⁶³ ГАРФ. Ф. 5446 с. Оп. 24. Д. 1914. Л. 68; Становление и развитие колхозного строя в Молдавской ССР. Кишинев, 1971. С. 91.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5446 с. Оп. 25а. Д. 7455.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1028. Л. 55.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 173. Л. 52–53.

организовано 111 колхозов в Кишинёвском, Кагульском, Оргеевском, Сорокском, Бельцком и Бендерском уездах⁶⁷. Колхозы объединили свыше 16 000 крестьянских хозяйств с 35 500 колхозников. За ними закреплялось более 80 000 га пахотной земли, 9 400 лошадей, 1 900 рабочих волов и т. д.⁶⁸

22 марта 1941 г. вышло очередное постановление, регламентирувшее нормы приусадебных участков в размере от 0,25 до 0,50 га на колхозный двор⁶⁹. Несмотря на строго установленные квоты площадей приусадебных участков, колхозники и даже руководители колхозов самовольно оставляли за собой участки сверх уставных норм.

В мае ЦК КП(б) Молдавии представил в ЦК ВКП(б) проект постановления «О подготовке руководящих кадров для вновь организуемых колхозов Молдавской ССР». Постановлением предусматривалось объединение Тираспольской школы среднего сельхозобразования с колхозным сельскохозяйственным техникумом, налаживание порядка приема учащихся, обеспечения их стипендией в размере 250 рублей⁷⁰.

За несколько месяцев в республике произошли весьма заметные для постороннего глаза изменения. Кишинев исторически сформировался как город частных торговцев и мелких ремесленников. Он был полон частных ресторанов, кафе, закусочных, столовых, гостеприимно распахивавших перед посетителями двери. Прикрыв их в одночасье, новые власти не озаботились созданием сети предприятий общественного питания. В результате даже в центре города стало невозможно пообедать. Такая же участь постигла частные ремесленные мастерские (портняжные, переплетные, швейные, сапожные и др.). Немногие оставшиеся закрывались сами, не выдержав бремени установленных налогов.

Город был буквально наводнён безработными. В отсутствие биржи труда (её также прикрыли) людям не удавалось находить работу, в то время как многие учреждения и предприятия испытывали дефицит рабочей силы⁷¹. Ещё одной проблемой, с которой столкнулись власти, стало скопление в Кишиневе огромной массы беженцев из Румынии. Их численность возрастала с каждым днём. Многие, по свидетельству очевидцев, жили в подвалах синагог, в ужасающих условиях. Из-за скученности, холода, сырости и антисанитарии вспыхивали болезни. По зарегистрированным данным, весной 1941 г. в синагогах умерло 16 человек (среди них 5 детей). Только после возбуждения прокурором Молдавской республики уголовного дела горсовет принял меры по расселению беженцев и их трудоустройству⁷².

---

⁶⁷ Коллективизация крестьянских хозяйств в правобережных районах Молдавской ССР. Сборник документов, Кишинёв, 1969. С. 49.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7. Л. 91.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1036. Л. 51.

⁷⁰ Там же. Оп. 123. Д. 71. Л. 26–27.

⁷¹ Там же. Оп. 121. Д. 101. Л. 2–3.

⁷² Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

Руководство Молдавии поставило перед ЦК ВКП (б) вопрос об увеличении отпуска фондов промышленных и продовольственных товаров в республику, население которой остро нуждалось в одежде, обуви, предметах хозяйственного обихода, товарах для детей. В письме П. Бородина и Т. Константинова на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова от 19 января 1941 г. говорилось: «Тяжёлое положение создается с торговлей продовольственными товарами в городах, особенно в Кишиневе. За последние месяцы значительно возросло городское население за счет командированных работников в города, за счет прибывших свыше 150 тысяч беженцев, которые в основном осели в городах, и значительного увеличения спецконтингентов в городских поселениях. Всё это вызвало повышенный спрос на промышленные товары и особенно на продовольственные». По уровню снабжения промышленными и продовольственными товарами Молдавия в начале 1941 г. серьёзно отставала от других республик СССР⁷³.

Указом Президиума ЦК ВКП(б) от 8 марта 1941 г. жителям Бессарабии и Северной Буковины было возвращено (а переселенцам из внутренней Румынии, прошедшим проверку на «благонадёжность» – предоставлено впервые) советское гражданство. В эту категорию попали все те, кто по 7 ноября 1917 г. включительно являлись подданными Российской империи. Милиция, пользуясь формальным правом задерживать после проведения паспортизации всех, у кого не было документов, безжалостно отлавливала людей и высылала их из города, не считаясь с тем фактом, что большинство из них проживали в Кишинёве задолго до установления советской власти, и вся их «вина» перед советской властью, отказавшей им в праве на паспорт, заключалась лишь в «неудобном» роде занятий (в основном, это было мелкое частное предпринимательство).

Корреспондент газеты «Безбожник», посетивший Кишинев в начале 1941 г., зафиксировал факты нарушения прав граждан при проведении паспортизации. Больше всего от неё пострадали мелкие торговцы, которых в массовом порядке выселяли из города. Поскольку значительную их часть составляли евреи, они и оказались в роли стрелочников. Парадоксально, что именно евреям, приветствовавшим установление советской власти на молдавской земле, от нее же первым и досталось. «Что же это такое? При советской власти проводится самый настоящий еврейский погром», – сетовали люди, многие из которых являлись потомками или ближайшими родственниками участников революционного движения⁷⁴.

Партийные идеологи считали устроение торжественных годовщин знаменательных революционных дат и событий, всевозможных празднеств, демонстраций и митингов одним из важнейших воспитательных средств в арсенале методов политико-идеологической обработки населения. Вот и годовщину присоединения Бессарабии и Северной Буковины к СССР планировалось отметить 29 июня 1941 г. массовым митингом и демонстрацией

⁷³ ГАРФ. Ф. 5446 с. Оп. 32. Д. 8192. Л. 17–18.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 101. Л. 4.

трудящихся. Постановление по поводу празднования увидело свет практически за три дня до начала Великой Отечественной войны...⁷⁵.

Несмотря на то, что реализация широкомасштабной программы советизации Молдавии была прервана войной, кремлевскому руководству удалось за весьма короткий период времени провести обширный комплекс мер, неузнаваемо изменивших облик бывшей румынской провинции. Ключевыми факторами начального процесса советизации республики являлись идейно-политическая переориентация населения и запуск механизма преобразования действующих социально-политических и хозяйственно-экономических систем по советскому образцу и подобию – с целью их скорейшего слияния с остальной страной.

Список литературы:

1. *Лазарев А.М.* Молдавская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974. – 910 с.
2. *Стати В.* История Молдовы. Кишинев, 2003. – 480 с.
3. *Сурилов А.В.* История государства и права Молдавской ССР (1917-1959). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1963. – 335 с.

Об авторе:

ГАТАГОВА Людмила Султановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр истории народов России и межнациональных отношений, Институт российской истории, РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: lgochshtat@mail.ru

Chronicle of Forced Sovietisation (Moldavian precedent. 1940 – first half of 1941)

L.S. Gatagova

Institute of Russian History, RAS, Moscow, Russia

The article highlights the initial stage of the large-scale process of Sovietization of Bessarabia after its inclusion in the USSR in 1940. Illustration of the actions taken by the Kremlin leadership during the year allows us to trace not only the sequence of events, but also makes it possible to clarify the methods and forms of implementing an extensive program of political measures of social, economic and financial nature in the territory of the former Romanian province. These measures, which affected almost all aspects of life in Bessarabia, radically changed its political model, administrative structure, social and economic structure within a year. Despite the fact that the Great Patriotic War interrupted for several years the rapidly developing process of political and ideological re-education of the masses and leveling of cultural differences, the Kremlin's reforms largely paved the way for the

---

75 Там же. Оп. 116. Д. 96. Л. 4.

subsequent establishment of the Soviet regime in the newly formed Moldavian Union Republic.

Keywords: *Bessarabiya, massovo-politicheskaya rabota, nacionalizaciya, Moldavskaya Sovetskaya Socialisticheskaya Respublika, vybory, partijnye organy.*

About the author:

GATAGOVA Liudmila Sultanovna – Candidate of History, Leading Researcher in Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russia, 117292, Moscow, Dm. Ulyanova St., 19), e-mail: lgochshtat@mail.ru

References:

- Lazarev A.M. *Moldavskaya gosudarstvennost i bessarabskij vopros*, Kishinev, Kartya Moldovenyaske, 1974. 910 s.
Stati V., *Istoriya Moldovy*, Kishinev, 2003. 480 s.
Surilov A.V., *Istoriya gosudarstva i prava Moldavskoj SSR (1917-1959)*, Kishinev, Kartya Moldovenyaske, 1963. 335 s.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

УДК 94 (47)“1941/1945”

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.024–035

Студентки ярославского пединститута – участницы Великой Отечественной войны (1942-1952 гг.)

А.М. Ермаков

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

В статье на основе официальных документов, воспоминаний, материалов периодической печати рассматривается группа девушек–ветеранов Великой Отечественной войны, обучавшихся в Ярославском государственном педагогическом институте в 1942-1952 гг. Установлены их количество, возраст, воинские специальности, звания и должности в Красной армии, проанализирована статистика ранений, инвалидностей и наградений. Проведено сравнение соответствующих показателей воевавших мужчин и женщин, ставших студентами Ярославского пединститута. Выявлены особенности послевоенного отношения девушек к своему фронтовому прошлому. Показано, что педагогическое образование пользовалось популярностью у ветеранов войны, особенно у девушек, стремившихся получить шансы на социальное продвижение в послевоенном советском обществе.

Ключевые слова: женщины-воины, ветераны Великой Отечественной войны, студенчество, высшая школа, Ярославский государственный педагогический институт.

Судьбы советских женщин – ветеранов Великой Отечественной войны до сих пор привлекали крайне незначительное внимание исследователей. Женщинам-фронтовичкам посвятил часть своей монографии о ветеранах немецкий историк М. Эделе¹. В книге израильского историка А. Шнеера имеется пункт о женщинах-военнопленных, который заканчивается краткой характеристикой их положения после освобождения². Осмыслить влияние фронтового опыта и самого факта пребывания в армии на послевоенную жизнь женщин пытались советские писатели и публицисты: автор повести «Вот мы и дома...» Жанна Гаузнер³ и автор-составитель документально-очерковой книги «У войны не женское лицо» Светлана Алексиевич⁴.

---

¹ Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941-1991. Москва, 2023. С. 151-160.

² Шнеер А. Плен: в 2 т. Т. 1. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. Иерусалим, 2003. С. 297-320.

³ Гаузнер Ж.В. Вот мы и дома...: Повесть. М., 1948.

⁴ Алексиевич С.А. У войны – не женское лицо... Минск, 1985.

Не существует и специального исследования, посвящённого студентам – ветеранам Великой Отечественной войны. В советской научной литературе говорится только о некоторых льготах для студентов – инвалидов войны⁵, и о том, что студенты – участники войны занимали руководящие позиции в вузовских партийных и комсомольских организациях и показывали «замечательные успехи в учёбе»⁶. Современные научные публикации повторяют эту краткую информацию⁷ или представляют собой биографические справочники, лишённые аналитического содержания⁸. В монографии по истории Ярославского государственного педагогического университета сказано, что в 1945 г. в ЯГПИ «пришло много демобилизованных из армии, которые в большинстве случаев заняли ведущее положение на факультетах»⁹. В исследовании истории Московского педагогического государственного университета сказано, что в последние военные годы «среди первокурсников, как и в среде студенчества в целом, появилась значительная прослойка участников Великой Отечественной войны» и что «студенты–фронтовики не просто учились, они воспитывали своим примером, создавали в вузе особую атмосферу, в которой сформировалось не одно поколение студентов. Как правило, они достойно учились, многие были рекомендованы для поступления в аспирантуру»¹⁰. Небольшое место занимает сюжет о студентах-ветеранах и в книге М. Эделе¹¹.

Хранящиеся в архиве Ярославского государственного педагогического университета (ЯГПУ) документы позволяют установить количество студенток – участниц войны, проанализировать их довоенные биографии и специфику участия в войне (воинские специальности, звания, награды, ранения), а также мировосприятие и стратегии поведения после демобилизации. В ходе исследования 4 437 личных дел студентов, зачисленных в Ярославский пединститут в 1942–1948 гг., было выявлено 305 демобилизованных воинов, в том числе 83 девушки. Кроме автобиографий, заявлений,

---

⁵ Круглянский М.Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 132, 144.

⁶ Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. Москва, 1980. С. 83, 88.

⁷ Сперанский А.В. Высшая школа СССР в 1941-1945 гг.: экзамены войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 35.

⁸ Борисов С.Б. Преподаватели и студенты Шадринского университета - участники Великой Отечественной войны и труженики тыла: биографический справочник. Шадринск, 2021; Студенты Шадринского института на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1954 гг.: биограф. справ. Составители А.А. Рязанов, В.В. Морковкин. Шадринск, 2022.

⁹ История ЯГПУ за 100 лет. Ярославль, 2008. С. 161.

¹⁰ На перекрестье времен и судеб. Московскому педагогическому государственному университету 150 лет: монография / отв. ред. А. В. Лубков; науч. ред. О. В. Воробьева. М., 2022. С. 435, 438.

¹¹ Эделе М. Указ. соч. С. 262-265.

справок, студенческих и иных текстовых документов, находящихся в личных делах, исследовались фотоснимки, которые иногда оказывались единственными свидетельствами о наградах, воинских званиях, а в отдельных случаях - и о самом факте службы в армии. Так, студентка Н.И. Старостина ничего не написала о своей военной службе, ограничившись лишь словами, что в школьном обучении «в 1941 г. до 1942 г. был перерыв»¹². Для студенческого билета и зачётной книжки она предоставила свои фотографии в военной форме со знаками различия красноармейца.

Дополнительные сведения о назначении стипендий, предоставлении отпусков, отчислении и восстановлении содержатся в приказах по институту. Многие студентки из скромности или полагая, что не совершили ничего необычного, очень сжато сообщали о прохождении службы, умалчивали о наградах, ранениях и инвалидности. Например, Н.Н. Шибанова писала в автобиографии, что «седьмого декабря 1942 г. на подступах к городу Тихвину была ранена и получила обморожение обеих кистей рук. С седьмого декабря 1941 г. по восемнадцатое июля 1942 г. находилась на излечении в госпиталях в городах: Вологде, Ярославле, Новосибирске. В настоящее время по состоянию здоровья уволена в запас»¹³. То, что Шибанова являлась инвалидом войны, помог установить приказ по институту о назначении ей стипендии.

Кроме того, источниками для подготовки настоящей статьи стали опубликованные официальные документы ГКО СССР, Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВЛКСМ, материалы Министерства обороны, опубликованные на интернет-ресурсах «Память народа» и «Подвиг народа». Содержательными являются воспоминания студентов - участников войны, а также информация, опубликованная в периодической печати, размещенная на сайте «Бессмертный полк» и иных Интернет-ресурсах их родственниками и организациями, с которыми была связана их трудовая деятельность по окончании института.

Хронологические рамки исследования охватывают 1942–1952 гг. Нижняя хронологическая граница связана с появлением в ЯГПИ первых девушек-воинов, демобилизованных по ранению, увечью и другим причинам. Верхняя обусловлена выпуском из института ветеранов, поступивших на обучение после шестой волны демобилизации фронтовиков.

В указанный период ЯГПИ являлся одним из крупнейших педагогических вузов страны. В институте действовало пять факультетов (русского языка и литературы, исторический, физико-математический, естествознания, географический) со сроком обучения четыре года, а также двухгодичные курсы иностранного языка, на базе которых в сентябре 1942 г. был открыт шестой факультет - иностранных языков. В 1947 г. в ЯГПИ появился факультет физического воспитания. Кроме того, в вузе имелся учительский

¹² Архив Ярославского государственного педагогического университета (далее – Архив ЯГПУ). Личное дело № 556 (1944). Л. 2.

¹³ Там же. Личное дело № 793 (1942). Л. 2.

институт с двухгодичным сроком обучения и заочно-курсовой сектор педагогического и учительского институтов.

Притоку в ЯГПИ ветеранов войны способствовали государственные льготы: лица, возвратившиеся из армии «после ранений, контузий, увечья или болезни», имели преимущественное право зачисления на подготовительные курсы; студенты-инвалиды войны были освобождены от оплаты обучения, которая составляла 300 рублей в год¹⁴ и в 1940-1941 гг. привела к уходу из вузов многих студентов младших курсов и отказу от намерения поступать в институты выпускников 10-х классов; приём бывших студентов-первокурсников, демобилизованных из Вооруженных Сил, без вступительных экзаменов; прием без экзаменов участников войны, «если они окончили среднюю школу с аттестатом отличника, независимо от года окончания школы»; зачисление вне конкурса участников войны, успешно сдавших вступительные экзамены¹⁵. Впрочем, информация о льготах для демобилизованных воинов исчезает из рекламных объявлений института уже в 1947 г.

Кроме того, в 1944 г. Ярославский пединститут перестал быть единственным вузом в городе. Были открыты сразу три высших учебных заведения: технологический институт резиновой промышленности, медицинский и сельскохозяйственный институты. В 1949 г. в городе Щербакове (ныне Рыбинск) Ярославской области открылся учительский институт, в который предполагалось принять 250 человек¹⁶. Хотя ярославский педвуз оставался крупнейшим в области, четыре новых учебных заведения в совокупности обгоняли его по количеству мест для первокурсников. В 1947 г. ветераны войны заняли 59 из 300 мест в медицинском институте, что составляло почти 20 % всех вновь зачисленных¹⁷. В это же время в ЯГПИ среди поступивших было только 9,8 % демобилизованных воинов. По данным на начало 1946/47 учебного года из 1 536 студентов ЯГПИ участниками войны являлись 153 человека, в том числе инвалидами войны – 39¹⁸.

Прогрессирующее превращение педагогической профессии в женскую имело следствием поступление в ярославский педвуз большого количества девушек, демобилизованных из Красной армии. В 1942-1948 гг. они составили 27,2 % от принятых ветеранов, а в 1945 и 1946 гг. их доля достигала 51,9% и 35,2 % соответственно. Это объясняется увольнением из Вооруженных Сил «всех женщин рядового и сержантского состава, кроме женщин-специалисток, изъявивших желание остаться в Красной Армии на

¹⁴ Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик, 1940. Москва, 1940. С. 910.

¹⁵ Ярославский государственный педагогический институт имени К.Д. Ушинского // Северный рабочий. 1946. 31 июля. С. 3.

¹⁶ Учительский институт в гор. Щербакове // Северный рабочий. 1949. 29 июля. С. 4.

¹⁷ 300 новых студентов в мединституте // Северный рабочий. 1947. 30 августа. С. 3.

¹⁸ Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 43. Л. 1-3.

должностях военнослужащих» в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1945 г.¹⁹ Отметим, что, по разным современным подсчетам, в Вооружённые Силы было призвано от 490 тысяч²⁰ до 1 млн женщин²¹, что составляет от 1,5 до 3,1 % мобилизованных.

М. Эделе выделяет три возрастные категории ветеранов, называя «фронтовым поколением» женщин и мужчин 1923-1927 годов рождения. Они отправились в армию прямо со школьной или студенческой скамьи, «не имели опыта взрослой гражданской жизни» и после войны сталкивались с проблемами адаптации. Часть из них сделала стремительную карьеру в армии, поэтому демобилизация означала для них шаг назад. Представители двух других поколений ветеранов были старше по возрасту и до войны успели утвердиться в гражданской жизни²². Изучение биографий 295 ярославских студентов-воинов, чьи даты рождения удалось установить, дает основание отодвинуть нижнюю границу фронтового поколения до 1920 г. В институт поступали ветераны, которые до, во время или в первые годы после войны закончили школу-десятилетку, педагогическое или иное училище, учительский институт или один-два курса института, часто педагогического. Например, в 1948 г. ЯГПИ отправил в областную газету информацию о том, что «желание учиться в институте изъявляют многие бывшие фронтовики. Т.т. Асафьев, Андрианов и другие закончили в 1942 году средние школы, затем были участниками Великой Отечественной войны и сейчас, демобилизовавшись из Советской Армии, решили продолжать учебу в педагогическом институте»²³. К фронтовому поколению относилось подавляющее число девушек – участниц войны: из 83 человек только двое родились в 1918 г. и одна – в 1919 г. Остальные студентки были 1920-1927 годов рождения, причём на 1923 г. приходилось 32 человека, т. е. 38,6 % девушек ветеранов.

В соответствии с автобиографиями, записями в наградных листах и сведениями, приводимыми родственниками и коллегами, добровольно ушли на фронт 45 будущих студентов (14,8 %), в том числе 19 девушек (22,9 %). Однако добровольность была широко распространенным явлением, и многие студенты института не считали нужным специально указывать на этот факт своей биографии, используя формулировки «был(а) взят(а) в РККА». Так, А.М. Кочигина в 1942 г. окончила курсы медсестер и с мая по декабрь этого года работала медсестрой в госпитале на станции Чебаково Ярославской железной дороги. «С января 1943 по июль 1945 года находилась в рядах

¹⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии» // Правда. 1946. 26 сентября. С. 1.

²⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 214.

²¹ Женщины Великой Отечественной войны. Авт.-сост. Н. К. Петрова. М., 2018. С. 4.

²² Эделе М. Указ. соч. С. 42.

²³ Козлов П. Заявления о приеме в пединститут // Северный рабочий. 1948. 3 июля. С. 3.

РККА на Ленинградском фронте»²⁴. В автобиографии не сказано, каким образом А.М. Кочигина попала на фронт, но на сайте Нижнетагильского государственного социально-педагогического института, где она долгие годы работала, сообщается, что А.М. Кочигина ушла на фронт добровольно²⁵.

Свыше 550 тысяч девушек стали воинами по призыву комсомола²⁶. В постановлении ЦК ВЛКСМ от 28 марта 1942 г. о мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО сказано, что «мобилизации подлежат комсомолки-добровольцы»²⁷. Принцип добровольности декларировался и в других документах ЦК комсомола, касающихся мобилизации девушек. Н.К. Ершова (Бретышева) пишет: «В апреле 1942 г. по линии комсомольской организации ушла в Красную Армию»²⁸. А.С. Ефремова «10 апреля 1942 г. по Сталинскому призыву была мобилизована в Красную Армию»²⁹. А.Ф. Крестьянинова (Яковлева) «по комсомольской мобилизации была призвана в ряды РККА»³⁰. З.В. Майорова «в 1942 г. по сталинскому призыву была мобилизована в Красную Армию и направлена в Рязанское пехотное училище»³¹. Н.Х. Резниченко «в 1942 году по Сталинскому призыву пошла в Красную Армию»³². Л.В. Орлова, дата призыва которой совпадает с окончанием срока одной из комсомольских мобилизаций в войска ПВО, стала первым номером пулеметного расчета 1567 мелкозенитного артиллерийского полка Волховского фронта. О комсомольском призыве Орлова умолчала, но с гордостью писала, что «в армии служила честно и добросовестно. В 1943 г. дважды выпала честь сражаться на фронте»³³.

В опубликованных документах ЦК ВЛКСМ упоминаются случаи нарушения принципа добровольности. По меньшей мере одна из будущих ярославских студенток, О.М. Куликова, попала в Вооруженные Силы как раз вследствие такого нарушения. Она рассказала в автобиографии: «В июне месяце 17 (дня) (1943 г. – А.М.) меня и мою подругу вызвали в райком ВЛКСМ и предложили добровольно в ВМФ. Я отказалась, тогда на другой день подали повестку из райвоенкомата. И 23.7.43 года я отбыла по назначению в военно-морской флот»³⁴. О.М. Куликовой исполнилось 17 лет только 26 июня 1943 г.

Все будущие студентки ЯГПИ стали военнослужащими в первые три года войны, при этом в 1941 г. было мобилизовано 23 человека, в 1943 г. –

²⁴ Архив ЯГПУ. Личное дело № 176 (1947) Пед. Л. 2.

²⁵ Кочигина Александра Михайловна [Электронный ресурс] URL: <http://book.ntspi.ru/site/pages?id=129> (дата обращения – 30.04.2024).

²⁶ Женщины Великой Отечественной войны. С. 5.

²⁷ Там же. С. 59.

²⁸ Архив ЯГПУ. Личное дело № 187 (1946). Л. 4.

²⁹ Там же. Личное дело № 190 (1946). Л. 2.

³⁰ Там же. Личное дело № 256 (1946). Л. 2.

³¹ Там же. Личное дело № 396 (1946). Л. 3.

³² Там же. Личное дело № 113 (1945). Л. 2.

³³ Там же. Личное дело № 485 (1946). Л. 4.

³⁴ Там же. Личное дело № 150 (1947) Пед. Л. 3.

15, а в 1942 г. – 45, что составляет 54,2 %. Отчасти эти цифры коррелируются с общесоюзными цифрами призыва женщин на военную службу – на 1942 г. приходится 48 % всех мобилизованных³⁵. Именно в этом году было издано несколько постановлений ГКО СССР и ЦК ВЛКСМ о мобилизации сотен тысяч девушек-комсомолок и не комсомолок в войска ПВО, связи, в ВМФ, а также в женскую добровольческую стрелковую бригаду, запасной полк и Рязанское пехотное училище. Согласно одному только постановлению ГКО от 25 марта 1942 г. в части ПВО были направлены 100 тысяч девушек³⁶. Расхождение между долями поступивших на службу в 1941 г. студентов пединститута (27,7 %) и женщин по Советскому Союзу в целом (1,1 %) свидетельствует о том, что после войны в ЯГПИ пришли девушки-патриотки, добровольно вставшие на защиту Родины.

Как и другие советские девушки, студентки Ярославского пединститута на войне были санитарками и медицинскими сёстрами во фронтовых и эвакуационных госпиталях, военно-санитарных поездах, санинструкторами в воинских частях (28 человек), служили в зенитной артиллерии, зенитно-пулеметных, прожекторных частях и частях аэростатов заграждения (16 человек), телефонистами и радиотелеграфистами в войсках и подразделениях связи (12 человек), а также в штабах на должностях писарей. Среди девушек были политработники: комсорг батальона, комсорг роты, руководитель комсомольской политшколы. М.М. Молчанова окончила школу младших авиационных специалистов (ШМАС) и служила специалистом по авиавооружению. А.Д. Елина была диспетчером (регулирующим) военно-автомобильной роты.

Если из 222 мужчин офицерами были 85 человек (38,3 %), то из 83 женщин – только 6 (7,2 %). А.А. Дьячкова закончила Вельский педагогический техникум и к моменту начала войны заочно училась на 2 курсе ЛГПИ им. А.И. Герцена. В характеристике, направленной в институт начальником политотдела части и, возможно, написанной самой Дьячковой, говорится, что «в 1942 г. она добровольно пошла в Красную Армию рядовым бойцом. Своей примерной службой, своими способностями и добросовестным серьёзным отношением к порученному делу выделилась среди остальных бойцов и была удостоена присвоения офицерского звания»³⁷. А.А. Дьячкова поступила в ЯГПИ, имея звание лейтенанта административной службы. Е.С. Романова в июне 1941 г. окончила второй курс исторического факультета Смоленского пединститута, начала службу медсестрой, а по окончании курсов переводчиков получила назначение в штаб стрелковой дивизии. Войну завершила старшим лейтенантом административной службы³⁸. Гвардии старший лейтенант административной службы Е.А. Рязанова (Кривченко) в августе 1941 г. добровольно вступила в народное ополчение Кировского

³⁵ Россия и СССР в войнах XX века. С. 214.

³⁶ Филоненко С.И. Война на Воронежской земле 1942-1943 гг. в документах Красной Армии, вермахта и войск сателлитов: в 5 т. Т. 4. Воронеж, 2018. С. 57-58.

³⁷ Архив ЯГПУ. Личное дело № 34 (1945). Л. 2.

³⁸ Романова Елизавета Сергеевна. 1922-2000 // Звонница. 2006. № 6. С. 100-102.

района г. Москвы, служила секретарем политотдела стрелковой дивизии³⁹. Лейтенант административной службы А.Д. Евстафеева до войны училась на французском отделении Архангельского учительского института, во время войны служила в морской стрелковой бригаде⁴⁰. З.В. Майорова, мобилизованная по окончании первого курса Молотовского фармацевтического института, окончила военное училище с присвоением звания «младший лейтенант». Она была направлена на службу инструктором военкомата в г. Иваново и в 1945 г. стала лейтенантом⁴¹. Н.С. Скобельская (Костровицкая) закончила Ярославскую фельдшерско-акушерскую школу и после призыва в 1943 г. служила в полевом хирургическом госпитале в звании «младший лейтенант»⁴².

«Особенно обидно за девчонок-медсестер, - говорил один из ветеранов войны. – Они... как правило, получали медаль “За боевые заслуги” – одну, вторую, третью. Из девчонок редко кто орден Красной Звезды имел»⁴³. Эти слова можно отнести и к ярославским студенткам, боевые награды которых соответствовали занимаемым должностям и невысоким званиям рядового и сержантского состава: если из 222 мужчин были награждены 156 (70,3 %), то из 83 женщин – только 48 (57,8 %). Ордена «Красной Звезды» удостоились 4 девушки, ордена «Славы» III степени – 2, медали «За отвагу» - 7, медали Ушакова – 1, медали «За боевые заслуги» - 24. «За заслуги и отличия в период Великой Отечественной войны в обороне, взятии и освобождении городов и территорий» были награждены медалями «За оборону Ленинграда» 5 девушек, «За оборону Москвы» - 1, «За оборону Сталинграда» - 2, «За оборону Кавказа» - 1, «За оборону советского Заполярья» - 2, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» - 31, «За победу над Японией» - 2, «За взятие Кенигсберга» - 1, «За взятие Берлина» - 2, «За освобождение Варшавы» - 2, «За освобождение Праги» - 1, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» - 1. Двумя орденами Красной Звезды была награждена Евдокия Акимовна Рязанова (Кривченко), гвардии старший лейтенант, секретарь политотдела дивизии; двумя медалями «За боевые заслуги» - Ольга Васильевна Капустина, старшина медицинской службы, младшая медсестра отдельной роты медицинского усиления.

Ветераны дорожили нагрудными знаками, благодарностями и ценными подарками, полученными на фронте. Они с гордостью перечисляли их в автобиографиях. И.Б. Беленёва (Рожина) была награждена знаком «Отличный связист», А.Ф. Крестьянинова (Яковлева) - знаком «Отличный дорожник», А.Ф. Рылькова – знаком «Отличник ПВО». Неформальный статус этих знаков был довольно высок, так как решение о награждении ими принимал воинский начальник от командира бригады и выше, к компетенции которого

³⁹ Архив ЯГПУ. Личное дело № 79 (1947) Уч.

⁴⁰ Архив ЯГПУ. Личное дело № 22 (1946).

⁴¹ Там же. Личное дело № 396 (1946). Л. 3.

⁴² Там же. Личное дело № 338 (1947) Пед.

⁴³ Дворниченко О. Клеймо. Судьбы советских военнопленных. М., 2017. С. 359.

в годы войны относилось награждение солдат, сержантов и офицеров до командира роты медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и орденом «Красной Звезды».

А.Ф. Крестьянинова сообщала о себе, что «за политическую работу в дорожных частях Красной Армии награждена американскими часами»⁴⁴. Л.А. Графова «во время службы была отличником боевой и политической подготовки» и представила в институт «положительную характеристику командования части»⁴⁵. А.А. Полиевктова «принимала участие в обороне и прорыве блокады г. Ленинграда, до конца войны принимала участие в наступлении, участие в боях, за овладение крупными городами имею восемь правительственных благодарностей»⁴⁶. Командир отделения, механик центральной телефонной станции, парторг роты А.М. Маркова «получила десятки благодарностей от командования части»⁴⁷.

Приведённые данные не являются полными. В.А. Рубищева пишет, что «была награждена четырьмя правительственными наградами», из которых в базах данных имеется информация только о двух медалях. Н.К. Ершова (Бретышева) не сообщает о своих наградах, в базах министерства обороны имеются сведения о награждении её медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в Книге памяти Ханты-Мансийского автономного округа написано, что, кроме них, Ершова была удостоена медалей «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина».

В автобиографиях ярославских студентов - ветеранов войны фразы «ранений не имею» или «ранен не был ни разу» встречаются довольно редко. 124 из 305 участников войны имели по меньшей мере по одному ранению, чаще всего тяжелому, приведшему к инвалидности, или были контужены. 20 человек были ранены дважды, 13 – трижды, 5 – четырежды, а 1 – пять раз. Не получили ранений главным образом девушки, военная работа которых не предполагала участия в боях. По неполным данным, инвалидами стали студентки Н.Н. Шибанова, В.А. Гурина, З.И. Камерилова, Г.М. Кацман, Л.В. Орлова, В.А. Рубищева. Тяжёлые ранения получили связистка Н.Х. Резниченко и наводчик зенитной артиллерии А.Ф. Крестьянинова. О тяжести ранения медсестры походно-полевого госпиталя М.А. Родиной свидетельствует её перевод после выздоровления в запасной полк связи, где она служила до конца войны. Связистка Н.Т. Иванцова после контузии была переведена на штабную работу в политуправление фронта. Кроме того, были ранены санинструкторы И.Г. Патраболова, А.А. Полиевктова и А.В. Тереханова. Как и мужчины-инвалиды, девушки получали невысокие пенсии, страдали от открывающихся ран, некачественных протезов и бытовых неудобств, чаще болели. Например, отпуск в институте из-за обострения бо-

⁴⁴ Архив ЯГПУ. Личное дело № 256 (1945). Л. 2.

⁴⁵ Там же. Личное дело № 417 (1945). Л. 2.

⁴⁶ Там же. Личное дело № 525 (1945). Л. 5-5об.

⁴⁷ Там же. Личное дело № 509 (1945). Л. 4об.

лезни, вызванной ранением, брала В.А. Рубищева. Имея на иждивении малолетнего сына, она бедствовала и в 1949 г. отчислилась из института, поступив на работу в школу⁴⁸.

Исследователи констатируют, что часть женщин-воинов скрывала или не афишировала участие в войне, не желая испытывать на себе враждебность окружающих. Документы ярославских студенток содержат лишь единичные подтверждения этому. Большинство девушек-ветеранов, напротив, гордилось своим фронтовым прошлым. Об этом свидетельствуют как автобиографии, так и фотоснимки в студенческих документах – в форме, часто с погонями и наградами. Чувство гордости поддерживала и областная пресса. 9 мая 1948 г. областная газета «Северный рабочий» сообщала, что «успешно овладевают знаниями бывшие фронтовики, студенты педагогического института имени К.Д. Ушинского. На двух факультетах учится сталинский стипендиат Ирина Патроболева. Во время войны она была медицинской сестрой и награждена медалью "За отвагу". Среди отличников – Елизавета Романова, удостоенная ордена Красной Звезды»⁴⁹.

Принимая девушек-воинов в ряды студентов, институт выполнял важную социальную функцию, предоставляя им возможность получить гражданскую профессию и в будущем трудоустроиться в системе образования. Поступление в вуз давало вчерашним фронтовичкам время на адаптацию к гражданской жизни. Процент девушек, закончивших обучение и получивших диплом (69,9 %), был таким же, как и доля ветеранов-мужчин, успешно справившихся с учебой (69,4 %). Выпускницы ЯГПИ трудились в школах по всему Советскому Союзу, кто-то перешёл на работу в партийные и советские органы, а кто-то связал свою судьбу с наукой и высшей школой. Среди выпускниц Ярославского пединститута - ветеранов войны: кандидат биологических наук, доцент Нижнетагильского государственного педагогического института Т.А. Кочигина; кандидат исторических наук, доцент кафедры марксизма-ленинизма Симферопольского государственного университета А.В. Порфинова; кандидат филологических наук, доцент Белгородского государственного педагогического института, член Союза писателей России Е.С. Романова; кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой ботаники, декан естественно-географического факультета Благовещенского педагогического института, а потом – заведующий кафедрой Волгоградского педагогического института А.А. Румянцева, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой элементарной математики Ярославского государственного педагогического института О.И. Шендеровская (Смирнова). К.Л. Воронько, проучившись два года на литературном факультете, вернулась в родной Ленинград, где окончила политико-просветительский институт им. Н.К. Крупской. Она стала кандидатом педагогических наук, заведующей кафедрой библиотекведения Пермского института культуры.

⁴⁸ Там же. Личное дело № 141 (1947) Уч.

⁴⁹ Участники Отечественной войны за учебой // Северный рабочий. 1948. 9 мая. С. 2.

Таким образом, Ярославский педвуз оказался привлекательным для демобилизованных девушек – участниц Великой Отечественной войны. Их доля среди поступивших в ЯГПИ фронтовиков значительно больше, чем в составе ветеранов в целом. Это свидетельствует о превращении педагогической профессии в СССР в женскую. Военские звания, специальности, награды и статистика ранений девушек-фронтовичек соответствуют общей картине участия советских женщин в вооруженной защите Родины. Обладавшие высоким по сравнению с массой женского населения страны уровнем образования, состоявшие в комсомоле и партии студентки в большинстве своём не были склонны поддаваться давлению той части общества, которая порицала их участие в боях наравне с мужчинами, и гордились этим. Большинство из них успешно завершили обучение и честно трудились в системе образования.

Список литературы:

1. Борисов С. Б. Преподаватели и студенты Шадринского университета - участники Великой Отечественной войны и труженики тыла: биографический справочник. Шадринск: ШГПУ, 2021. – 120 с.
2. Дворниченко О. Клеймо. Судьбы советских военнопленных. М.: Культурная революция, 2017. – 776 с.
3. Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Издательство «Высшая школа», 1970. – 314 с.
4. Сперанский А. В. Высшая школа СССР в 1941-1945 гг.: экзамены войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 33-38.
5. Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941-1991. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 480 с.
6. Шнеер А. Плен: в 2 т. Т. 1. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. Иерусалим: Гешарим, 2003. – 380 с.

Об авторе:

ЕРМАКОВ Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», (Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1), e-mail: ermakov.a.m@mail.ru

Students of the Yaroslavl Pedagogical institute – Participants of the Great Patriotic War (1942–1952)

A.M. Ermakov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

Based on official documents, memoirs, and periodical materials, the article examines a group of female veterans of the Great Patriotic War who studied

at the Yaroslavl State Pedagogical Institute in 1942 and 1952. Their number, age, military specialties, ranks and positions in the Red Army have been established, statistics of injuries, disabilities and awards have been analyzed. A comparison of the corresponding indicators of male and female soldiers who became students of the Yaroslavl Pedagogical Institute was carried out. The features of the post-war attitude of girls to their frontline past are revealed. It is shown that pedagogical education was popular among war veterans, especially among girls who sought to gain chances for social advancement in post-war Soviet society.

Keywords: *women warriors, veterans of the Great Patriotic War, students, higher school, Yaroslavl State Pedagogical Institute.*

About the author:

ERMAKOV Alexander Mikhailovich – Doctor of History, Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, (Russia, 150000, Yaroslavl, Republikanskaya str., 108/1), e-mail: ermakov.a.m@mail.ru

References:

- Borisov S.B., *Prepodavateli i studenty Shadrinskogo universiteta - uchastniki Velikoj Otechestvennoj vojny i truzheniki tyla: biograficheskij spravoch-nik?* Shadrinsk? ShGPU, 2021. – 120 s.
- Dvornichenko O., *Klejmo. Sud'by sovetskih voennoplennyh*, M., Kul'turnaya revolyuciya, 2017. – 776 s.
- Kruglyanskij M. R., *Vyshshaya shkola SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*, M., Izdatel'stvo «Vysshaya shkola», 1970. – 314 s.
- Speranskij A. V., *Vyshshaya shkola SSSR v 1941 1945 gg.: ekzameny vojny*, Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya «So-cial'no-gumanitarnye nauki», 2015, T. 15, № 3, S. 33-38.
- Edele M., *Sovetskie veterany Vtoroj mirovoj vojny. Narodnoe dvizhenie v avtoritarnom gosudarstve, 1941-1991*, M., Novoe literaturnoe obozre-nie, 2023. – 480 s.
- Shneer A., *Plen: v 2 t. T. 1. Sovetskie voennoplennye v Germanii 1941–1945*, Ierusalim, Gesharim, 2003. – 380 s.

Статья поступила в редакцию 03.02.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

УДК 94(47)19

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.036–052

Главное управление по делам печати министерства внутренних дел начала XX в.: структура и кадровый состав

Е.Н. Крылова

ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина», г. Пушкин, Россия

В статье характеризуется структура и кадровый состав Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел в начале XX в. Публикация подготовлена на основе материалов фондов Главного управления по делам печати и редакции газеты «Правительственный вестник» Российского государственного исторического архива. Показано, что в связи с ростом количества периодических изданий в Российской империи в Главном управлении по делам печати происходит реструктуризация: к канцелярии Главного управления по делам печати постепенно добавляются дополнительные отделения, вводится в состав управления Отдел иностранной и инородческой печати, библиотека Главного управления по делам печати, типография Министерства внутренних дел, учреждается Осведомительное бюро, образованы хозяйственный отдел и счётно-финансовое отделение.

Ключевые слова: *Главное управление по делам печати в начале XX в., Министерство внутренних дел в начале XX в., кадровый состав Главного управления по делам печати, канцелярия Главного управления по делам печати, типография МВД, «Правительственный вестник», Осведомительное бюро.*

На рубеже XIX–XX вв. Министерство внутренних дел обладало большими полномочиями в вопросах по делам печати и цензуры, они рассматривались в Главном управлении по делам печати под контролем министра.

Вопросы функционирования цензуры в дореволюционной России привлекают внимание современных исследователей. Изучается цензура книг, социально-правовой статус цензора, работа цензурного ведомства. Необходимо отметить работы по изучению деятельности Главного управления по

делам печати. Одним из первых в этом направлении стал обзор Л. Полянской архивного фонда Главного управления по делам печати¹.

Среди работ, посвященных организационно-правовым основам деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел, следует отметить значительный вклад А.В. Амбросьева². Важные моменты деятельности Осведомительного бюро рассмотрены в статьях В.Е. Кельнера³, Д.А. Гутнова⁴. Ряд аспектов работы Главного управления по делам печати изучен в исследованиях В.В. Шевцова⁵, А.В. Лихоманова⁶,

---

¹ Полянская Л. Архивный фонд Главного управления по делам печати // Литературное наследство. 1935. Т. 22. С. 603–634.

² Амбросьев А.В. Роль МВД в цензурной политике до образования Главного управления по делам печати // Российский следователь. 2010. № 21. С. 37–39; *Он же*. Деятельность Главного управления по делам печати по контролю за средствами массовой информации и распространению печатной продукции // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 12. С. 282–284; *Он же*. Организационно-правовые основы деятельности осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати Российской империи // Соблюдение законности и обеспечение правопорядка в деятельности органов внутренних дел: сборник трудов межвузовского научного семинара. М. 2011. С. 5–9; *Он же*. Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи: структура и организация деятельности // История государства и права. 2011. № 17. С. 30–35; *Он же*. Нормативно-правовое регулирование деятельности Главного управления по делам печати МВД Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // История государства и права. 2012. № 5. С. 26–30; *Он же*. Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.): автореф. дис... к. ю. н. М., 2012.

³ Кельнер В.Е. Создание и деятельность осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати: 1906–1917 гг. // Цензура в России: история и современность. СПб., 2011. Вып. 5. С. 237–243.

⁴ Гутнов Д.А. Из истории взаимодействия государства и периодической печати в России: Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2015. № 4. С. 16–25.

⁵ Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск, 2016.

⁶ Лихоманов А. В. Самодержавие в борьбе за общественное мнение в годы Первой русской революции: (Правительственная печать в 1905–1907 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1995. 18 с.; *Он же*. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997.

Н.Г. Патрушевой⁷. Опубликованы работы источниковедческого характера о прошениях, поступавших в Главное управление по делам печати МВД⁸.

Н.Г. Патрушева делает важный для нашего исследования вывод о том, что «Главное управление являлось основной инстанцией, в которой решались все дела по периодической печати – от основания нового органа до окончательного прекращения его выхода – и велась вся документация»⁹.

Главное управление по делам печати было образовано 6 апреля 1865 г. и просуществовало до 27 апреля 1917 г. Статус Главного управления по делам печати был определён во Временных правилах о цензуре и печати от 6 апреля 1865 г.¹⁰ В компетенцию Главного управления по делам печати входили контроль внутренней, иностранной и драматической печати, ведение публичными библиотеками и книжной торговлей, наблюдение за действиями местных комитетов по делам печати и инспекторов по делам печати,

---

⁷ Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865–1905 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 271–283; Она же. Последние годы Главного управления по делам печати // Средства массовой информации в современном мире. СМИ 2006: Матер. науч.–практ. конф. СПб., 2006. С. 32–37; Она же. Главное управление по делам печати (1865–1917 гг.) и проекты его реформирования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8–3 (14). С. 147–151; Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Центральные учреждения Цензурного ведомства (1804–1917) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: Сборник научных трудов. Российская национальная библиотека. СПб., 2008. С. 185–302, Они же. Цензура: цензурные учреждения // Три века Санкт-Петербурга. Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2009. С. 650–654, Патрушева Н.Г. Отдел иностранной и инородческой печати Главного управления по делам печати (1906–1917) // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов: Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 289–292.

⁸ Воробьев В.В. Прогресс в Главное управление по делам печати как источник по регламентации выхода периодических изданий Сибири в начале XX в. // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Матер. всерос. науч. конф., посвященной 1150-летию российской государственности, 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Н.Ф. Емельянова и 60-летию исторического факультета КГУ. 2012. С. 137–139; Чередова С.Ю. Прогресс в Главное управление по делам печати как источник по истории взаимоотношений центра и сибирской провинции // Третьи Ядринцевские чтения. материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 300-летию Омска. 2015. С. 286–288; Шевцов В.В. Цензурная практика в отношении Губернских ведомостей Сибири // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. СПб., 2015. С. 192–205; Воробьев В.В. Обращение в Главное управление по делам печати министерства внутренних дел Российской империи как источник по изучению истории периодических изданий Сибири в начале XX в. // Омские научные чтения – 2019: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск, 2019. С. 298–300.

⁹ Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865–1905 годах. С. 280.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1867. Собрание II. Т. XL.

цензоров драматических сочинений, рассмотрение жалоб, наблюдение за произведениями печати и возбуждение судебного преследования, ведение дел об открытии типографий, литографий, металлографий и заведений, производивших и продававших принадлежности тиснения и надзор за ними. Согласно цензурному уставу от 6 апреля 1865 г., печать, а вместе с ней и цензура подразделялась на внутреннюю и иностранную. «Первая рассматривает произведения словесности, наук и искусств, назначаемые к изданию внутри государства. Вторая позволяет или запрещает продажу книг, повременных изданий, эстампов и т. п., привозимых из-за границы»¹¹.

Главное управление по делам печати находилось в Санкт-Петербурге однако были учреждены и местные органы внутренней цензуры в виде цензурных комитетов в Москве, Варшаве и Тифлисе. Отдельные цензоры осуществляли контроль в Риге, Ревеле, Юрьеве, Митаве, Киеве, Вильне, Одессе и Казани. Иностранную цензуру осуществлял цензурный комитет иностранной цензуры в Санкт-Петербурге, с 1894 г. преобразованный в Центральный комитет иностранной цензуры, отдельные цензоры работали в Москве, Ревеле, Вильне и Киеве.

Первоначально Главное управление по делам печати состояло из начальника Главного управления по делам печати, Совета, канцелярии, особых цензоров драматических произведений и чиновников особых поручений. По штатному расписанию 1865 г. Совет Главного управления по делам печати состоял из начальника управления, шести членов Совета, правителя дел канцелярии, двух его помощников, двух чиновников особых поручений и двух цензоров драматических сочинений¹². Совет Главного управления по делам печати состоял из членов, назначаемых Высочайшим указом по представлению министра внутренних дел, а также из председателей цензурных комитетов, находившихся в Санкт-Петербурге.

С 1 января 1869 г. в Министерстве внутренних дел стала выходить газета «Правительственный вестник», общая для всех ведомств официальная газета¹³, действующая на коммерческом основании, подведомственная Главному управлению по делам печати¹⁴.

Главное управление по делам печати возглавлялось начальником, под председательством которого действовал Совет Главного управления. Начальник Главного управления по делам печати назначался и увольнялся Высочайшим указом по представлению министра внутренних дел и подчинялся непосредственно министру внутренних дел, ежемесячно представляя на рассмотрение министра доклады по Главному управлению по делам печати.

---

¹¹ Устав о цензуре и печати (Св. законов т. 14) с позднейшими установлениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. Сената и административными распоряжениями. Составлен В.П. Ширковым. СПб., 1900. С. 1.

¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 23. Д. 58. Л. 7.

¹³ Там же. Ф. 785. Оп. 1. Д. 208. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 87. Л. 35.

Канцелярия Главного управления по делам печати возглавлялась правителем дел, при котором находились помощники, особые цензоры драматических сочинений и чиновники особых поручений, назначаемые и увольняемые приказами министра внутренних дел. В канцелярии Главного управления по делам печати велись списки пьес, рассмотренных цензурой, алфавитные списки произведений печати, запрещённых министром внутренних дел к обращению в общественных читальнях, и другие реестры запрещенных книг, а также журналы Совета, в которых кратко излагались доклады, высказывания и особые мнения членов Совета и его решения. В 1865–1870-е гг. канцелярия состояла из одного отделения, в 1870–1877-е гг. уже из двух отделений: первое занималось повременными изданиями, второе остальными.

В 1878 г. в связи с ростом количества периодических изданий в Главном управлении учреждается новое отделение, которому были переданы функции общего наблюдения за печатью, надзор за типографиями, книжной торговлей и библиотеками, личным составом цензурного ведомства, а дела о периодической печати стали вести первые два отделения. Первое отвечало за столичные, второе – за провинциальные повременные издания, третье – за остальные. Н.Г. Патрушева отмечает: «К 1 января 1882 г. в составе Главного управления по делам печати находилось 16 лиц, занимавших штатные должности. Кроме того, к Главному управлению для постоянных занятий было прикомандировано 10 чиновников из причисленных к Министерству внутренних дел. Таким образом, к 1 января 1882 г. при Главном управлении числилось 26 лиц. Увеличение числа нештатных чиновников объяснялось недостаточностью личного состава, определенного штатом 1865 г.... Надо заметить, что лица, прикомандированные к ведомству печати, имели определённые, постоянные обязанности наравне со штатными чиновниками и получали определённое содержание, производившееся по смете и из сумм издаваемой при Главном управлении по делам печати газеты “Правительственный вестник”»¹⁵.

С 1897 г. в здании Министерства внутренних дел по адресу: наб. р. Фонтанки, д. 57 на первом этаже¹⁶ стала располагаться редакция газеты «Правительственный вестник».

В 1900 г. в Главном управлении по делам печати был проведён ремонт помещений, предназначенных для кабинета начальника и зала Совета. Кабинет начальника Главного управления по делам печати не обновлялся «со времени основания означенного учреждения в 1865 г.»¹⁷ На ремонт было выделено 1500 р. из сумм от оборотов по изданию газеты «Правительственный вестник».

С 1898 по 1906 г. канцелярия Главного управления по делам печати уже включала четыре отделения. После отмены предварительной цензуры повременной (21 ноября 1905 г., 18 марта 1906 г.) и неповременной печати (26 апреля 1906 г.) функции Главного управления по делам печати были распределены между пятью отделениями: первое отделение вело дела по периодическим органам печати и по книгам, выходившим в Санкт-Петербурге и

¹⁵ Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати (1865–1917 гг.) и проекты его реформирования. С. 147.

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 64. Л. 19.

¹⁷ Там же. Оп. 22. Д. 62. Л. 3.

Москве, по округу Санкт-Петербургской судебной палаты и делопроизводством по всем правительственным изданиям. Второе отделение занималось делами о газетах и книгах по округам Московской, Киевской, Одесской, Харьковской и Новочеркасской судебных палат. Третье отделение ведало делами периодических органов печати и по книгам, выходившим по округам Саратовской, Казанской, Тифлиской, Ташкентской, Иркутской и Омской судебных палат. Четвертое отделение разрабатывало законодательство о печати, составляло циркуляры, вело дела по иностранной цензуре, дела о книгах и газетах по округам Варшавской и Виленской судебных палат. Последнее, пятое отделение заведовало личным составом Главного управления по делам печати и цензурных учреждений, библиотекой, делами по типографиям, литографиям, металлографиям и книжной торговле.

В.В. Шевцов подробно пишет о проекте реорганизации Главного управления по делам печати, предложенном С.С. Татищевым в конце 1905 г.¹⁸. «Татищев предлагал организовать в Главном управлении три новых отдела: наблюдательный, справочный и исполнительный»¹⁹. Не будем детально останавливаться на этом аспекте, т. к. он тщательно изучен В.В. Шевцовым, отметим лишь, что проект был отклонён.

Тем не менее можно утверждать, что определенная реорганизация в Главном управлении по делам печати все же произошла. В июле 1906 г. в Главное управление по делам печати из департамента полиции был передан Отдел иностранной и инородческой печати, который занимался информированием правительственных кругов по различным вопросам российской внутренней и внешней политики, затрагиваемым в иностранной и периодической печати на национальных языках народов Российской империи. Обзоры, составляемые в отделе иностранной и инородческой печати, рассылались для информирования министрам, высшему военному командованию, директорам департаментов и начальникам управлений, а также в библиотеку Государственной думы. Отдел обслуживания ведомств и информации составлял проекты сообщений, разъяснений и опровержений, а также занимался созданием «справочно-руководственного и информационного» архива, дежурно-техническая часть осуществляла дежурства, выпуск бюллетеней, приём запросов и выдачу справок и ведала регистратурой, перепиской, изготовлением вырезок, печатных обзоров и бюллетеней, обслуживанием телефонов. В штат отдела прессы входили 13 человек: заведующий отделом, переводчики с русского на иностранные языки, стол русской прессы, а также пять служащих по найму²⁰. Располагался отдел иностранной печати в здании Министерства внутренних дел на Театральной улице²¹.

¹⁸ Шевцов В.В. Сергей Спиридонович Татищев (1846–1906): историк и дипломат на страже интересов официальной печати, или Как царское правительство проиграло информационную войну // Человек – текст – эпоха: сб. науч. статей и материалов. Томск, 2006. Вып. 2. С. 102–113.

¹⁹ Там же. С. 107.

²⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 3–3 об.

²¹ Подробнее см.: Патрушева Н.Г. Отдел иностранной и инородческой печати главного управления по делам печати (1906–1917). С. 289–292.

4 августа 1906 г. был сделан запрос директору департамента общих дел Министерства внутренних дел А.Д. Арбузову от начальника Главного управления по делам печати А.В. Бельгарда о необходимости ремонта помещения, переданного в распоряжение Главного управления по делам печати для отдела иностранной прессы²². Ремонт помещения был закончен к 19 августа, и часть личного состава отдела иностранной печати была уже переведена в Главное управление по делам печати²³.

По воспоминаниям А.В. Бельгарда, «Для этого отдела иностранной прессы Главным управлением выписывались все самые влиятельные европейские и американские газеты, и Голмстремом составлялись периодические обзоры иностранной печати, которые представлялись П.А. Столыпину вместе с вырезками наиболее интересных и важных статей... Преемник Столыпина, А.А. Макаров, совершенно не интересовался этой работой, а посылать вырезки и обзоры иностранных газет председателю Совета министров без особого указания министра внутренних дел не было оснований, так что продолжавшаяся по-прежнему деятельность этого отдела ограничивалась, в сущности, снабжением необходимым материалом возникшей при Столыпине и по его инициативе официальной газеты «Россия»²⁴.

Библиотека Главного управления по делам печати комплектовалась из представляемых на основе устава о цензуре и печати всех выходящих в империи «изданий центральных и местных учреждений, а равно общественных, земских и городских»²⁵, и имела два отделения – книг и периодики. Как правило, они передавались через год в другие заинтересованные библиотеки или в макулатуру. С 1906 г. библиотека стала рассылать обязательные экземпляры произведений печати в учреждения, имеющие на это право по закону, а с 1 июля 1907 г. библиотека стала заниматься регистрацией всех произведений печати. Эти сведения стали публиковаться в специальном издании – «Книжной летописи».

26 июня 1907 г. отставному коллежскому секретарю А.Д. Топорову, бывшему секретарю в редакции журнала «Нива»²⁶, было поручено заведование библиотекой Главного управления по делам печати²⁷. Под его руководством и редакцией и началось издание «Книжной летописи Главного управления по делам печати»²⁸. Для знакомства с европейским опытом регистрации книг и книжного дела А.Д. Топоров ездил неоднократно в служебные командировки «на его собственные средства»²⁹: в мае 1908 г. в Лейпциг на съезд немецких книготорговцев и в Берлин для знакомства с делом регистрации книг³⁰, в июне 1909 г. – в Стокгольм «для ознакомления с делом регистрации

²² РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 7.

²³ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 13.

²⁴ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 300.

²⁵ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 147. Л. 2.

²⁶ Там же. Ф. 776. Оп. 23. Д. 39. Л. 19.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 11.

²⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 39. Л. 14.

³⁰ Там же. Д. 39. Л. 13.

книг»³¹, в мае 1910 г. – в Брюссель³², в мае 1913 г. – в Берлин, Лейпциг и Мюнхен «для осмотра библиотек в целях ознакомления с делом регистрации книг»³³.

В сентябре 1906 г. типография Министерства внутренних дел вошла в состав Главного управления по делам печати. До 1906 г. типография Министерства внутренних дел находилась в ведении департамента общих дел Министерства внутренних дел. Типография печатала документацию Министерства, а также правительственные газеты «Правительственный вестник», «Русское государство», «Вечернее прибавление к Правительственному вестнику», осуществляла заказы Осведомительного бюро³⁴. К этому же времени окончательно сформировалась структура учреждения, включавшая контору, наборное, стереотипное, машинное, книжное, журнальное отделения, переплетную и экспедицию³⁵.

26 августа 1906 г. при Главном управлении по делам печати из осведомительного отдела газеты «Правительственный вестник» было создано Осведомительное бюро (переименованное в 1915 г. в Бюро печати), которое должно было сообщать правительственным и частным СМИ достоверные сведения о деятельности правительства, правительственных и административных лиц и учреждений (подробнее см. *Крылова Е.Н.* Формирование положительного общественного мнения о государственной власти в России в 1906-1907 гг. (на примере работы Осведомительного бюро) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России. История и современность. Матер. междунар. науч. конф., 15–17 марта 2018. СПб., ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т.1. 408 с. С.162–167; *Она же.* На государственной службе: к вопросу о незаконной деятельности Осведомительного бюро Главного управления по делам печати накануне крушения Российской империи // Журнал региональной истории. 2019. Т.3. № 3. С. 884–910). На сотрудников бюро также возлагалась проверка слухов и сообщений печати.

Бюро выпускало два раза в сутки специальные бюллетени, содержащие информацию о деятельности и намерениях правительства, о важнейших фактах общественно-политической жизни страны. Осведомительное бюро составляло также обзоры печати в виде докладов председателю Совета министров, министру внутренних дел, начальнику Главного управления по делам печати по вопросам внутренней жизни страны. В здании Министерства внутренних дел Осведомительное бюро занимало пять комнат³⁶. В ноябре 1912 г. Осведомительное бюро переехало из здания МВД³⁷, наб. р. Фонтанка, 57, в дом по той же улице № 88 в частную квартиру из 9 комнат³⁸.

30 октября 1908 г. при Главном управлении по делам печати был образован Хозяйственный комитет, задачей которого стало рассмотрение предложений, касавшиеся хозяйственной части ведомства и отчетной части.

---

³¹ Там же. Л. 41.

³² Там же. Л. 54.

³³ Там же. Л. 60.

³⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 18. Л. 161.

³⁵ Там же. Ф. 785. Оп. 1. Д. 366. Л. 2-11.

³⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 64. Л. 8.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ Там же. Оп. 22. Д. 16. Л. 157.

В компетенцию Хозяйственного отдела вошли также дела по типографии Министерства внутренних дел и редакциям газет «Правительственный вестник» и «Сельский вестник».

В 1909 г. из пятого отделения канцелярии Главного управления по делам печати выделилось самостоятельное счетно-финансовое отделение.

С 1909 г. Главным управлением по делам печати ежегодно проводилась выставка произведений печати, вышедших в России за предыдущий год. Бюджет на проведение мероприятия традиционно рассчитывался из сумм, ассигнованных «из оборотных средств редакции газеты «Правительственный вестник»³⁹. А в 1914 г. в связи с невозможностью принять участие во Всемирной выставке печатного дела и графики в Лейпциге Главное управление по делам печати направило на Всемирную выставку фотографии проведенной выставки произведений печати, вышедших в России в 1913 г.⁴⁰

В октябре 1911 г. в департамент общих дел Министерства внутренних дел поступил запрос от секретаря Государственной думы предоставить сведения о штатах Главного управления по делам печати для бюджетной комиссии по рассмотрению штатов Министерств и Главных управлений⁴¹. По собранной информации, на 9 ноября 1911 г. в Главном управлении по делам печати в штатных чинах числились с содержанием 14 человек: Начальник Главного управления (8000 р. и добавочное 3000 р.), 6 членов Совета (4000 р.), правитель дел (3000 р.), 2 помощника правителя дел (2000 р.), 2 чиновника особых поручений (2000 р.)⁴². Сверх штата работали 1 член Совета (без содержания), 16 канцелярских чиновников (с содержанием от 900 до 360 р.) и 31 служащий по найму (с содержанием от 1500 до 120 р.)⁴³, 8 чиновников, причисленных к Министерству внутренних дел (с содержанием от 2000 до 600 р.) и 10 чиновников, откомандированных для занятий в Главное управление по делам печати (с содержанием от 3000 до 900 р.)⁴⁴. Рабочий день длился 6 часов: «от 12 до 6 часов дня»⁴⁵. При этом отмечалось, что «по мере надобности сверх установленных часов производятся добавочные занятия, как ранее, так и позднее установленного срока, а также и в праздничные дни»⁴⁶. При Главном управлении также состоял врач с жалованием 300 р. в год. Таким образом, в конце 1911 г. штат Главного управления по делам печати состоял из 81 сотрудника.

Указанные цифры не совпадают с данными, приведенными Н.Г. Патрушевой на 1915 г. Анализируя различные проекты реформирования Главного управления по делам печати, Н.Г. Патрушева отмечает, что «при пересмотре штатов цензурного ведомства в Комиссии под председа-

³⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 59. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Д. 48. Л. 1.

⁴¹ Там же. Д. 58. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 5.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Л. 5.

⁴⁶ Там же. Д. 58. Л. 5.

тельством В.А. Муромцева в 1915 г. основное внимание было уделено недостаточному количеству цензоров в империи и необходимости существенно увеличить состав цензурных учреждений. В записке, составленной Главным управлением по делам печати, констатировалось, что в нём служило 6 штатных членов и 11 сверх штата, 6 из которых не получали содержания. Семь членов наблюдали за деятельностью цензурных учреждений и за направлением провинциальных изданий. Остальные заведовали разными отделениями: финансовым, законодательным, библиотекой, драматической цензурой и пр. В записке ещё раз подчеркивалось, что действовавшие на основании утверждённого 26 мая 1867 г. временного штата установлений по делам печати цензурные штаты совершенно не соответствовали «потребностям современной жизни». До последнего времени служащим Главного управления компенсировали низкие оклады с помощью наградных и пособий»⁴⁷. Всё это указывает на необходимость расширения штата Главного управления по делам печати.

К 1914 г. редакция газеты «Правительственный вестник», так же как и типография Министерства, остро нуждалась в расширении помещения. Не были переданы в пользование и обещанные помещения для расширения отдела иностранной печати. Все это вызывало необходимость в увеличении площади, занимаемой Главным управлением по делам печати.

Так, например, в апреле 1914 г. временно управляющий типографией Министерства внутренних дел обратился к начальнику Главного управления по делам печати с просьбой о расширении помещения для типографии. В прошении он указывал, что «помещение типографии Министерства настолько тесно, что в комнате, занятой конторой, постоянно занимается 8 человек, мешая в силу скученности один другому, тут же принимаются и все лица, приходящие в типографию, и производится в присутствии рабочих расценка их работ, корректора за неимением другого места, ютятся в маленькой комнатке, где прежде помещалась наборная машина, крайне холодной, и постоянно простужаются. Помещение наборных машин настолько мало, что в нем при работе трех машин, не хватает воздуха и температура достигает 30 градусов, вызывает жалобы рабочих, и одну машину необходимо перенести в помещение, занятое корректорской. Приемщики заказов должны помещаться в комнате вместе с курьерами»⁴⁸.

7 мая 1914 г. Д.М. Потемкин, представитель Главного управления по делам печати, на заседании Хозяйственного комитета департамента общих дел, отмечал, что «расширение помещения, как редакции газеты «Правительственный вестник», так и типографии, обуславливаются крайней необходимостью: непрерывный и напряженный труд типографских рабочих в самых антисанитарных условиях... легко могут создать благоприятную почву для вредной пропаганды в рабочей среде... если бы какая-либо частная типография находилась в таких же

⁴⁷ Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати (1865–1917 гг.) и проекты его реформирования. С. 150.

⁴⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 64. Л. 10.

антигигиенических условиях, как типография Министерства, то она давно была бы закрыта распоряжением градоначальника»⁴⁹.

13 июля 1913 г. был принят закон, по которому планировалось внести в Государственную думу не позднее 1 января 1915 г. законопроект о продаже или использовании находящегося в Санкт-Петербурге и принадлежащего морскому министерству участка земли. Данный участок предполагалось использовать для строительства правительственных административных зданий, в связи с чем в Министерство внутренних дел был отправлен запрос о необходимой площади «из упомянутой территории»⁵⁰.

24 июня 1914 г. началась переписка между Главным управлением по делам печати и департаментом общих дел Министерства внутренних дел по поводу необходимости «в увеличении площади ныне занимаемых помещений»⁵¹. При этом отмечалось, что, кроме «тесноты помещений», ещё одной важной причиной для увеличения площадей значилась необходимость сокращения времени на взаимодействие между отделами главного управления и «незамедлительности служебных функций». Для этого предлагалось «сосредоточение как самого Главного управления, так и подведомственных ему учреждений в одном здании, которое надлежало бы выстроить на предлагаемом морским ведомством участке земли»⁵². В этом новом здании предполагалось разместить Главное управление по делам печати, Комитет по делам печати, Центральный комитет цензуры иностранный, Инспекции для надзора за типографиями, литографиями и т. п. заведениями и за книжной торговлей в Санкт-Петербурге, Отдел инородческой и иностранной прессы, типографию Министерства внутренних дел, «Правительственный вестник», «Сельский вестник» и Осведомительное бюро. Но реализации проекта помешала начавшаяся Первая мировая война.

20 июля 1914 г.⁵³ была введена военная цензура, которая следила, чтобы в печать не проникли сведения, содержащие военную тайну.

В архивном деле хранятся проекты необходимых помещений в новом здании для различных подразделений Главного управления по делам печати, датированные мартом 1915 г.⁵⁴, из которых видно текущее состояние этих подразделений, их нужды и кадровый состав. Поэтому рассмотрим некоторые из проектов. Библиотека повременных изданий при Главном управлении по делам печати должна была состоять из пяти комнат: кабинета заведующего библиотекой, хранилища повременных изданий, канцелярии для шести помощников заведующего библиотекой, сортировочной с тремя чиновниками и двумя курьерами и кладовой для хранения изданий за разные годы⁵⁵.

⁴⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 64. Л. 22–22 об.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 26.

⁵² Там же. Л. 26–26 об.

⁵³ Там же. Д. 32.

⁵⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 64.

⁵⁵ Там же. Д. 64. Л. 38–38 об.

Проект отдела иностранной и инородческой печати включал прихожую и комнату для трёх курьеров, кабинет заведующего, комнату для канцелярии из шести человек (два помощника заведующего, заведующий делопроизводством, заведующий технической частью, канцелярский чиновник и переписчица), комнату для переводчиков с английского языка (три переводчика и три переписчицы), комнату для переводчиков с немецкого языка (три переводчика и три переписчицы), комнату для переводчиков с французского, румынского, болгарского и шведского языков (четыре переводчика и две переписчицы), комнату для переводчиков с польского и литовского языков (пять переводчиков и две переписчицы), комнату для переводчиков с латышского, эстонского и немецкого языков (четыре переводчика и одна переписчица), комнаты для технических работ по составлению обзоров, две уборные и кладовую для бумаги⁵⁶. Проект был рассчитан для сорока двух человек, восемь комнат, прихожей, кладовой, уборных и помещения для трёх курьеров отдела. К 1915 г. кадровый состав отдела иностранной и инородческой печати увеличился в три раза и на момент составления проекта отдел занимал всего четыре комнаты.

Проект Осведомительного бюро предполагал 13 помещений и три уборные (женскую, мужскую и курьерскую)⁵⁷ с минимальным количеством служащих 58 человек. Напомним, что с 1912 г. Главное управление по делам печати арендовало для Осведомительного бюро частную квартиру из девяти комнат.

Дополнительно предполагалась квартира для помощника журналиста Главного управления по делам печати, состоящая из двух комнат, прихожей и кухни, и квартиры для сторожа и курьера управления.

Таким образом, к началу Первой мировой войны Главное управление по делам печати испытывало острую нехватку помещений для размещения сотрудников управления и необходимого оборудования. Теснота, неудобство, работа в две смены и антисанитарные условия сказывались на качестве и скорости работы Главного управления по делам печати.

Особая комиссия по ликвидации Главного управления по делам печати осуществляла свою деятельность с 27 апреля по 16 сентября 1917 г. После упразднения Главного управления по делам печати был учрежден новый орган цензорского контроля – Книжная палата. Осуществление цензуры на местах возлагалось на губернских и уездных комиссаров. 30 ноября 1917 г. Книжная палата была включена в состав Наркомата по просвещению.

Таковы основные этапы функционирования этого структурного подразделения Министерства внутренних дел. Постепенно с развитием печати и книжного дела в России росло количество сотрудников управления и расширялась структура Главного управления по делам печати, включая в себя новые подразделения, изменялись и задачи.

---

⁵⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 64. Л. 40–40 об.

⁵⁷ Там же. Л. 45–46.

Список литературы:

1. *Амбросьев А.В.* Деятельность Главного управления по делам печати по контролю за средствами массовой информации и распространению печатной продукции // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 12. С. 282–284.
2. *Амбросьев А.В.* Нормативно-правовое регулирование деятельности Главного управления по делам печати МВД Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // История государства и права. 2012. № 5. С. 26–30.
3. *Амбросьев А.В.* Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865-1917 гг.): автореф. дис... к. ю. н. М., 2012. – 23 с.
4. *Амбросьев А.В.* Организационно-правовые основы деятельности осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати Российской империи // Соблюдение законности и обеспечение правопорядка в деятельности органов внутренних дел: сборник трудов межвузовского научного семинара. М., 2011. С. 5–9.
5. *Амбросьев А.В.* Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи: структура и организация деятельности // История государства и права. 2011. № 17. С. 30–35.
6. *Амбросьев А.В.* Роль МВД в цензурной политике до образования Главного управления по делам печати // Российский следователь. 2010. № 21. С. 37–39.
7. *Воробьев В.В.* Обращения в Главное управление по делам печати министерства внутренних дел Российской империи как источник по изучению истории периодических изданий Сибири в начале XX в. // Омские научные чтения – 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск, 2019. С. 298–300.
8. *Воробьев В.В.* Прошения в Главное управление по делам печати как источник по регламентации выхода периодических изданий Сибири в начале XX в. // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Н.Ф. Емельянова и 60-летию исторического факультета КГУ. 2012. С. 137–139.
9. *Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г.* Цензура: цензурные учреждения // Три века Санкт-Петербурга. СПб., 2009. С. 650–654.
10. *Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г.* Центральные учреждения Цензурного ведомства (1804–1917) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Сборник научных трудов. Российская национальная библиотека. СПб., 2008. С. 185–302.
11. *Гутнов Д.А.* Из истории взаимодействия государства и периодической печати в России: Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2015. № 4. С. 16–25.

12. Кельнер В.Е. Создание и деятельность осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати: 1906-1917 гг. // Цензура в России: история и современность. СПб., 2011. Вып. 5. С. 237–243.
13. Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905-1907 гг. СПб., 1997. – 134 с.
14. Лихоманов А. В. Самодержавие в борьбе за общественное мнение в годы Первой русской революции: (Правительственная печать в 1905-1907 гг.): автореф. дис... канд. ист.наук. СПб, 1995. – 18 с.
15. Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865-1905 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 271–283.
16. Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати (1865–1917 гг.) и проекты его реформирования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 147–151.
17. Патрушева Н.Г. Отдел иностранной и инородческой печати главного управления по делам печати (1906–1917) // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов. Матер. Междунар. науч. конф. 2013. С. 289–292.
18. Патрушева Н.Г. Последние годы Главного управления по делам печати // Средства массовой информации в современном мире. СМИ–2006: матер. науч.–практ. конф. СПб., 2006. С. 32–37.
19. Полянская Л. Архивный фонд Главного управления по делам печати // Литературное наследство. 1935. Т. 22. С. 603–634.
20. Чередова С.Ю. Прошение в Главное управление по делам печати как источник по истории взаимоотношений центра и сибирской провинции // Третьи Ядринцевские чтения. Матер. III Всерос. науч.-практ. конф., Омск. 2015. С. 286–288.
21. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX– начало XX в.). Томск, 2016. – 622 с.
22. Шевцов В.В. Сергей Спиридонович Татищев (1846—1906): историк и дипломат на страже интересов официальной печати, или Как царское правительство проиграло информационную войну // Человек – текст – эпоха: сб. науч. статей и материалов. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 2 С. 102–113.

Об авторе:

КРЫЛОВА Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент, кафедра рекламы и общественных коммуникаций, филологический факультет, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Россия, 196605, г. Пушкин, Петербургское ш., д. 10), e-mail: hellennak@yandex.ru

The General Department for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Early XX Century: Structure and Personnel

E.N. Krylova

Pushkin Leningrad State University, *Pushkin, Russia*

The article characterizes the structure and personnel of the General Department for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs at the beginning of the twentieth century. The publication was prepared on the basis of materials from the funds of the General Department for Press Affairs and the editorial office of the newspaper "The Government Bulletin" of the Russian State Historical Archive. It is shown that due to the increase in the number of periodicals in the Russian Empire, the General Department for Press Affairs is undergoing restructuring: additional departments are gradually being added to the office of the General Department for Press Affairs, the Department of Foreign and Foreign Press is being introduced into the department, the library of the General Department for Press Affairs, the printing house of the Ministry of Internal Affairs, an Information Bureau is being established, an economic department and an accounting and financial department have been formed.

Keywords: *The General Department for Press Affairs at the beginning of the twentieth century, the Ministry of Internal Affairs at the beginning of the twentieth century, the personnel of the General Department for Press Affairs, the Office of the General Department for Press Affairs, the printing house of the Ministry of Internal Affairs, «The Government Bulletin», the Information Bureau.*

About the author:

KRYLOVA Elena Nikolaevna – Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Communications, Faculty of Philology, Pushkin Leningrad State University, (196 605, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe Road, 10), e-mail: hellen-nak@yandex.ru

References:

- Ambros'ev A.V., *Deyatel'nost' Glavnogo upravleniya po delam pechati po kontrolyu za sredstvami massovoj informacii i rasprostraneniyu pechatnoj produkcii*, Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2011, № 12, S. 282–284.
- Ambros'ev A.V., *Normativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti Glavnogo upravleniya po delam pechati MVD Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX - nachala XX vv.*, Istoriya gosudarstva i prava, 2012, № 5, S. 26–30.

- Ambros'ev A.V., *Organizacionno-pravovye osnovy deyatel'nosti Glavnogo upravleniya po delam pechati Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj imperii (1865-1917 gg.)*, avtoref. dis... k. yu. n., M., 2012. – 23 s.
- Ambros'ev A.V., *Organizacionno-pravovye osnovy deyatel'nosti osvedomitel'nogo byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati Rossijskoj imperii*, Soblyudenie zakonnosti i obespechenie pravoporyadka v deyatel'nosti organov vnutrennih del, sbornik trudov mezhvuzovskogo nauchnogo seminar, M., 2011. S. 5–9.
- Ambros'ev A.V., *Osvedomitel'noe byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati MVD Rossijskoj imperii: struktura i organizaciya deyatel'nosti*, Istoriya gosudarstva i prava, 2011, № 17, S. 30–35.
- Ambros'ev A.V., *Rol' MVD v cenzurnoj politike do obrazovaniya Glavnogo upravleniya po delam pechati*, Rossijskij sledovatel', 2010, № 21, S. 37–39.
- Vorob'ev V.V., *Obrashcheniya v Glavnoe upravlenie po delam pechati ministerstva vnutrennih del Rossijskoj imperii kak istochnik po izucheniyu istorii periodicheskikh izdanij Sibiri v nachale XX v.*, Omskie nauchnye chteniya – 2019, Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii. 2019, S. 298–300.
- Vorob'ev V.V., *Prosheniya v Glavnoe upravlenie po delam pechati kak istochnik po reglamentacii vyhoda periodicheskikh izdanij Sibiri v nachale XX v.*, Ural i Sibir' v kontekste razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti, Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 1150-letiyu rossijskoj gosudarstvennosti, 75-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora N.F. Emel'yanova i 60-letiyu istoricheskogo fakul'teta KGU, 2012, S. 137–139.
- Grinchenko N.A., Patrusheva N.G., *Cenzura: cenzurnye uchrezhdeniya*, Tri veka Sankt-Peterburga. Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, SPb., 2009, S. 650–654.
- Grinchenko N.A., Patrusheva N.G., *Central'nye uchrezhdeniya Cenzurnogo vedomstva (1804–1917)*, Knizhnoe delo v Rossii v XIX – nachale XX veka, Sbornik nauchnyh trudov. Rossijskaya nacional'naya biblioteka, SPb., 2008, S. 185–302.
- Gutnov D.A., *Iz istorii vzaimodejstviya gosudarstva i periodicheskoy pechati v Rossii: Osvedomitel'noe byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati MVD Rossijskoj imperii*, Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 10: Zhurnalistika, 2015, № 4, S. 16–25.
- Kel'ner V.E., *Sozdanie i deyatel'nost' osvedomitel'nogo byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati: 1906–1917 gg.*, Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost', SPb., 2011, Vyp. 5, S. 237–243.
- Lihomanov A.V., *Bor'ba samodержaviya za obshchestvennoe mnenie v 1905–1907 gg.*, SPb., 1997. – 134 s.
- Lihomanov A. V., *Samoderzhavie v bor'be za obshchestvennoe mnenie v gody Pervoj russkoj revolyucii: (Pravitel'stvennaya pechat' v 1905–1907 gg.)*, avtoref. dis... kand. ist. nauk, SPb., 1995. – 18 s.

- Patrusheva N.G., *Glavnoe upravlenie po delam pechati i organizaciya nadzora za periodikoj v 1865–1905 godah*, Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta., 2010, № 4 (12), S. 271–283.
- Patrusheva N.G., *Glavnoe upravlenie po delam pechati (1865–1917 gg.) i proekty ego reformirovaniya*, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 2011, № 8 (14), v 4-h ch., Ch. II, S. 147–151.
- Patrusheva N.G., *Otdel inostrannoj i inorodcheskoj pechati glavnogo upravleniya po delam pechati (1906–1917)*, Berkovskie chteniya. Knizhnaya kul'tura v kontekste mezhdunarodnyh kontaktov, Mater. Mezhdunar. nauch. Konf, 2013, S. 289–292.
- Patrusheva N.G., *Poslednie gody Glavnogo upravleniya po delam pechati*, Sredstva massovoj informacii v sovremennom mire. SMI 2006, materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, red. I. A. Bogdanova, SPb., 2006, S. 32–37.
- Polyanskaya L., *Arhivnyj fond Glavnogo upravleniya po delam pechati*, Literaturnoe nasledstvo, 1935, T. 22, S. 603–634.
- Cheredova S.Yu., *Proshenie v Glavnoe upravlenie po delam pechati kak istochnik po istorii vzaimootnoshenij centra i sibirskoj provincii*, Tret'i Yadrincevskie chteniya. materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj 300-letiyu Omska, 2015, S. 286–288.
- Shevcov V.V., *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v.)*, Tomsk, 2016. – 622 s.
- Shevcov V. V., *Sergej Spiridonovich Tatishchev (1846–1906): istorik i diplomat na strazhe interesov oficial'noj pechati, ili Kak carskoe pravitel'stvo proigralo informacionnuyu vojnu*, Chelovek – tekst – epoha, sb. nauch. statej i materialov, Tomsk, Izd-vo TGU, 2006, Vyp. 2, S. 102–113.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

УДК 93/94

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.053–067

«Рассказ из испытанного и виденного учеником»: сочинения в системе духовного образования после реформы 1867 года¹

Ю.А. Сафронова

АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование посвящено письменным работам воспитанников духовных семинарий. Первая часть статьи рассматривает регулирование письменных работ в документах Учебного комитета при Св. Синоде после реформы 1867 г. Анализируются представления чиновников о правильной ученической работе, а также разнообразные нарушения, выявленные в ходе ревизий духовных семинарий. Вторая часть работы сосредоточена на сочинениях семинаристов, написанных по курсу теории словесности или в качестве задания, данного ревизором Учебного комитета. Для анализа были выбраны рассказы из семейного или школьного быта, в том числе на тему «как я выучился читать». Основной вопрос заключается в том, были ли эти тексты результатом наивной фиксации жизненного опыта или отсылали к литературным образцам, известным их авторам. В целом ряде случаев в сочинениях можно обнаружить влияние художественной литературы, в том числе прямо запрещенной семинаристам. Таким образом через сочинения рассматривается читательский опыт духовных воспитанников, воспроизводивших модели, заимствованные из популярных художественных текстов, в первую очередь «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского.

Ключевые слова: история чтения, история образования, преподавание словесности, реформа духовно-учебных заведений 1867 г., духовная семинария.

Школьные сочинения второй половины XIX в., как правило, привлекают внимание историков образования, интересующихся методическими и педагогическими аспектами в развитии письменной речи воспитанников средних учебных заведений². Обращаясь к рекомендациям по их составлению, разработанным в министерских кабинетах и педагогической периодике, исследователи редко анализируют результаты этой деятельности, т.е.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520 <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

² Реут А.В. Сочинения гимназистов для литературных бесед в 1840–1860-е гг.: анализ тематики // Известия ВГПУ. 2016. №8 (112). С. 30–38.

непосредственно тексты письменных работ. Между тем, как справедливо указывает Д. Роуз, «интеллектуальный опыт настоящих учеников» может быть очень далек от того, что предполагают бюрократы, создающие учебные программы, и учителя, работающие с ними³.

В отличие от других типов источников личного происхождения школьные сочинения крайне фрагментарно представлены в архивах именно потому, что их авторы не видели смысла хранить свои работы, а иногда даже намеренно уничтожали, негодуя из-за низкой оценки или неприятных комментариев учителя⁴. Исследователи чтения гимназистов и реалистов Р. Лейбов и А. Вдовин сетуют на то, что от школьных сочинений, которые могли бы сказать о «стандартных интерпретациях текстов и отклонениях от них», сохранились только темы⁵. Восполнить этот пробел хотя бы отчасти можно, обратившись к сочинениям воспитанников духовных учебных заведений. Отчёты ревизоров Учебного комитета Синода содержат как общие обзоры письменных упражнений, так и обширные выдержки из них. Анализ фрагментов сочинений, посвящённых домашнему и школьному опыту воспитанников семинарий, позволяет не только уточнить представления о повседневности духовно-учебных заведений, как правило, известной по воспоминаниям⁶, но и через поиски литературных образцов увидеть читательский опыт их авторов.

Важность сочинений как одного из основных элементов системы духовного образования была зафиксирована Уставом 1867 г. в § 134: «С классным обучением должно быть соединяемо упражнение учеников, по возможности чаще, в сочинениях, сопровождаемых всегда обстоятельным разбором со стороны учителей»⁷. Озабоченность качеством письменных работ выразилась в ряде циркуляров и определений Синода. Всего с 1868 по 1873 г. было разослано двенадцать документов, регулирующих эту область духовного образования⁸. В основном циркуляры касались внешней стороны вопроса: выбора тем, приёмов проверки, значения сочинений при выводе общей оценки

---

³ *Rose J.* The History of Education as the History of Reading // *History of Education*. 2007. Vol. 36. № 4–5. P. 595.

⁴ Например, воспитанник Тифлисской духовной семинарии изорвал и бросил в отхожем месте свое сочинение на тему «Какие сведения ученики приобретают при изучении русской словесности» // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802. Оп. 17. Д. 68. Л. 80 об.

⁵ *Leibov R., Vdovin A.* What and How Russian Students Read in School, 1840–1917 // *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*. Ed. D. Rebacchini, R. Vassena. Vol. 2. Milano: Ledizioni, 2020. P. 270.

⁶ *Леонтьева Т.Г.* Учебный процесс в духовных семинариях России XIX века по воспоминаниям выпускников // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2016. № 3. С. 4–16.

⁷ Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб., 1867.

⁸ Собрание постановлений Святейшего Синода относительно устройства духовных семинарий и училищ согласно требованиям высочайше утвержденных 14 мая 1867 года духовно-училищных уставов. СПб.: Синодальная типография, 1875. С. 94–97.

по предмету и т. д. Требования к содержанию формулировались реже и были более абстрактными. Так, циркуляр от 25 июня 1869 г. призывал учителей «приучать учеников к составлению сочинения прямо на предмет, без уклонения от темы... строго преследовать буквальные заимствования»⁹.

Как и во многих других случаях, расплывчатые указания Устава 1867 г. можно было интерпретировать по-разному. В результате в первые годы после реформы в ряде семинарий «сочинения» писали по математике и физике, к ним же относили переводы с классических языков. Понадобились специальные разъяснения, чтоб отделить письменные упражнения, дававшиеся на короткий срок, от собственно сочинений. Разнообразными были представления учителей об объёме письменных работ и их содержании. В одних случаях преподаватели высоко оценивали компактные сочинения, в которых авторы сочетали глубину мысли с краткостью изложения, в других, напротив, более высокую оценку получали объёмные работы. Первая система существовала в Архангельской семинарии, где правление пошло по пути ограничения: «в низшем отделении в 1 год курса от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ листа, во 2 год не более $\frac{3}{4}$ лист[а], в среднем отделении от одного до полутора листов, в высшем не более 2 листов»¹⁰. Второй подход к сочинениям ревизор И.К. Зинченко нашёл в Волынской семинарии. Ученики младших классов писали «слишком обширные» сочинения на 10 и даже 14 листов, неизбежно превращая их в рефераты¹¹.

В 1875 г. Учебный комитет разослал в подведомственные учебные заведения Журнал заседания от 29 мая 1875 г., посвящённый «мерам для улучшения письменных сочинений воспитанников»¹². Подводя итоги первых лет реализации реформы 1867 г. на основании наблюдений ревизоров и результатов приемных экзаменов в духовные академии, Учебный комитет констатировал «упадок» письменных работ. Интересно, что из первоначального текста была вычеркнута фраза о том, что именно сочинения составляли «одну из лучших сторон старого семинарского образования». В финальную версию вошел тезис, что негативные процессы, начавшиеся до реформы, сохраняются и после преобразования семинарий¹³.

Ревизоры отмечали качественные изменения как в форме, так и в содержании письменных работ после реформы. Так, в 1871 г. И.К. Зинченко описал дореформенные сочинения, подготовленные по правилам классической риторики как «бедные по мысли, но полные определений, разделений и под-

---

⁹ Собрание постановлений Святейшего Синода относительно устройства духовных семинарий и училищ согласно требованиям высочайше утвержденных 14 мая 1867 года духовно-училищных уставов. СПб.: Синодальная типография, 1875. С. 95.

¹⁰ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.): Отчет. СПб., 1870. С. 42.

¹¹ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Волынской епархии (1871 г.). СПб., 1872. С. 80.

¹² РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 2 об.

разделений; силлогизм был господствующей формой мышления; округленность полных периодов, при скудости их содержания и отвлеченности мышления, делали речь тяжелою и сухою». Работы воспитанников реформированных семинарий также не вызывали у него восторга: «Не автор располагает свои мысли в известном порядке, а сами мысли располагаются, как придется...»¹⁴. Ему вторил М.Х. Григоревский, разбиравший сочинения минских семинаристов в 1874 г.: «не вдумываются в предмет и не дают себе строгого отчёта в тех мыслях, которые возбуждаются в их уме; напротив, представления у них вяжутся сами собой, по законам ассоциации»¹⁵. При этом ревизоры не предлагали вернуться к схоластике. Они считали, что все недостатки письменных работ проистекают из-за отсутствия внимания к ним со стороны учителей и излишне снисходительной системы оценивания.

Внимание ревизоров к письменным работам объясняется тем, что сочинения были инструментом проникновения во внутренний мир воспитанников. И.К. Зинченко в отчёте о ревизии Казанской духовной семинарии утверждал, что в сочинениях «больше всего и свободнее всего высказывается умственная самостоятельность учеников»¹⁶. Отношение к сочинениям как к средству выявления сомнительных идей или материалистических убеждений особенно ясно видно в резюме С.В. Керского по поводу работ ярославских воспитанников: «в письменных ученических упражнениях не усматривается никаких следов направления, не согласного с задачами и целями духовного образования»¹⁷. Таким образом, хотя отчёты ревизоров дают уникальный материал, одну из проблем при работе с ними составляет отбор цитат. Поскольку задачей ревизий было выявление и исправление недостатков образования и воспитания, чиновники Учебного комитета цитировали сочинения, обеспокоившие их по каким-либо причинам, не всегда уточняя, составляют они типичный образчик или исключительный случай. Вследствие этого семинаристы кажутся более неграмотными, с одной стороны, и более увлеченными материалистическими идеями, с другой.

Очевидно, у членов Учебного комитета были представления об идеальной письменной работе, но в помощь преподавателям они могли рекомендовать только «Письменные упражнения, руководство к ведению и составлению ученических сочинений в средних учебных заведениях» И.В. Гаврилова (1872), «единственное» пособие на русском языке¹⁸. При этом подход к сочинениям был крайне узким: от письменных работ семинаристов «...не следует ожидать ни новизны или оригинальности мыслей... ни

¹⁴ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии (1871 г.). СПб., 1871. С. 39, 41.

¹⁵ Григоревский М.Х. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Минской епархии. 1874 г. СПб., 1875. С. 11.

¹⁶ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии 1871 года. СПб., 1872. С. 25.

¹⁷ Керский С.В. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Ярославской епархии в 1873 году. СПб., 1877. С. 67.

¹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 27 об.

изящества языка, для приобретения которого нужно не только учение, но и особенное дарование...»¹⁹. Такая формулировка была направлена против распространенного, особенно среди молодых учителей, отношения к сочинениям как к подготовке воспитанников к будущему литературному поприщу. С точки зрения чиновников Синода, педагогическую ошибку составляло поощрение «преждевременного авторства», т. е. превращение учебных работ в литературные или научные труды.

Отдельное беспокойство ревизоров вызывало влияние светской журналистики на стиль и содержание сочинений. Например, И.К. Зинченко обратил внимание, что черниговские семинаристы сдавали работы по частям, «с отметкой, как в периодических изданиях: продолжение вперед»²⁰. Журналистскую манеру письма отмечал С.В. Керский при ревизии Вологодской семинарии: «... легкий фельетонный язык, отсутствие серьезности и сосредоточенности мысли, логичности и сжатости изложения и разглагольствования, имеющие отдаленное отношение к данной теме»²¹. С.И. Миропольский в отчете о ревизии Калужской семинарии зафиксировал не только аналогичное впечатление, но и привёл ряд цитат из сочинения ученика 6 класса на тему «Пастырь Церкви Христовой должен быть учителем»: «автор требует, чтобы священник был знаком “со всеми отраслями естествознания” (легкое дело!) И при том “глубоко, вполне научно”; далее говорит, что доселе пастырю-де “не доставало критического анализа для проверки (sic) и объяснения мировых явлений” (!?) и т.д.». Реагируя на «легкомыслие и пустоту» сочинения, оцененного учителем на 4 и «смотренного» ректором, С.И. Миропольский сформулировал идею о несовместимости предмета сочинения и «претензий» автора на «шик», «всего менее приличных там, где дело идет о пастырском служении и его задачах»²². Таким образом, от семинаристов требовалось не только знание законов логики и приёмов риторики, но и следование определённой стилистике, «приличной» обсуждаемым предметам.

Отношение самих семинаристов к сочинениям радикально отличалось от семинарии к семинарии. Например, в Могилевской семинарии баллы за сочинения не учитывались при выставлении общих оценок за курс, в результате некоторые ученики выпускались из семинарии в первом разряде, не сдав в течение года ни одной письменной работы²³. Неподача сочинений конкретному учителю по предварительному сговору, как это произошло в

¹⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 17 об.

²⁰ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Черниговской епархии, произведенной с 3 мая по 4 июня 1870 г. в видах приготовления оных к полному преобразованию по высочайше утвержденным в 14 день мая 1867 года уставам и штатам. СПб., 1870. С. 16.

²¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 46. Л. 37.

²² Миропольский С.И. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Калужской епархии (в 1873-1874). СПб., 1874. С. 4.

²³ Григорьевский М.Х. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Могилевской епархии в 1874 году. СПб., 1875. С. 9–10.

Архангельской семинарии в 1872 г., была формой протеста воспитанников против непопулярного учителя²⁴.

На другом полюсе находились воспитанники семинарий, видевшие в составлении сочинений подготовку к будущей карьере вне духовного ведомства. Основным ориентиром для них были публицисты и писатели – выходцы из духовного сословия, не только Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, но и Н.Г. Помяловский, В.Г. Старостин и т.д. В таких семинариях воспитанники стремились не только писать сочинения по образцу статей известных журналистов, но и брали на себя дополнительную работу. Так, ученики Харьковской семинарии, обратившись к правлению за разрешением на создание рукописного журнала, объясняли свой проект желанием «привыкнуть к научно-умственной работе»²⁵. Реакция Учебного комитета на литературные журналы семинаристов, наполненным «незрелыми произведениями ученического пера», была крайне негативной²⁶.

Хотя Учебный комитет неоднократно подчёркивал, что письменные работы в равной мере обязаны контролировать все учителя, особая роль закономерно отводилась преподавателю словесности. «Программа по теории словесности для духовных семинарий» в качестве задачи курса ставила выработку «сознательного навыка к свободному и письменному выражению мыслей в надлежащей полноте, связности и отчетливости»²⁷. В отличие от остальных предметов, темы сочинений по которым были связаны с изучаемым курсом, для работ по словесности важна была форма: ученики тренировались в изложении, составлении описаний и рассказов. Как правило, учителя отдавали предпочтение темам «из близкой и известной им (семинаристам. – Ю.С.) среды»²⁸. Такой подход был закреплён в программе, где был перечислен ряд образцовых тем: описание «известных ученику предметов, напр[имер] местных обычае в разные времена года, в праздничные дни, при разных сельских работах», и рассказ «из испытанного и виденного учеником, напр[имер] как он учился грамоте, какие были любимые его игры; как он провел каникулярное время; виденное им замечательное событие; испытанное им по какому-либо случаю чувство; поездка в город; прошлые святки или какой-либо праздник»²⁹. Журнал 28 мая 1875 г. в очередной раз подтвердил принцип формулировки тем: «Пусть ученики пишут и говорят то, что действительно знают, или что сами видели и сами испытали, тогда явится и

²⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 151.

²⁵ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии (1874 г.). СПб., 1875. С.10.

²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 6.

²⁷ Научно-справочная библиотека (далее – НСБ) РГИА. Печатные записки. Папка 5461. С. 6.

²⁸ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Кишиневской епархии: (В 1868 г.). СПб., 1871. С. 21.

²⁹ НСБ РГИА. Печатные записки. Папка 5461. С. 5.

больше правды, искренности жизни в этих работах»³⁰. В результате в «описания» и «рассуждения» семинаристов попадали сведения о жизни в семье и об учёбе, представляющие собой уникальный материал, в отличие от автобиографий, синхронный времени создания и претендующий на «правдивость и искренность».

Несмотря на апелляцию к жизненному опыту воспитанников, предполагалось, что они сначала изучают образцовые сочинения русской литературы, а затем пишут свои. Так, в Новгородской семинарии перед работой над сочинением «Воспоминания о детстве, какие у кого сохранились» ученики читали в классе отрывки из сна Обломова³¹. В Вологде для подготовки к сочинению «Лето в деревне» изучался отрывок «Лес и степь» И.С. Тургенева из хрестоматии А.Д. Галахова³². Таким образом, хотя ученики должны были составлять описания своей жизни, они изначально не были свободны от литературных образцов. Как будет показано далее, в их сочинениях проникали не только одобренные учителями примеры, но также сюжеты и приёмы, выработанные писателями-реалистами при изображении жизни воспитанников духовных учебных заведений, в том числе их запрещённых семинаристам сочинений.

Хотя учителя могли формулировать темы письменных работ самостоятельно, чаще всего они ориентировались на программу по теории словесности. Особенно это заметно в связи с систематическим появлением темы «как я выучился читать» в разных семинариях. Ее также любили давать ревизоры во время проверок, иногда в расширенной формулировке «Как я выучился читать и что я читал»³³. В 1872 г. ревизор С.И. Миропольский при проверке Олонецкой семинарии дал её ученикам среднего отделения. В результате он получил сочинения «скудные по содержанию», «неудовлетворительные по изложению» и в большинстве случаев «безграмотные». Первоначальное обучение чтению, описанное в них, было определено петербургским чиновником как «первобытное». Оно велось букварным методом (самих семинаристов на занятиях по педагогике учили звуковому методу), начиная «с азов», затем «по слогам», по трём «пособиям» - церковнославянскому букварю, часослову и псалтыри. За два года дети приобретали навык механического чтения, т.е. могли вслух произносить слова, которые видели в книге, но не понимали читаемого: «“отец объяснял мне”, пишет Б., “чего я не понимал в псалтыри; но я не понимал в нем почти ничего”». Особенно поразили ревизора описания жестокости в сочинении ученика В., которого учил отставной солдат. Учитель выстрегал указку, чтобы показывать буквы, «...а буди указка затеряется, то солдат “выругает и еще больше *отдерет* (sic)

³⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 23.

³¹ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Новгородской епархии (в 1870 г.): Отчёт. СПб., 1870. С. 62.

³² Преобразование духовно-учебных заведений Вологодской епархии: Отчёт за 1869 г. СПб., 1869. С. 53.

³³ Миропольский С.И. Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии (в 1872 г.). СПб., 1875. С. 66.

[здесь и далее курсив авторов. – Ю.С.], потому что он твердо убежден был, что это указка - талисман, без которого невозможен успех»³⁴.

Необходимо подчеркнуть, что ревизор не ставил вопросов ни о степени искренности учеников, ни о точности их описаний. Для С.И. Миропольского сочинения объясняли то, что он видел в семинарии. Буквально заучивая текст учебника словесности, олонецкие семинаристы не понимали в нем отдельных слов. Например, после цитаты «в лирике преобладает чувство», опрошенный ревизором ученик сказал, что чувство – это «орган»; «“Кровь точил” – переводили “пил кровь”»³⁵. Неспособность к пониманию текста учебника, а также катастрофическая нечитанность («... дома дети вообще *ничего* не читали»³⁶) служили ревизору гарантией наивной точности их рассказов об обучении чтению.

Интересно сопоставить его наблюдения с анализом сочинений на ту же тему, написанных по заданию учителя словесности в 1871 г. в Казанской духовной семинарии. Ревизор И.К. Зинченко привёл обширный фрагмент в подтверждение непедагогичного отношения учителя к сочинениям. Вместо рассказа «Как я учился грамоте» ученик большую часть сочинения посвятил поступлению в Чистопольское духовное училище и первый день в нём. Ревизор процитировал фрагмент, как учитель, «походив немного, начал говорить, обращаясь к нам: - “Смотрите, учитесь как можно лучше, да еще ведите себя хорошо, иначе я буду вас наказывать розгами”... Почти все так, как я описал, шло мое первоначальное учение грамоте»³⁷. Оценку этой работе Зинченко дал в отдельном параграфе отчёта «Направление умственного развития воспитанников». Он утверждал, что такие сочинения нельзя оценивать на «отлично», т. к. они подрывают авторитет наставников. При этом, поскольку он уже успел посетить Чистопольское училище, то должен был признать, что описание точно³⁸. Тем не менее, с его точки зрения, рассказ не был результатом наивной искренности неопытного сочинителя. Он был частью опасной тенденции в образе мыслей казанских семинаристов: «часто встречаются описания красных носов, лысых голов и т. п. своих прежних учителей»³⁹. По мнению И.К. Зинченко, от критики учителей, поощряемой высокими баллами, легко перейти к критике системы духовного образования, которая «может обратиться в привычку ума». В этом случае ревизор также ориентировался на свои наблюдения за семинаристами: «У учеников среднего отделения встречаются ссылки на “ученого Бокля”, Гексли и др.,

---

³⁴ Миропольский С.И. Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии. С. 67.

³⁵ Там же. С. 55.

³⁶ Там же. С. 68.

³⁷ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии. С. 27.

³⁸ Там же. 28.

³⁹ Там же. 29.

чение которых не согласно с задачей образования в духовно-учебных заведениях»⁴⁰. Таким образом, схожие по содержанию сочинения в одних случаях были наивной регистрацией опыта учеников, не умевших соблюдать соответствие предмета и изобразительных средств, а в других – результатом приверженности к критическому реализму, опасному для молодого ума.

Хотя И.К. Зинченко писал, что легко может указать, из каких светских периодических изданий воспитанники черпают идеи, чтобы «в нелепом виде представить и те принципы, которые проводят в их сознание наставники»⁴¹, он не ставил вопроса о том, где они берут образцы для карикатурного описания учителей. Разумеется, самый очевидный источник – «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского (1863), где каждый учитель был представлен в момент появления в классе: «господин огромного роста, в коричневой шинели» (Лобов); «тоже огромного роста господин; он был человек чахоточный и раздражительный и строг до крайности... ругался он в классе до того неприлично, что и сказать нельзя» (Долбежкин) и т.д.⁴². В процитированном сочинении казанского семинариста были даны описания двух учителей, также входящих в класс: первый «высокого роста, с суровыми чертами лица и нахмуренными бровями» и второй «среднего роста, с худощавым лицом и большими глазами, глядевшими исподлобья», причем именно второй при входе кричал на старшеклассников: «вы опять здесь, свиньи»⁴³. С подобного описания учителя начинается и другой текст о духовном образовании – повесть И.С. Никитина «Дневник семинариста» (1861). Она открывается почти аналогичной сценой: «Алексей Степаныч, коренастый, с черными нахмуренными бровями и такой рябой и корявый, что смотреть скверно... “Не знаешь, мерзавец! – зарычит учитель, – к порогу!..” И начнётся, бывало, жаркая баня...»⁴⁴. Повесть была упомянута в сочинении, сданном учителю словесности воспитанником Харьковской семинарии: «... тяжелое впечатление произвёл на меня “Дневник семинариста”.... Читаешь и тебе больно становится за тех бедных, которые терпят такую муку, которых так коверкают, что семью лопатами не откопаешь всякой наносной дряни, чтобы добраться до цельного человека»⁴⁵.

В отличие от повести Никитина «Очерки бурсы» были прямо запрещены в духовных семинариях, как и многие другие произведения, а также периодические издания. Так, С.В. Керский среди проступков воспитанников

⁴⁰ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии. С. 30.

⁴¹ Там же. С. 29.

⁴² Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_0030.shtml

⁴³ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии. С. 27.

⁴⁴ Никитин И.С. Дневник семинариста. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/n/nikitin_i_s/text_0020-1.shtml

⁴⁵ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии. С. 19.

Костромской духовной семинарии, отмеченных в журналах правления, выявил два случая чтения «недозволенных книг» за 1872/73 учебный год: «один читал “Бурсу” Помяловского, а другой роман “Не хочу учиться хочу жениться”»⁴⁶. С другой стороны, множество фактов подтверждает знакомство семинаристов с этим текстом, к началу 1870-х гг. уже не считавшимся литературной новинкой. Выпускник Архангельской семинарии Андрей Титов описывал ужесточение порядков в письме 1872 г.: «Чуть ли бурса, придавленная новой дисциплиной, не входит в свои права времен Помяловского»⁴⁷. Отсылки к «Очеркам бурсы» есть даже в отчетах ревизоров. В разделе о воспитательной части Челябинского духовного училища С.И. Миропольский, процитировав записи о проступках из книги поведения, («сковеркал (sic) самую лукавую насмешливую гримасу», «скакал сзади на малютку Б., потом поставивши на четвереньки, заставил везти себя»), резюмировал: «Так и веяло от всего этого старою бурсой»⁴⁸. Л. Манчестер, опираясь на автобиографии выходцев из духовного сословия, утверждает, что «... все попovichы использовали “Очерки” в качестве отправной точки, сравнивая с ними свой собственный опыт»⁴⁹.

Возможное сходство сочинений на тему «Как я выучился читать» и «Очерков бурсы», как и пристальное внимание авторов сочинений к теме насилия, не проблематизировалось ревизорами, т. к. в обоих случаях подтверждалось их наблюдениями за жизнью учебных заведений. Между тем чиновники Учебного комитета были способны поставить вопрос о «правдивости» рассказов семинаристов. И.К. Зинченко задал его, анализируя сочинения по словесности на тему «Учебный и праздничный день», написанные в 1871 г. в Вятской духовной семинарии. Спросив, можно ли подозревать сочинителей в «намеренном искажении действительности», ревизор дал отрицательный ответ. Аргументом для него было сходство всех сочинений: «быт одинаково изображается, и воззрения, чувства и вкусы одинаково высказываются»⁵⁰.

И.К. Зинченко признал, что большинство сочинений семинаристов на эту тему повторяли правила поведения воспитанников, и только 30 содержали заинтересовавшие его подробности. Поскольку процитированные в отчете тексты были оценены на 5, 4 и 3 примерно в равных пропорциях, невозможно судить о склонности более или менее успевающих учеников выбирать такой способ письма. Большинство проанализированных работ были

⁴⁶ Керский С.В. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Костромской епархии в 1873 году. СПб., 1879. С. 24. По-видимому, речь идет о книге «Не хочу учиться, а хочу жениться: (Поучит. историйка для всех холостых и женатых)» (1867).

⁴⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9–9об.

⁴⁸ Миропольский С.И. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Оренбургской епархии (в 1873 году) СПб., 1873. С. 21–22.

⁴⁹ Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 203.

⁵⁰ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 64.

написаны от первого лица или во втором лице, также отсылавшем к автору: «иногда даешь обет Богу, что если тебя не спросят, то вот столько-то денег положу в церковную казну»⁵¹. Особый интерес, однако, представляют сочинения, претендующие на обобщения. Авторы по крайней мере двух таких работ прибегли к выделению «типов» - приёму, широко использованному как в «Очерках бursы», так и в реалистической литературе 1860-х гг.⁵² Воспитанник Е.В., писавший, что после обеда «бурса обратилась в театр шалостей», идентифицировал среди бурсаков «силача», вызывавшего мериться с ним силами, и «отъявленного негодяя», который «рассказывал своему другу о своих глупых проделках»⁵³. В классификации Н.Г. Помяловского в качестве наиболее уважаемых были перечислены типажи «отпетых, потом силачей, потом голов, выносящих многоградусный хмель»⁵⁴. Кроме буквально совпадения типа «силачей», видимо схожи «отъявленный негодяй» Е.В. и «отпетые» Помяловского, которые у последнего делились на подвиды: «Башка и отчвалый умно гадили начальству, а благой глупо»⁵⁵. Основной деятельностью этого типа были «дикие штуки», которые едва ли могли быть описаны в сочинении по словесности.

В сочинении А.И. понятие «типов» было прямо использовано в описании утра в семинарской столовой: «Какие разнообразные типы они представляют в это время!». В его сочинении интересно не только употребление термина, в изобилии встречающегося в «Очерках бursы». Это единственный отрывок, где ученик писал о травле семинаристами служителя: «... воспитанники семинарии встали и, от нечего делать, потешаются над служителем, метущим пол в камере, спрашивая его о чём-нибудь; на что он, подтирая свой сопливый нос, отвечает вялым голосом, что и производило громкий смех в наших собеседниках Этот служитель сутуловат, глядит всегда украдкой и постоянно смеется»⁵⁶. Конечно, этому описанию далеко до сцен насилия у Помяловского, но выбранный глагол «потешаются» свидетельствует далеко не о христианских чувствах воспитанников духовного учебного заведения. Кроме того, здесь можно видеть внимание к карикатурным физиологическим характеристикам: «сopливый нос», «сутуловат», на которые Зинченко обратил внимание в сочинениях казанских семинаристов.

Особенно интересен случай конфликта интерпретаций одного сочинения у ревизора и учителя словесности. Ученик А.С., получивший за работу «отлично», писал, что в праздничный день семинаристы «ходят в церковь,

---

⁵¹ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 65.

⁵² Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60–70-х гг. XIX века. Кандидатская диссертация. Варшава, 2009. С. 5.

⁵³ Зинченко И.К. Отчет по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 67.

⁵⁴ Помяловский Н.Г. Очерки бursы. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_0030.shtml

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 64.

плотно и сладко кушают, играют в карты, попивают водочку». Эта фраза, кстати, снимает вопрос о самоцензуре, т. к. карточная игра строго каралась, а употребление алкоголя должно было вести к немедленному отчислению провинившегося. Учитель сделал на полях комментариев «Все это разве бывает?», поставив под сомнение соответствие рассказа реальному положению вещей, т. е. хотя бы отчасти допустив его фикциональный характер. Ревизор, напротив, и здесь опирался на свои наблюдения: застав на одной из квартир употребление пива в учебный день, он посчитал, что в описании нет «ничего невероятного»⁵⁷.

Доказать прямое влияние текста Н.Г. Помяловского на сочинения вятских семинаристов сложно. Предложенная выше интерпретация некоторых отрывков – возможная, но не бесспорная. На мой взгляд, следует говорить не о непосредственном влиянии Помяловского или Никитина, а об особенностях жанра физиологического / этнографического очерка с его стремлением к документальной фиксации действительности⁵⁸, в котором было написано множество произведений 1860-х гг. К.Ю. Зубков пишет, что в силу особенностей жанра «Очерки бурсы» воспринимались читателями как «невывмышленное повествование о совершенно конкретных людях»⁵⁹, по аналогии с ними возможно было описать повседневную жизнь любой семинарии. В качестве сравнения можно привести отношение британских читателей из рабочего класса и городских низов к произведениям Ч. Диккенса, проанализированное Д. Роузом. Он предлагает рассматривать влияние Диккенса на стилистику автотекстов, полагая, что заслуга писателя заключалась «не в обращении их (рабочих. – Ю.С.) в какую-то конкретную идеологию, а в возможности выражать себя. Он предоставил набор аллюзий, персонажей, образов и ситуаций, которые могли быть использованы людьми, не обученными выражать свои мысли на бумаге»⁶⁰. Семинаристы могли отнестись к заданию по словесности формально, переписав правила и распорядок дня. Их выбор в пользу другого жанра – свидетельство стремления к выражению себя через литературу, которое могло быть порождено только чтением. Таким образом, в их сочинениях мы видим читателей, заимствующих приемы описания действительности из текстов, не включенных в учебную программу.

Проанализированные отрывки и разногласия в интерпретации учебных работ учителями и чиновниками Учебного комитета дают возможность говорить как о потенциале, так и сложностях работы с сочинениями семинаристов. Сама организация письменных работ как части реформированной

---

⁵⁷ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 68–69.

⁵⁸ Лукашевич М. Указ. соч. С. 5.

⁵⁹ Зубков К.Ю. Повесть и свидетельство: нарративные тексты о семинаристах 1850–1860-х гг. // Новое прошлое. 2024. №. 1. С. 212.

⁶⁰ Rose J. How historians study reader response: or, what did Jo think of Bleak House? // Literature in the marketplace: Nineteenth-century British publishing and reading practices. Cambridge: Cambridge University Press. P. 209.

учебной программы содержала в себе противоречия. Стремясь поднять сочинения на высокий уровень и отказываясь от старых «схоластических» приёмов обучения письму, члены Учебного комитета не желали превращения учебных работ в литературные и научные труды. В свою очередь ученики, при поддержке части учителей, ставили перед собой именно такие задачи, предполагая, что литературная и публицистическая работа может стать их билетом во взрослую жизнь и облегчит выход из сословия. Некоторые семинаристы, нарушая внутренние регламенты учебного заведения, публиковали свои статьи в светских изданиях и даже получали за них гонорары⁶¹. С другой стороны, именно нарушения давали ревизорам возможность судить о «нравственном состоянии» воспитанников, выявляя знакомство с неподходящими идеями и запрещенными сочинениями. Если бы все семинаристы писали образцовые сочинения, у учителей и ревизоров не было инструмента контроля за их образом мыслей.

Анализ содержания сочинений из жизни семинарии, задававшихся в рамках курса словесности или как специальные задания от ревизоров, показывает их сложность. С одной стороны, «рассказ из испытанного и виденного» предполагал фиксацию жизненного опыта, в том числе таких неприглядных сторон жизни духовной школы как грубость, жестокость и насилие как со стороны учителей, так и в среде самих воспитанников. С другой стороны, выбор языка повествования, отбор эпизодов, концентрация на негативных сторонах жизни может свидетельствовать не о «правдивости» авторов сочинений, фиксировавших «виденное и испытанное», а об их глубоком погружении в современный литературный процесс, намеренное воспроизведение моделей, заимствованных из бестселлеров, уже описавших жизнь бурсы в мрачных тонах. В этом случае сочинения отражают не только непосредственный семинарский опыт, но и читательские практики духовных воспитанников, внимательно знакомившихся с запрещенными для них сочинениями и подражавших им в собственных текстах.

Список литературы:

1. *Зубков К.Ю.* Повесть и свидетельство: нарративные тексты о семинаристах 1850–1860-х гг. // Новое прошлое. 2024. №. 1. С. 207–216.
2. *Леонтьева Т.Г.* Учебный процесс в духовных семинариях России XIX века по воспоминаниям выпускников // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 3. С. 4–16.
3. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М.: НЛЮ, 2015. - 439 с.
4. *Реут А.В.* Сочинения гимназистов для литературных бесед в 1840–1860-е гг.: анализ тематики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 30–38.

---

⁶¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 68. Л. 73 об., 736 об, 127а.

5. *Leibov R., Vdovin A.* What and How Russian Students Read in School, 1840-1917 // *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia.* Ed. D. Rebacchini, R. Vassena. Vol. 2. Milano: Ledizioni, 2020. P. 259-316.
6. *Rose J.* How historians study reader response: or, what did Jo think of Bleak House? // *Literature in the marketplace: Nineteenth-century British publishing and reading practices.* Cambridge: Cambridge University Press, 1995. - 356 p.
7. *Rose J.* The History of Education as the History of Reading // *History of Education.* 2007. Vol. 36. No 4-5. P. 595-605.

Об авторе:

САФРОНОВА Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1 А), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

**«A Story from what the Disciple Experienced and Seen»:
Written Works in the System of Theological Education
After the Reform 1867**

Ju.A. Safronova

European university at St.Petersburg, St.Petersburg, Russia

The study is devoted to the written works produced by of theological seminaries students. The first part examines the regulation of written work in the documents of the Educational Committee of the Holy Synod after the reform of 1867. It analyzes the ideas of officials regarding correct student work, as well as various violations of the rules identified during revisions of theological seminaries. The second part of the work is focused on the essays of seminarians, written for a course on literary theory or as an assignment given by the auditor of the Educational Committee. For analysis were selected stories from family or school life, including essays on the topic “how I learned to read.” The primary inquiry is whether the essays were inspired by well-known literary works or if they were the product of the authors' naive transcription of real experiences. In several cases we can detect the influence of fiction in the essays, including those directly prohibited to seminarians. Thus, through the essays we examined the reading experience of seminarians, who reproduced models borrowed from popular literary texts, particularly “Essays on the Bursa” by N.G. Pomyalovsky.

Keywords: *history of reading, history of education, literary education, reform of theological educational institutions of 1867, theological seminary.*

About the author:

SAFRONOVA Julia Alexandrovna – Candidate of History, Docent, Department of History, European university at St. Petersburg (Russia, 191187, St.Petersburg, Gagarinskaya st. 6/1A), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

References:

- Leont'eva T.G., *Uchebnyj process v duhovnyh seminarijah Rossii XIX veka po vospominanijam vypusnikov*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya». 2016, No 3, S. 4–16.
- Manchester L., *Popovichi v miru: duhovenstvo, intelligencija i stanovlenie sovremennogo samosoznanija v Rossii*. M., 2015.
- Reut A.V., *Sochinenija gimnazistov dlja literaturnyh besed v 1840–1860-e gg.: analiz tematiki*, Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogического университета, 2016, No 8 (112), S. 30–38.
- Zubkov K.Yu., *Povest' i svidetel'stvo: narrativnye teksty o seminaristah 1850–1860-h gg.*, Novoe proshloe. 2024, №. 1, S. 207-216.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(470.331)''1941/1945''

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.068–078

Материалы фонда Ш.З. Голубкина в Тверском центре документации новейшей истории

Л.А. Болокина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»,
г. Тверь, Россия

В статье рассматриваются архивные документы, хранящиеся в фонде Шмеры Залмановича Голубкина. Показаны основные этапы жизненного пути Голубкина, даны некоторые сведения о судьбах его братьев и сестер. В 1920-30-х гг. Шмера Залманович был советским служащим и занимал различные должности. В годы Великой Отечественной войны он стал участником партизанского движения. Его семья находилась в эвакуации в Алма-Ате. Ценными историческими источниками являются подлинники писем Голубкина жене и детям. В публикации анализируется содержание писем, отправленных женой и дочерью Голубкина из Алма-Аты. Эти письма отражают разные аспекты военной повседневности эвакуированных советских граждан. Среди интересных документов фонда – подлинник свидетельства о рождении Шмеры Залмановича, несколько фотоотпечатков. Знакомство с материалами фонда позволяет проследить, каким образом крупные политические события первой половины XX века меняли жизни обычных людей в России и СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, исторические источники, Калининская область, письма, семья, эвакуация.

Не столь давно в Тверском центре документации новейшей истории был сформирован фонд, материалы которого связаны с жизнью советского служащего, участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Шмеры Залмановича Голубкина. Фонд появился при непосредственном участии сына Шмеры Залмановича Эдуарда Шмеровича, который помог составить сведения биографического характера не только о своем отце, но и других родственниках многочисленной семьи Голубкиных.

Рассмотрение материалов вышеназванного фонда как исторических источников является целью данной статьи. Также автор попытался показать судьбу человека, родившегося в России накануне крупных политических и социальных изменений, самым серьезным образом повлиявших на его жизнь. В трудах ряда тверских историков отмечается недостаточная степень

изученности темы партизанского движения на территории Калининской области в 1941–1944 гг.¹ (см. также: *Болокина Л.А.* Современные исследования по истории Великой Отечественной войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2015. № 4. С. 85). Документы фонда Ш.З. Голубкина могут представлять интерес не только с точки зрения дальнейшей разработки вопросов, связанных с организацией и развитием партизанского движения, но также в контексте разнообразных исследований по истории довоенной и военной повседневности, например, о жизни калининцев в эвакуации.

Шмера Залманович Голубкин родился 24 мая 1905 г. в г. Белый, который в тот момент находился в составе Смоленской губернии, ныне же является районным центром Тверской области, по численности населения, вероятно, самым малым из городов региона. Главой большого семейства был Залман Мордухович (Соломон Маркович), часовых дел мастер, а роль хранительницы домашнего очага принадлежала его супруге Мусе Мовшевне. В семье появилось восемь детей, и каждый из них получил образование. Залман Мордухович был известным в городе членом еврейской общины, старостой синагоги. В летний период он нанимал лошадь с телегой и вместе с двумя подросшими сыновьями ездил по округе, ремонтируя часы и разнообразную металлическую утварь, бытовавшую в крестьянских домах. Спустя некоторое время после революции старшие дети переехали в Подмоскowie, позднее перебрались в Москву, забрав и родителей.

Судьбы братьев и сестер главного героя настоящей публикации сложились следующим образом. Давид Соломонович продолжил дело своего отца, Абрам Соломонович был бухгалтером, Борис Соломонович рабочим, а в годы Великой Отечественной войны стал рядовым военнослужащим. Рахиль Соломоновна окончила высшие медицинские курсы в Санкт-Петербурге, работала врачом в г. Белом, но большую часть жизни трудилась в поликлинике металлургического завода «Серп и молот»².

Эмма Соломоновна проучилась несколько курсов на мехмате МГУ, затем преподавала математику в московской школе, в 1941 г. не эвакуировалась, осталась в столице. Интересна и необычна история ее замужества. Если она была дочерью старосты синагоги, то её избранник – сыном благочинного протоиерея. Согласно сведениям Эдуарда Шмеровича, родители их были знакомы и относились друг к другу с уважением. Однако молодые

---

¹ *Герасимова С.А.* Партизанское движение в Калининской области в 1941 – начале 1942 года (в современных границах Тверского региона) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 3 (59). С. 22, 23; *Суворов В.П.* Историография партизанского и подпольного движения в Калининской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2 (62). С. 122–137.

² Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 4115. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

очень долго скрывали от родителей свой брак, и этот факт заставляет предположить, что отношение к союзу детей могло быть по меньшей мере неоднозначным, возможно неодобрительным³.

Ирина Соломоновна окончила исторический факультет МГУ, после чего много лет проработала в Московском экскурсионном бюро, была директором Высших режиссерских, сценаристских курсов. Стерна Соломоновна окончила Московский геологоразведочный институт, взяла себе второе имя Кима, означавшее Коммунистический интернационал молодёжи. После вступления в брак она носила фамилию Амиросланова, её мужем стал курд из Азербайджана, который, выражаясь словами из архивного источника, «родился в сакле», но благодаря трудолюбию и интересу к знаниям сделал впечатляющую карьеру, стал академиком АН СССР, заместителем министра геологии СССР⁴.

Шмера Залманович, будучи предпоследним ребенком в семье, начал обучение до революции, а закончил Бельскую девятилетнюю школу в 1924 г.; тогда же он вступил в комсомольскую организацию. Позднее окончил краткие курсы инспекторов политического просвещения и инспекторов народного хозяйственного учета, получив соответствующие специальности, а в 1930 г. стал членом ВКП(б). Его трудовой путь начался с должности рабочего Нелидовского фанерного завода, однако спустя полгода предприятие закрылось, и возвращения к рабочей профессии уже не последовало. Следующие несколько лет Шмера Залманович занимал ряд схожих должностей в Бельском уезде: волостного ликвидатора безграмотности, заведующего волостной избой-читальней, волостного политпросветорганизатора, участкового инспектора политпросвета⁵.

Во время районирования летом 1929 г. Голубкин перебрался на территорию Ржевского района, где был назначен заведующим клубом артели «Молот» в д. Муравьево, затем районным инспектором политпросвета Ржевского района. Побывав в должности директора Ржевского драмтеатра с марта по июль 1932 г., он стал районным инспектором нархозучета, занимался экспертизой при Ржевской межрайонной госкомиссии по урожайности. В период с 1929 г. по 1934 г. одновременно с основными обязанностями по месту работы он выполнял партийные и общественные поручения, а именно был постоянным уполномоченным райкома ВКП(б) по сельскохозяйственным кампаниям, в частности, организовывал колхозы в Муравьевском, Афанасовском, Плешковском, Чертолинском и других сельских советах Ржевского района⁶.

Добравшись до поста секретаря Ржевского райисполкома в 1935 г., Шмера Залманович примерно через год лишился этого места. Причиной стала утеря партбилета, из-за чего первичная партийная организация исклю-

³ ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 3 об.; Д. 3. Л. 1–4.

⁶ Там же. Д. 2. Л. 1 об.

чила его из своих рядов, а пленум райисполкома отвел из состава президиума и снял с должности секретаря. Заметим, что подобная ситуация не была редкостью в то время. Однако бюро райкома ВКП(б) отменило решение первичной парторганизации, заменив исключение из коммунистов строгим выговором за небрежное хранение партийного документа. Вскоре выговор с него был снят⁷.

Проработав несколько лет городским инспектором нархозучета после истории с партбилетом, с февраля 1941 г. Шмера Залманович занял должность директора Ржевского горпромкомбината, в которой и встретил начало Великой Отечественной войны. Опыта несения военной службы он тогда не имел, так как не служил ни в царской, ни в Красной армии. По решению Бельской призывной комиссии в 1926 г. Шмера Залманович был отнесен к числу вневойсковиков. При этом спустя примерно год по приказу Бельского уездного военкомата он проходил то ли двухмесячный, то ли трехмесячный территориальный сбор в г. Гжатске в стрелковом полку. В 1941 г. он дважды участвовал в работах по проведению пробной мобилизации лошадей, а после начала военных действий в течение месяца проводил мобилизацию конского состава в действующую армию⁸.

К этому моменту Голубкин был женат, его избранницей стала Екатерина Семеновна Волкова, учительница начальных классов, родившаяся и выросшая в Оленинском районе, расположенном между Бельским и Ржевским районами. Вместе они воспитывали дочь и сына, которым в 1941 г. исполнилось соответственно 11 и 5 лет. Вскоре после начала военных действий Екатерина Семеновна и дети уехали в Алма-Ату, где прожили более трех лет, вернувшись в Калинин лишь в ноябре 1944 г.⁹ Судя по сохранившимся документам, их семья была дружной, любящей, письма родителей и старшей дочери наполнены нежностью, заботой и тревогой о жизни и здоровье своих близких.

Первые месяцы войны Шмера Залманович оставался в Ржеве, участвовал в строительных работах, но в октябре 1941 г. немцы приближались, в Ржевском районе из членов партийного, советского, хозяйственного актива был сформирован партизанский отряд, в который вступил и он, став рядовым бойцом, потом помощником командира отделения¹⁰. В декабре отряд вышел в советский тыл на перегруппирование, но как раз в те дни Шмера Залманович получил ожог спины, из-за которого провел в госпитале около трех недель. В это время отряд был переправлен к линии фронта, и после выхода из госпиталя по распоряжению инструктора обкома партии Голубкин прибыл в Калинин и сначала работал городским инспектором статистического управления, хотя очень скоро занял должность заместителя начальника областного управления статистики (Калинин находился под властью немцев два месяца и был освобождён 16 декабря 1941 г. – Л.Б).

⁷ ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

⁸ Там же. Л. 7 об., 20, 21.

⁹ Там же. Д. 7. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 479. Оп. 3. Д. 189. Л. 10 об.

Однако по призыву обкома партии уже в апреле 1942 г. он возвращается в ряды партизан, и вновь начинает путь с рядового бойца. В отряде под названием «За родную землю» Голубкин почти сразу стал помощником командира по хозяйственной части, затем политруком взвода, потом командиром взвода. В сентябре 1942 г. был создан новый партизанский отряд «За родного М.И. Калинина», и Шмеру Залмановича назначили командиром. В январе 1943 г. отряд был расформирован, он стал комиссаром отряда им. Фрунзе той же 2-ой Калининской партизанской бригады, а с марта 1944 г. комиссаром всей бригады. С мая по август 1944 г. являлся комиссаром вновь созданной 16-ой Калининской партизанской бригады. После полного освобождения территории Калининской области от оккупантов бригада была расформирована, Шмера Залманович уволен в запас и направлен в распоряжение Калининского обкома партии.

Находясь в рядах партизан, он участвовал в боевых действиях на территории различных районов Калининской области – Ржевского, Старицкого, Великолукского, Идрицкого, Новоржевского, Новосокольнического, Себежского, Пушкиногорского, а также в районах Полоцкой области – Росонском, Освейском. Должности командира и комиссара предполагали ежедневное выполнение самых разных обязанностей, принятие сложных решений, в том числе касавшихся кадрового состава, взаимодействия с командованием советских войск, с местным населением. Среди прочего необходимо было постоянно составлять отчеты. Можно предположить, что весьма непростыми для него стали решения об участии перебежчиков.

Трудности повседневной партизанской жизни Голубкин испытал сполна, это отражает, например, тот факт, что на протяжении многих месяцев 1943 г. он страдал тяжёлой формой авитаминоза, который приобрёл форму хронического. Летом наступило незначительное улучшение, потом болезнь снова взяла своё, но выполнить предписание врача о длительном лечении и диетическом питании совершенно не представлялось возможным¹¹. В суровых условиях существования в тылу противника исключительно важным было получение известий от родных и близких, и члены семьи комиссара на протяжении долгих месяцев и лет разлуки отправляли ему письма, наполненные теплотой и любовью, однако понятно, что на регулярное получение этих весточек в тылу противника рассчитывать не приходилось.

За участие в партизанской борьбе Шмере Залмановичу были вручены следующие награды: в 1943 г. – орден Красной Звезды, в 1945 г. – медаль «За победу над Германией» и медаль «Партизан Отечественной войны», в 1946 г. – орден Отечественной войны II степени¹².

После увольнения в запас Шмера Залманович обосновался в областном центре, в котором и провёл последующие годы, занимая различные должности в системе управления. В автобиографии, написанной в 1954 г.,

¹¹ ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 4. Л. 64.

¹² Там же. Д. 2. Л. 4 об.

он определил свою основную профессию как «статистический и плановый работник». Вместе с тем продолжал обучение, являлся слушателем областной партийной школы, закончил заочное обучение на историческом факультете Калининского педагогического института.

Материалы фонда Голубкина в ТЦДНИ включают немало документов, связанных с образованием и карьерным ростом Шмеры Залмановича. Это разного рода справки, выписки, мандаты, удостоверения о назначении или переводе на новую должность, окончании курсов, а также автобиографии и анкеты, составленные в различные периоды.

Некоторые документы являются особенно любопытными и привлекают внимание. Например, подлинник свидетельства о рождении Шмеры Залмановича. На нём есть оттиск круглой печати с изображением двуглавого орла и печатными буквами «Печать Велижского общественного раввина», подпись самого раввина. Штамп в верхней правой части листа содержит следующие данные: «М.В.Д. Велижского уездного и Бельского общественного раввина г. Велиж, Витебской губернии»¹³. Весьма интересными являются несколько фотоотпечатков, присутствующие в делах фонда¹⁴. На одном из них запечатлено семейство Голубкиных в 1907 г. В то время как старшие сыновья выглядели вполне взрослыми, аккуратно одетыми – очевидно, внимательно подготовились к съёмке – младшая дочь была ещё совсем малышкой и располагалась на коленях матери. На изображении, датированном 1949 г., Голубкин стоит среди сослуживцев, вероятно, участников партизанского движения в Калининской области. В первом ряду, на фоне мужчин в военной форме, выделяются несколько фигур в штатском, видимо, областных руководителей того времени. Так, можно узнать главу облисполкома Александра Павловича Староторжского.

В фонде хранятся более пятидесяти подлинников писем Ш.З. Голубкина к жене и детям, другим родственникам¹⁵. Первое письмо написано в августе 1941 г. в Ржеве, последние в августе 1944 г. на территории одного из западных районов Калининской области, освобождённых от оккупации. Самое большое количество писем относится к 1942 г. В текстах можно найти сведения о ситуации в Ржеве накануне оккупации города, поведении и настроениях жителей, описание госпиталя под Торжком, где находился Голубкин в декабре 1941 г. Некоторая информация о повседневной жизни партизан, их настроениях и быте, организации хозяйственных дел, снабжении обнаруживается в письмах, отправленных в период нахождения Шмеры Залмановича в зоне действий советских партизан, в том числе из немецкого тыла. Анализу данных писем как исторических источников посвящена отдельная публикация автора настоящей статьи. Одно из дел фонда содержит подлинники телеграмм, направленных Ш.З. Голубкиным жене и детям в период с сентября 1941 г. по июнь 1942 г.¹⁶

¹³ ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 8, 9.

¹⁵ Там же. Д. 4.

¹⁶ Там же. Д. 5.

Немного подробнее расскажем о нескольких письмах Шмере Залмановичу от жены и дочери, также хранящихся в ТЦДНИ. Все они были написаны в июне – сентябре 1944 г., когда семья принимала решение о возвращении из эвакуации в родные края. Это решение осложнялось тем, что Шмера Залманович ранее сообщал им о своём возможном приезде в Алма-Ату, и Екатерина Семеновна, Мара и Эдик много недель подряд ждали его сообщения об уточнении даты приезда или невозможности приехать к семье, а в лучшем случае и вообще внезапного появления в их квартире. Их мучительное ожидание было напрасным, глава семейства так и не получил долгожданного отпуска во время войны.

Письма представляют собой одинарные пожелтевшие тетрадные листы в клетку и линейку, некоторые в виде треугольников с почтовыми штампами и печатями военной цензуры. Часть из них исписана полностью, в том числе на всех сгибах, горизонтально или вертикально, в виде узких столбцов, а также по периметру, вокруг уже написанного текста. Одно из писем Мары написано на обороте листа с контрольной работой по математике, выполненной другой девочкой, возможно, одноклассницей Мары или ученицей Екатерины Семёновны. В основном письма написаны чернилами синего, фиолетового или светло-коричневого цвета, а одно карандашом.

Екатерина Семёновна немало внимания уделяла объяснению возможных причин задержек или потери предыдущих писем, о чём постоянно спрашивал муж, порой мягко упрекая близких. Все они, конечно, понимали эти причины, связанные с обстоятельствами военного времени, хотя супруга признавалась Шмере Залмановичу, что «бывают и такие моменты, как-то не возьмешь себя в руки»¹⁷. Добавим, что аналогичные признания есть и в его письмах. В каждом послании Екатерина Семёновна напоминала, что с момента разлуки прошло уже целых три года, сопоставляла события этих лет с предвоенными семейными планами, размышляла о конкретных сроках окончания войны. При этом старалась подбодрить и утешить своего мужа предположениями о скорой встрече, словами о том, что близкие очень ждут эту встречу. Иногда она слегка иронизировала над собой, сравнивая условия жизни в Алма-Ате и ежедневные трудности, с которыми сталкивался Шмера Залманович, отмечала, что «народ мы тыловой – изнеженный»¹⁸. Стремление поддержать супруга, понимание его внутреннего состояния выражалось в следующих словах: «Истосковались и мы изрядно, но нас трое, а ты там из близких никого не имеешь»¹⁹.

Не забывала Екатерина Семеновна передать приветы от родственников и знакомых, сообщить об успехах дочери в школе и о том, что сын научился читать и писать самостоятельно, просила написать Эдику несколько слов печатными буквами. Глава семейства выполнил эту просьбу. Из ответов Голубкина можно понять, насколько остро он воспринимал слова

¹⁷ ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же.

о быстром взрослении Мары, изменении её мироощущения, переживал, что эти важные перемены происходят вдали от него. Несколько отвлекаясь от основной темы, отметим, что листки с короткими посланиями, также написанными печатными буквами, и рисунками сына были настолько дороги Шмере Залмановичу, что он нарушал нормы военного времени и всегда носил с собой эти листки. Удивительно, но в одном из дел другого фонда ТЦДНИ сохранились письма Эдика, на обороте которых можно увидеть его рисунки. На них изображены раскрашенные карандашами советские танки и корабли с красными звездами, а также красноармеец в форме с погонами²⁰. Для мальчика его возраста рисунки выполнены очень умело.

В то время как Шмера Залманович в письмах уделял много внимания финансовым вопросам, всячески пытался обеспечить нормальные условия существования семьи, материально помочь жене и детям, жена в ответ извещала его о получении денежных средств, доступных продуктах, упоминала посылку от сестры мужа, доставленную «с бойцами». Из текстов можно узнать о некоторых аспектах повседневной жизни семьи в эвакуации, например, о том, как Екатерина Семёновна регулярно перешивала и переделывала из старых вещей одежду для Мары и Эдика или о введении раздельного обучения в школах Алма-Аты, которое существенно облегчило работу учителей в женских школах, по мнению автора писем.

В письмах супругов изредка проскальзывали отзвуки внутренних сомнений, которые оба испытывали. Отражает их беспокойные мысли фраза из письма Екатерины Семеновны: «Не думай, что забыть так просто и легко, когда перед глазами два твоих портрета. Мы только и думаем о тебе, и беспокоимся за тебя»²¹. В свою очередь собственные сомнения она выразила напрямую, когда отметила, как трудно принимает решение о том, проходить ли ей в Алма-Ате курс лечения от серьезного заболевания, который длится от полутора до двух месяцев или дожидаться возвращения в Калининскую область. Сложность была вызвана не только ожиданием постоянно откладывавшегося приезда мужа, но и уверенностью Екатерины Семеновны в том, что «... интереснее иметь жену здоровую, чем больную, да и мне неинтересно быть обузой для других»²².

Дочь Мара в своих письмах также, как и мать, описывала погодные условия в Алма-Ате, процесс ухода за маленьким огородом, который они сумели возделывать прямо у дома, «страшные» цены на продукты. Мара даже более подробно рассказывала о рационе семьи и различных возможностях приобрести продукты. Примечательно одно место из ее переписки с отцом. Когда однажды она поздравила Шмеру Залмановича с присвоением новой награды, то тут же сообщила, что все школьные экзамены сдала отлично, словно пытаясь показать соответствие своего поведения его заслугам. Этот

---

²⁰ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 189.

²¹ Там же. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

²² Там же. Л. 10.

момент отразил особенность воспитания детей в семье Голубкиных: для родителей было важно укрепить в детях нацеленность на получение знаний, образования, о чём не раз писал отец, обращаясь к дочери и сыну издалека. Откликаясь на призывы отца, Мара подчёркивала свои высокие оценки в школе, а накануне отъезда, мечтая вернуться в родные места, Мара пыталась узнать от отца, когда начинаются занятия в калининских школах, опасалась, что будет трудно догнать одноклассников после пропуска первых уроков.

Одно из писем Мары содержит довольно длинный рассказ о поездке по железной дороге в санаторий, где она провела июль и август 1944 г. Мара обстоятельно и эмоционально изложила отцу многие подробности своего самостоятельного путешествия, которое, очевидно, послужило для неё источником совершенно новых впечатлений. Приведём отрывок из текста: «До Семипалатинска тянулись сухие выжженные степи. Куда ни посмотришь – всюду бесконечное выжженное пространство. Ни деревца, ни людей. Правда, видела двух черепах совсем близко от полотна. Разъезд – 3-4 сакли и чумазы грязные казачата и ни одного дерева!! Небольшая станция – какой-нибудь захудалый вокзалишко и человек 10 торговков молоком. И на всем пути всего несколько более или менее приличных вокзалов. За Семипалатинском начались более зеленые степи. В Новосибирске мы стояли больше суток, побыли в городе. Вокзал в Новосибирске действительно прекрасный, это один из лучших вокзалов СССР. Здание это занимает примерно 2 квартала. Высота в общем 6 этажей, в отдельных случаях – 8. Там множество прекрасных залов, ресторанов, почта, телеграф, парикмахерская... Но сам город хуже, чем Алма-Ата, и цены там выше (за исключением картошки, которая у нас 70 руб. за кг, а здесь 120 руб. ведро)»²³.

Как Екатерина Семёновна, так и Мара выражали в письмах горячую надежду на скорые подвижки и получение хороших известий об изменениях на фронтах, особенно из тех мест, где находился Шмера Залманович.

Изучение биографии Ш.З. Голубкина позволяет отчётливо представить, как именно масштабные политические события первой половины XX столетия отражались на судьбах людей, проживавших на территории российского, затем советского государства. Следствием революционных изменений стали новые возможности в получении образования, профессии, выборе места жительства, что определённым образом повлияло на жизни членов родительской семьи Голубкина. Карьера самого Шмеры Залмановича оказалась тесно связанной с деятельностью коммунистической партии. Решения о повышении или понижении его в должности, участии в общественных процессах, таких, как коллективизация, принимались партийными органами и руководителями. Определение места пребывания и даже формы поведения в военные годы также в значительной мере зависело от указаний партийных лиц.

Шмера Залманович это хорошо понимал, и иллюстрацией служат его слова из заявления, написанного секретарю обкома в 1944 г., когда он узнал

---

²³ ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

о предстоящем направлении на руководящую должность в один из освобождённых от оккупации районов Калининской области. После обстоятельного перечисления причин, по которым он не может согласиться с этим решением обкома, Голубкин счёл нужным отметить следующее: «не имея права свои личные интересы ставить выше интересов партии, я прошу удовлетворить мою просьбу в том случае, если направление меня на намеченную Вами работу не является крайней необходимостью»²⁴. Партия была той силой, что решительным образом влияла на его собственную жизнь, но и он сам стал человеком, от имени партии определявшим судьбы других людей, иногда в самом прямом смысле этих слов.

Тяжёлые физические и моральные испытания, пережитые в период Великой Отечественной войны, огромное внутреннее напряжение, вызванное нахождением в ситуации постоянной опасности, ответственностью руководителя, а также разлукой с семьей – всё это продолжалось много месяцев и несомненно отразилось на дальнейшей жизни Шмеры Залмановича. Возвращаясь мысленно к дате рождения Голубкина, невольно задумываешься о том, что в тот момент никто из его современников не мог вообразить, какие крутые перемены произойдут в стране, насколько серьёзно и неоднозначно они изменят жизненные обстоятельства и стратегии людей.

Материалы фонда Ш.З. Голубкина прежде всего будут полезными для исследователей и краеведов, изучающих историю Калининской области в годы Великой Отечественной войны. Переписка членов семьи Голубкиных содержит много интересных деталей и характеристик различных аспектов военной повседневности, описаний умонастроений и особенностей коммуникаций, существовавших в военную пору. В письмах Шмеры Залмановича встречаются упоминания о некоторых бытовых моментах жизни партизан, которые нечасто воспроизводятся в других источниках, письма Екатерины Семеновны и Мары позволяют представить их жизнь в период эвакуации.

Список литературы:

1. *Герасимова С.А.* Партизанское движение в Калининской области в 1941–начале 1942 года (в современных границах Тверского региона) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 3 (59). С. 22–38.
2. *Суворов В.П.* Историография партизанского и подпольного движения в Калининской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2 (62). С. 122–137.

Об авторе:

---

²⁴ ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об.

БОЛОКИНА Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет (Россия, 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22), e-mail: bolokinal@mail.ru

Materials of the S.Z. Golubkin Foundation in the Tver Center for Documentation of Modern History

L.A. Bolokina

Tver State Technical University, Tver, Russia

The article examines archival documents stored in the fund of Shmer Zalmanovich Golubkin. The main stages of Golubkin's life path are shown, and some information about the fates of his brothers and sisters is given. In the 1920s and 30s, Shmer Zalmanovich was a Soviet employee and held various positions. During the Great Patriotic War, he became a member of the partisan movement. His family was evacuated to Alma-Ata. Valuable historical sources are the originals of Golubkin's letters to his wife and children. The publication analyzes the content of letters sent by Golubkin's wife and daughter from Alma-Ata. These letters reflect different aspects of the military daily life of the evacuated Soviet citizens. Among the interesting documents of the foundation are the original of the birth certificate of Shmera Zalmanovich, several photo prints. Familiarity with the foundation's materials allows us to trace how major political events of the first half of the 20th century changed the lives of ordinary people in Russia and the USSR.

Keywords: Great Patriotic war, historical sources, Kalinin region, letters, family, evacuation.

About the author:

BOLOKINA Lyubov' Aleksandrovna – Candidate of History, docent, the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University (Russia, 170026, Tver, Af. Nikitina Embankment, 22), e-mail: bolokinal@mail.ru

References:

- Gerasimova S., *Partizanskoe dvizhenie v Kalininskoj oblasti v 1941–nachale 1942 goda (v sovremennyh granicah regiona)*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2021, № 3 (59), S. 22–38.
- Suvorov V. *Istoriografiya partizanskogo i podpol'nogo dvizheniya v Kalininskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1944)*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2022, № 2 (62), S. 122–137..

Статья поступила в редакцию 21.01.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(480)''18/19''+284.1

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.079–087

Административная организация евангелическо-лютеранской церкви Финляндии в конце XIX – первой половине XX века¹

А.В. Ковалев

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

В статье рассматривается процесс формирования и развития системы управления в Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии – доминирующей религиозной конфессии Финляндии. По данным на начало 2022 г. её численность составляет 66,5 % населения Финляндии. В статье производится анализ основных юридических актов ЕЛЦФ: Закон Шаумана 1869 г. и Закон о свободе вероисповедания 1923 г., описываются процессы формирования и трансформации главных органов власти в Церкви: законодательной власти (Церковный Собор), исполнительной власти, (Совет епископов, а позже – Церковное правление), становление местных органов церковной власти, возникновение надзорного органа для Церкви со стороны общественности – Совета мирян. Автор делает вывод, что эти события стали ключевыми в формировании управленческой структуры ЕЛЦФ.

Ключевые слова: *Евангелическо-Лютеранская Церковь Финляндии, ЕЛЦФ, Церковь, Финляндия, организация церкви.*

Евангелическо-Лютеранская Церковь Финляндии была образована в 1809 г., после того как Российская империя одержала победу над Швецией в войне 1808-1809 гг. Война окончилась подписанием Фридрихсгамского мирного договора, по условиям которого территория Финляндии вошла в состав Российской империи. В результате было образовано Великое княжество Финляндское. Аналогичные интеграционные процессы проходили в Церкви – епархии Або и Борго были объединены и выведены из состава Церкви Швеции, тем самым образовав Евангелическо-Лютеранскую церковь Финляндии (ЕЛЦФ). Именно поэтому император Александр I официально считается её основателем.

---

¹ Научный руководитель: докт. ист. наук., профессор кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского А.М. Ермаков.

В 1817 г. в связи с 300-летним юбилеем Реформации, епископ епархии Турку (Або) получил титул архиепископа. Таким образом, Церковь Финляндии официально стала не зависимой от Швеции. При этом в формально-юридическом отношении Лютеранская Церковь в Финляндии оказалась в несколько неестественном положении. Старое шведское законодательство оставалось действующим на территории Великого княжества. Главой же церкви формально считался светский государь, каковым ранее был шведский король, а теперь император всероссийский, он же – великий князь финляндский. Таким образом, по букве закона иноверный государь считался главой Евангелическо-Лютеранской церкви Финляндии².

Основной церковный закон для Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии был принят в декабре 1869 г. Он был разработан профессором теологии Франсом Людвигом Шауманом. Закон содержал положения о Церковном соборе. Шауман планировал создать реальный законодательный орган, чтобы у Церкви были полномочия регулировать, изменять и трактовать церковный закон. Им оказался Церковный собор, ставший верховным органом власти в Церкви, чьи постановления могли быть отклонены только Императором. Первоначально частота созыва Собора была определена раз в 10 лет, хотя сам Шауман считал, что его необходимо проводить чаще³. Уже на первом заседании в 1876 г. было принято решение проводить Церковный собор раз в 5 лет.

Закон Шаумана предполагал, что именно приход является основной административной единицей в Церкви. Приходам предоставлялось самоуправление, исполнительные полномочия могли осуществляться отдельными органами, либо священниками, либо должностными лицами⁴. На приходском уровне в Финляндии уже существовал Пресвитерианский орден, в котором и священники, и миряне принимали участие в процессе принятия решений.

Церковный закон Шаумана увеличил независимость Церкви от государства и прояснил порядок применения, но вопрос о церковном центральном правительстве, который был предметом споров на протяжении веков, оставался открытым. Шауман подчёркивал необходимость разделения законодательства и управления, но конкретных проектов по созданию исполнительного органа церковной власти у него не было⁵.

Критика положения церкви значительно усилилась в конце XIX в. Новые либеральные тенденции финского общества ставили под сомнение традиционное положение Церкви. Кроме того, начало «морозных» лет (1898-1905 гг. – период русификации Финляндии) поставило под вопрос роль

---

² Мусаев В.И. Современные конфессиональные проблемы региона специализации. Религия и церковь в странах Северной Европы. СПб., 2012. С. 72.

³ Juva M. Kirkon parlamentti. Suomen kirkolliskokousten historia 1876–1976. Helsinki, 1976. S. 15.

⁴ Pirinen K. Schaumanin kirkkolain synty. Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia. Helsinki, 1985. S. 132.

⁵ Juva M. Op. cit. S. 17.

Церкви Финляндии в государственной системе. В ответ на внешние проблемы в Церкви появился новый вид деятельности, который получил название «молодое церковное движение». Под руководством епископа Савонлинны Густава Йоханссона началось создание общего управления Церкви и активизация сотрудничества между епархиями. Неформальные собрания епископов были впервые проведены в 1891 г. и быстро стали регулярными. Епископы также присутствовали на Церковном Соборе 1893 г. Официально на Церковном Соборе такая деятельность была оправдана укреплением внутреннего единства Церкви. Эти неформальные встречи стали предшественником нового органа власти в Церкви – Совета епископов⁶.

Полномочия Совета епископов и его задачи в структуре Церкви оставались неформальными до 1908 г., когда они были зафиксированы в Церковном акте. В самой Церкви были сомнения: многие боялись, что руководство Церкви, таким образом, собирается уменьшить независимость епархий⁷. По этой причине в законе подчёркивалось, что Совет епископов не имел права вмешиваться в работу соборных капитулов, действовавших при епархиях. Церковь продолжала оставаться «федерацией епархий». Задача Совета епископов состояла в том, чтобы обсуждать вопросы, касающиеся управления и контроля епархий и в некоторых случаях подготавливать вопросы к обсуждению на Церковном соборе. Совет епископов состоял из епископов и одного члена соборного капитула от каждой епархии. С тех пор и до 1944 г. Совет епископов исполнял роль собственного центрального правительства Церкви. Епископы готовили повестку пленарных заседаний для Церковного собора и стали исполнительным органом власти в Церкви, что еще больше усиливало их влияние.

В начале XX в. были предприняты шаги для усиления центрального управления Церкви. Во время Первой мировой войны шли оживленные дебаты о создании центрального Церковного правления⁸. Дискуссия была связана с запланированным законом о свободе вероисповедания, который существенно изменил положение Церкви.

В 1917 г. Финляндия впервые в своей истории приобрела политическую независимость и стала суверенным государством. Доминирующему положению Лютеранской церкви в стране и в имперский период ничего не угрожало, однако теперь была ликвидирована правовая коллизия, когда иноверный русский царь должен был считаться главой ЕЛЦФ. Конституция независимой Финляндии, принятая в 1919 г., провозгласила невмешательство государства во внутрицерковные вопросы. Однако назначение архиепископа и епископов было отнесено к компетенции президента республики.

В 1923 г. был принят закон о свободе вероисповедания. С этого времени граждане Финляндии получили возможность выходить из церкви. Когда стало очевидно, что выход из лона Церкви оказался незначительным,

⁶ Antila J. Kirkon organisaation muutouminen. Helsinki, 2014, S. 16.

⁷ Heininen S., Heikkilä M. Suomen kirkkohistoria. Helsinki, 2017. S. 72.

⁸ Pirinen K. Op. cit. S. 146.

давление на изменение церковных и государственных отношений путём создания отдельного центрального органа исполнительной власти для Церкви также уменьшилось⁹. Были предприняты меры для усиления самостоятельной деятельности Церкви. В этом же году произошли изменения в административно-территориальном составе ЕЛЦФ - епархия Порвоо разделилась на две части – новую епархию Порвоо и епархию Тампере. Особенностью вновь созданной епархии Порвоо (шведское название - Борго) является то, что в её составе были объединены все шведскоязычные приходы Финляндии. Епархия Порвоо до сих пор остается единственной иноязычной епархией ЕЛЦФ, оставаясь при этом в её составе.

Начало Второй мировой войны предъявило новые требования к эффективности и обновлению администрации. Так было и в Церкви. Эвакуация населения и трудности многих церквей вызвали новые финансовые обязательства. Организация общего хозяйства Церкви стала актуальной проблемой. В 1941 г. был создан Центральный церковный фонд – под контролем Совета епископов. Целью фонда была поддержка приходской и хозяйственной жизни в церквях. Создание такого фонда было еще одним шагом для формирования центрального правления Церкви.

На протяжении Зимней войны 1939-1940 гг. и участия Финляндии во второй мировой войне в 1941-1944 гг. Церковь Финляндии полностью поддерживала государственную политику. Большое значение приобрёл институт военного капелланства. Капелланы находились в распоряжении воинских подразделений и оказывали морально-духовную поддержку военнослужащим финской армии. Будущие архиепископы Марти Симойоки и Микко Юва во время войны тоже служили капелланами¹⁰. Их дальнейший карьерный путь ярко показывает, что по окончании Второй мировой войны капелланы не подвергались люстрации. Наоборот, их заслуги были официально признаны на государственном уровне. О значении церкви в военном противостоянии с Советским Союзом свидетельствует также то, что все приходы обеих государственных церквей Финляндии (лютеранской и православной) были награждены орденами, которые и в настоящее время выставлены во многих приходских храмах на видном месте¹¹.

В 1944 г. было сформировано новое Церковное правление. Его структура следовала линии, которую в предыдущие десятилетия проводил епископ Тампере Яакко Гуммерус. Согласно Гуммерусу, духовное руководство и практические дела Церкви должны были разделяться: Церковный собор мог выполнять внешние юридические и экономические функции, но для духовного руководства Церкви необходим орган, в который входили бы епископы и представители епархий. Гуммерус заявлял, что он пытался объеди-

---

⁹ Antila J. Op. cit. S. 24.

¹⁰ Seppo J. Martti Simojoki: I, Kirkonmies ja muuttuva maailma. Helsinki, 2013. S. 237.

¹¹ Балабейкина О.А. Лютеранство в Финляндии: Историческая география и современность // Балтийский регион. 2015. № 4(26). С. 154.

нить епископские, синодальные и административные элементы в центральном правлении Церкви¹². В результате в 1944 г. в Церкви Финляндии были созданы два новых органа: Церковное правление и расширенный Совет епископов. Церковное правление являлось административным и финансовым органом управления Церковью. Оно состояло из председателя - архиепископа Турку, трех депутатов Церковных соборов и трёх избранных мирян. Церковное правление участвовало в составлении бюджета Центрального церковного фонда и в принятии решений о распределении заработной платы и субсидий¹³. Со временем сфера его деятельности расширилась, а количество членов возросло.

Расширенный Совет епископов одновременно был «малым церковным собором» - руководящим органом, который во многих случаях использовал полномочия принятия решений во время его заседаний Церковного собора. На расширенном Собрании епископов также выбирались члены Церковного правления. Кроме того было принято решение об общем церковном имуществе. Эта задача была особенно подчёркнута, когда цели использования этих средств начали всё больше смещаться от помощи церквям с низким уровнем дохода на финансирование деятельности общей церкви. На практике расширенный совет епископов стал фактическим руководящим органом Церкви. Его работа велась под председательством архиепископа Турку, и к тому же он состоял исключительно из членов епископского и церковного соборов.

Таким образом, после учреждения Церковного правления и Расширенного совета епископов полномочия Совета епископов были урезаны, и оставлена была только первоначальная задача собрания: обсуждать вопросы, касающиеся управления епархиями и заботы о них. Он не имел права инициативы на Церковном соборе. Проблема заключалась в том, что члены Совета епископов во многих случаях имели дело с одними и теми же делами в нескольких церковных органах.

По мере усиления централизации управления Церковью статус епархий постепенно менялся, они стали практически промежуточным звеном в системе управления Церковью. С другой стороны, задачи духовной деятельности епархий расширились, а ресурсы увеличились. В послевоенные годы продолжили активно развиваться епархиальные пастырские посты для воскресной школы, работы с молодежью и диаконов. Эти посты финансировались церковными фондами, а государство отвечало за содержание соборных капитулов. Другим важным изменением в епархиальном составе ЕЛЦФ стало создание в 1945 г. епархии Миккиле вместо епархии Выборга, чья территория вошла в состав СССР.

---

¹² Juva M. Op. cit. S. 120.

¹³ Juva M. Op. cit. S. 122.

В соответствии с церковным законом Шаумана духовенство имело право законодательной инициативы на Церковном Соборе через епархиальные собрания, но и миряне нуждались в подобном праве¹⁴. Вопрос о создании Совета мирян был поднят лишь в 1953 г. на епархиальных соборах¹⁵. Миссия епархиального собора состояла в том, чтобы содействовать деятельности Церкви в пределах своей епархии, а также выдвигать свои инициативы и делать иные заявления на Церковном соборе. В то же время было проведено собрание епархии для священников и мирян. Также была организована работа Собрания пробства (меньшего округа), куда привлекли наиболее влиятельных священников приходов. Пробст созывал совещание для планирования мероприятий и, при необходимости, для составления обращения в епархиальный собор. К 1950-м гг. администрация Церкви и епархий имела более обширные органы, чем раньше, некоторые из их функций частично совпадали.

С начала XX в. роль мирян в Церкви неуклонно становилась более значимой¹⁶. Отчасти это было достигнуто путём создания новых церквей. Целью были небольшие, но активные церковные единицы. Первые крупные перемены в приходской администрации были произведены в 1908 г. Затем вступил в силу закон, согласно которому, в соответствии с примером муниципального управления, в состав крупных приходских соборов включали свой Совет мирян и администрацию прихода. Задача приходской администрации состояла в том, чтобы обеспечить выполнение решений Собора и управлять имуществом прихода. В том же году были сняты ограничения на право каждой церкви распоряжаться своим бюджетом. Это ограничение фактически препятствовало разделению крупных городских церквей, но теперь оно было заменено первыми положениями общего хозяйства Церкви. Это привело ко многим особенностям организации прихода, которые с тех пор постоянно развивались. В 1953 г. совместная экономика была частично разрешена во всех приходах. Приход мог являться самостоятельной административной и экономической единицей. Совет мирян и приходская администрация, подчинявшаяся Церковному правлению, постепенно создавались во всё большем количестве церквей.

В 1954 г. наличие данных органов управления стало обязательным для каждой церкви. Все экономические вопросы, которые находились в ведении Церковного собора, были переданы другим руководящим органам, в основном Совету мирян. Только выборы членов Церковного собора и Совета и выборы наиболее важных должностных лиц остались в прерогативе Церковного собора. Совету мирян под председательством vicaria было предоставлено больше компетенций. Количество членов Совета мирян (*valtuusto*) варьировалось от 12 до 40, а в приходских собраниях – от 24 до 72¹⁷. Приходская администрация (*Kirkkohallintokunta*), со своей стороны, стала ведущим

---

¹⁴Kirkkolaki 1869 vuosina § 439.

¹⁵Antila J. Op. cit. S. 20.

¹⁶Ibid. S. 21.

¹⁷Ibidem.

органом финансового управления приходом, на который была возложена финансовая ответственность перед приходским советом (*kirkkoneuvosto*). Приходской совет не только выполнял свои контролирующие обязанности, но и руководил работой диаконии и содействовал миссионерству. Кроме того, он выбирал делегатов из приходского духовенства для участия в собрании пробства, принимал участие в выборах епископа, а также в выборах депутатов в Епархиальную думу и Совет мирян прихода. В целом приходской совет стал основным и ведущим органом приходской деятельности.

Таким образом, основной фундамент организации церковной власти был заложен ещё в 1869 г. законом Шаумана. Верховная и законодательная власть в ЕЛФЦ была закреплена за Церковным собором. Поскольку Церковь нуждалась в органе, который непосредственно занимался бы вопросами управления, контролем епархий и подготовкой повестки заседаний, эти функции стал выполнять Совет епископов, который официально был создан в 1908 г., хотя де-факто существовал и ранее. К 1940-м гг. стало очевидно, что Церкви необходима структура, которая бы осуществляла сугубо административные и финансовые функции. В результате реформы Гуммериуса 1944 г. было сформировано Церковное правление, которому делегировали данные полномочия. Поскольку на момент реформы Церковный собор созывался недостаточно часто (раз в 5 лет) и не мог эффективно решать накопившиеся за это время духовные вопросы, было принято решение учредить Расширенный совет епископов, задачей которого было контролировать работу Церковного правления, решать вопросы веры и управления епархиями в период между созывами соборов.

Так как в Финляндии традиции самоуправления были развиты, то этот фактор также отразился на организации Церкви. В начале 1950-х гг. в связи с ростом демократических тенденций в обществе прихожане пожелали принимать более деятельное участие в жизни Церкви. В результате в 1953 г. в каждом приходе был учреждён Совет мирян, посредством которого представители мирян смогли активно влиять на жизнь своего прихода и участвовать в решении административных задач.

Список литературы:

1. Балабейкина О.А. Лютеранство в Финляндии: Историческая география и современность // Балтийский регион. – 2015. № 4 (26). С. 150—161.
2. Мусаев В.И. Современные конфессиональные проблемы региона специализации. Религия и церковь в странах Северной Европы. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2012. – 288 с.
3. Antila Jaakko Kirkon organisaation muotoutuminen. Unigrafia, Helsinki, 2014.—52 s.
4. Antila Jaakko Suomen luterilainen kirkolliskokous 1974–2011. Unigrafia, Helsinki, 2014. –70 s.
5. Heininen Simo, Heikkilä Markku Suomen kirkkohistoria. Edita, Helsinki, 2017. –288 s.

6. Juva Mikko Suomen kirkkoparlamentti: Suomen kirkolliskokousten historia 1876–1976. Otava, Helsinki, 1976. – 242 s.
7. Malkavaara Mikko Ei etsi omaansa : tutkimuksia altruismista ja yhteisvastuusta. Kirkkopalvelut, Helsinki, 2000. – 328 s.
8. Murtorinne Eino Suomen kirkon historia 4. Sortovuosista nykypäiviin 1900–1990. Porvoo & Helsinki & Juva: WSOY, 1995. – 460 s.
9. Nieminen Heikki-Tapio Piispainkokous. Piispainkokouksen synty, tehtävät ja toiminta 1908–2008. Kirkkohallitus, Helsinki, 2008. – 342 s.
10. Pirinen Kauko Schaumanin kirkkolain synty. Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia 1985 132. Helsinki: SKHS.
11. Seppo Juha Martti Simojoki: I, Kirkonmies ja muuttuva maailma. WSOY, Helsinki, 2013. – 623 s.

Об авторе:

КОВАЛЕВ Анатолий Вадимович – аспирант, исторический факультет, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, (Россия, 150000, г. Ярославль, Которосльная наб., д. 46в), e-mail: tol1995g@yandex.ru

The Evolution of the Administrative Organization of the Evangelical Lutheran Church of Finland from the End of the 19th to the First Half of the 20th Century

A.V. Kovalev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

The article examines the process of formation and development of the management system in the Evangelical Lutheran Church of Finland, the dominant religious denomination in Finland. According to data at the beginning of 2022, its population is 66,5 % of the population of Finland. The article analyzes the main legal acts of the ELFC: the Schauman Law of 1869 and the Law on Freedom of Religion of 1923, describes the processes of formation and transformation of the main authorities in the Church: legislative power (Church Council), executive power (Council of Bishops, and later – Church government), the formation of local church authorities, the emergence of a supervisory body for the Church on the part of the public – the Council of Laity. The author concludes that these events became key in the formation of the management structure of the ELFC.

Keywords: *Evangelical Lutheran Church of Finland, ELFC, Church, Finland, church organization.*

About the author:

KOVALEV Anatoly Vadimovich – the Postgraduate Student, Faculty of History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

(Russia, 150000, Yaroslavl, Kotorosl'naya nab., 46v), e-mail: tolik1995g@yandex.ru

References:

- Balabeykina O.A., *Lutheranism in Finland: Historical geography and modernity*, Baltic region, 2015, № 4(26), P. 150–161.
- Musaev V.I., *Modern confessional problems of the region of specialization. Religion and the Church in the Nordic Countries*, St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State Technical University, 2012. – 288 p.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

УДК 94(470.331)''17''+254.4

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.088–098

Тверские архиереи и духовное образование во второй половине XVIII в. На примере Платона (Левшина)¹

А.В. Крошкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье анализируется роль архиепископа Тверского Платона (Левшина) в деле развития духовного образования в Тверской епархии. Анализ работ дореволюционных и современных авторов подчеркивает всесторонний характер деятельности Платона, уделявшего внимание как учебному процессу, так и материальному положению духовных школ. Близость к императорской семье позволила увеличить штатный оклад и найти средства для строительства нового семинарского здания. Анализ источников личного происхождения позволяет утверждать, что Платон в своих реформах исходил из собственного понимания сути духовного образования, но в частных вопросах был чуток к мнению местного духовенства. В итоге сочетание влияния Платона и таланта организатора позволили существенно усилить позиции духовных школ в Тверской епархии.

Ключевые слова: архиепископ Платон (Левшин), Тверская епархия, синодальный период, духовные школы, духовная семинария, семинаристы.

Один из выдающихся церковных деятелей XVIII в., богослов, философ, Платон (Левшин) на вопрос Екатерины II «Почему он избрал монашескую жизнь?» ответил «По особой любви к просвещению»². Действительно, он с детских лет стремился к знанию и приобрел репутацию сподвижника Екатерины II и Павла I в формировании системы духовного образования. В Тверской епархии он занимал пост архиепископа с 1770-го по 1775 г. и внёс значительный вклад в дела, связанные с организацией духовного образования.

Интерес к личности Платона (Левшина) и его деятельности сохраняется на протяжении нескольких столетий. В многочисленных трудах дореволюционных и современных историков, посвящённых, среди прочего, просветительской и организационно-правовой деятельности Платона, «тверской период» отражен недостаточно полно.

---

¹ Научный руководитель – декан исторического факультета Тверского госуниверситета, заведующая кафедрой отечественной истории, докт. ист. наук, профессор Т.Г. Леонтьева.

² М. Платон Левшин и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина / Отв. редактор и составитель П.В. Калитин. М., 2015 [репринт]. С. 22.

Так, известный трудами по истории духовного образования П.В. Знаменский приводит фрагментарные, но при этом ценные сведения о просветительской деятельности Платона в сане Тверского архиепископа, и при этом его решения рассматриваются в контексте потребностей духовного образования в России³.

Тема продолжается в биографическом очерке Н.В. Лысогорского⁴. В его труде впервые приводятся обобщённые данные о состоянии духовных училищ Тверской епархии при Платоне. Особенно важными являются сведения о создании училища в Бежецке.

В краткой биографии Платона, созданной протоиереем Г.П. Первухиным, содержатся существенные подробности о появлении духовных училищ в Тверской епархии⁵.

В.И. Колосов в процессе изучения Тверской духовной семинарии уделил значительное внимание развитию духовных школ при архиепископе Платоне, но раскрыл более обстоятельно историю семинарии⁶. Отмечая заслуги архиерея в привлечении финансовых средств для семинарии, он довольно сдержанно оценивал его вклад в развитие духовного образования Тверской епархии.

В советской историографии просветительская деятельность митрополита Платона не получила дальнейшего развития. Работы этого периода в основном посвящены биографии иерарха и основаны на трудах дореволюционных исследователей.

В ряде работ А.С. Глазевой, посвящённых в основном церковно-государственной деятельности Платона Левшина, затрагиваются вопросы, связанные с его просветительской деятельностью, которая, как отмечается, во многом способствовала формированию системы российского духовного образования⁷.

В статьях Н.А. Лебедевой и Н.Е. Волковой отражена просветительская деятельность Платона в разные периоды его пастырской службы⁸.

Получается, что просветительская деятельность Платона в сане архиепископа Тверского рассматривалась в работах различных исследователей, но при этом ранее не была предметом отдельного изучения.

---

³ Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.

⁴ Лысогорский Н.В. Московский митрополит Платон Левшин, как противораскольничий деятель. Ростов-на-Дону, 1905.

⁵ Первухин Г.П. О тверских иерархах: [сборник биографий]. Тверь, 1901.

⁶ Колосов В.И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889.

⁷ Глазева А.С. Платон (Левшин), архиепископ Тверской // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. Вып. 1. С. 100–110.

⁸ Лебедева Н.А. Просветительская деятельность Московского митрополита Платона (П.Е. Левшина) в эпоху Российского Просвещения // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 160–168; Волкова Н.Е. Русский просветитель Платон Левшин // Записки тверских краеведов. 2003. № 4. С. 17–24.

При всей значительности личности и деятельности Платона (Левшина) документальных свидетельств сохранилось не много. Между тем даже незначительная источниковая база позволяет более обстоятельно рассмотреть этот вопрос. Прежде всего исследователи обращаются к «Автобиографии» митрополита⁹. В данном случае использована версия текста, приведённая в одном из сборников его сочинений.

Взгляды Платона на развитие духовного образования раскрываются в его письмах к Екатерине II, обер-прокурору Св. Синода С.М. Челищеву, ректору Тверской семинарии архимандриту Арсению (Верецагину), опубликованных в «Полном собрании сочинений Платона (Левшина) Митрополита Московского»¹⁰. Их содержание раскрывается в основной части статьи.

На сегодняшний день велик список опубликованных сочинений и писем Платона, но лишь немногие относятся к его пребыванию во главе Тверской епархии. Просветительская деятельность Платона в рассматриваемый период раскрывается в источниках фрагментарно.

Ко времени назначения Платона в Тверскую епархию духовная семинария действовала уже 31 год, и 2 года действовало училище в г. Кашине¹¹. Семинария была основана в 1739 г. при Митрофане (Слотвинском), около 1751 г. в ней открылся философский класс, а в 1764 г. богословский¹². Размещалась она в заштатном Федоровском монастыре на острове в устье реки Тьмаки. Монастырь пустовал и был приписан к архиерейскому дому. Со временем потребовалось расширение помещений для вновь открытого богословского класса, но в монастыре места не нашлось, и решением епархиального владыки Гавриила (Петрова) занятия перенесли в Желтиков монастырь, расположенный в пяти верстах от города¹³. Подобные меры причиняли много неудобств студентам. Особенно бедственными оказались сезонные затопления монастыря. Ректор семинарии архимандрит Макарий (Петрович) отмечал: «Когда лед идёт, то умножением воды так понимает (так в тексте – *А.К.*) семинарию, что принуждены бурсаки на печь лазить, куда и мыши из нор убираются за ними»¹⁴.

Кашинское духовное училище было открыто при епископе Гаврииле (Петрове) в 1768 г. по просьбе кашинского духовенства¹⁵.

Введенные при Екатерине II штатные оклады гарантировали духовным учебным заведениям стабильные средства из государственного казна-

---

⁹ Автобиография // Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина / Отв. редактор и составитель П.В. Калинин. М., 2015 [репринт].

¹⁰ Полное собрание сочинений Платона (Левшина) митрополита Московского: в 2 т. / Платон (Левшин), митрополит (далее – ПСС Платона (Левшина). СПб., 1913. Т. 1, 2.

¹¹ Колосов В.И. Указ. соч. С. 147.

¹² Знаменский П.В. Указ. соч., С. 451; Колосов В.И. Указ. соч. С. 131.

¹³ Там же. С. 132.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Там же. С. 524.

чейства. Так, на содержание духовных учебных заведений епархии направлялось 816 руб. 93 $\frac{3}{4}$ коп. в год¹⁶. Однако бюджет оказался слишком скудным для организации учебного процесса на должном уровне.

В период служения в Твери Гавриила (Петрова) в Тверской семинарии произошло серьёзное нововведение. Ректор семинарии Макарий (Петрович) распорядился проводить занятия по богословию на русском языке, отойдя от традиционной латыни¹⁷. Подобная практика в тот период не была распространена в духовных школах. Его преемник, архимандрит Арсений (Верещагин), возглавил семинарию с 1768 г. и продолжил обучение на русском языке.

В таком состоянии предстали духовные школы взгляду архиепископа Платона. Тверскую кафедру он занимал с 1770-го по 1775 г., оставаясь при этом архимандритом Свято-Троицкой Сергиевой лавры, членом Святейшего Синода и законоучителем великого князя Павла Петровича. Придворная должность была причиной его постоянного пребывания в Санкт-Петербурге, откуда он и управлял епархией. Лишь дважды архиерей посещал свою паству. Первый раз в 1771 г., по данным автобиографии, он прибыл в Тверь на полгода, хотя в переписке с Екатериной II (письмо от 31 января 1774 г.) упоминается четыре месяца¹⁸. Вторая поездка в 1774–1775 гг. длилась год. В общей сложности Платон пробыл в Тверской епархии не более полутора лет. В остальное время архиепископ отдавал распоряжения через письма. Его доверенным лицом в Твери стал Арсений (Верещагин), архимандрит Отроч монастыря и ректор Тверской семинарии.

Сразу же после возведения в должность Платон начал входить в дела Тверской семинарии. В письме Арсению (Верещагину) от 10 января 1771 г. он обозначил несколько проблем: большое число болеющих семинаристов, отсутствие помещений для проживания учащихся («сожалею, что семинаристы не имеют пристанища, где им жить»), малочисленность классов философии и богословия¹⁹. При этом историк Тверской семинарии В.И. Колосов, опираясь на данные ведомостей посещаемости в конце 1771 г., находил число студентов этих классов «довольно значительным». В классе философии учились 25 студентов, 13 – в классе богословия. К тому же девять человек обучались в семинарии Свято-Троицкой Сергиевой лавры: семеро в классе богословия и двое в классе философии²⁰.

Архиепископ вознамерился поспособствовать развитию духовного образования. Показательна его реакция на предложение губернатора закрыть семинарию. Причины, побудившие губернатора к подобному решению, по всей видимости, связаны с бедственным положением учащихся. Из письма ректору семинарии Арсению (Верещагину) от 24 ноября 1771 г. следует, что Платон отказывался распускать семинаристов, однако допускал в случае

¹⁶ ПСС Платона (Левшина). Т. 2. С. 508.

¹⁷ Колосов В.И. Указ. соч. С. 132.

¹⁸ ПСС Платона (Левшина). С. 509.

¹⁹ Там же. С. 548.

²⁰ Колосов В.И. Указ. соч. С. 154.

упорства со стороны губернатора роспуск «некоторых, которые привозу хлеба себе от родителей иметь не могут, также малолетних». В том же письме он просит ректора поддержать бедствующих семинаристов и выдавать им содержание из семинарской суммы²¹.

Не менее важно стремление архиерея внести изменения в управление духовными школами епархии и стремление ослабить контроль консистории. Согласно резолюции Преосвященного от 8 декабря 1772 г., «главное смотрение над школами поручено» ректору семинарии²². При семинарии создавалось семинарское правление. В.И. Колосов дает позитивную оценку преобразованиям, утверждая, что «семинария при этом освобождалась от лишней и бесполезной зависимости от Консистории»²³.

В деле помощи духовным школам Тверской епархии Платон стремился улучшить их материальное положение. Близость к императорской семье позволила ему обратиться за помощью лично к императрице. В письме к Екатерине II от 23 января 1774 г. он писал: «беру смелость всенижайше просить Ваше Императорское Величество на содержание Тверской семинарии и училищ какую-либо производимой сумме учинить прибавку...»²⁴. При этом владыка не дерзнул указать точную сумму, оставив императрице право утвердить ее самой. Принято считать, что он был первым архиереем, кто лично обратился к Екатерине II с просьбой об увеличении штатного оклада²⁵. Просьба эта была удовлетворена, причём императрица предложила Платону самому назначить требуемую сумму, о чём он писал 31-го января 1774 г. обер-прокурору Св. Синода С.М. Челищеву: «... Ее Императорское Величество всемилостивейше требовать изволит от меня надобную на то сумму назначить...»²⁶. В этом же письме Платон определил увеличить ежегодный оклад на тысячу руб. Сведения об этом расходятся с автобиографией Платона, где автор указывает на увеличение суммы на 1200 руб. – до 2000 соответственно²⁷. Несмотря на это, в работах П.В. Знаменского, В.И. Колосова и Н.В. Лысогорского приводятся сведения о повышении штатного оклада лишь на тысячу руб. Разницу в данных Н.В. Лысогорский объясняет тем, что автобиография была написана спустя много лет после указанных событий²⁸.

Для поддержания малоимущих воспитанников семинарии Платон активно прибегал к закреплению за ними священнических, дьяконских и причетнических мест. До окончания курса ученики получали со своего места

²¹ ПСС Платона (Левшина). С. 552

²² Лысогорский Н.В. Указ. соч. С. 137.

²³ Колосов В.И. Указ. соч. С. 153.

²⁴ ПСС Платона (Левшина). С. 508.

²⁵ Знаменский П.В. Указ. соч. С. 497.

²⁶ ПСС Платона (Левшина). С. 537.

²⁷ М. Платон Левшин и его учено-монашеская школа. С. 40.

²⁸ Лысогорский Н.В. Указ. соч. С. 136.

часть доходов, что позволяло продолжить обучение, а после занимали и саму должность²⁹.

Вопрос о семинарском здании, поднятый Платоном в письме Арсению, требовал от последнего решительных действий. Федоровский монастырь, прежде бывший местом расположения семинарии, был упразднен, в 1773 г. разобрана монастырская церковь. Регулярные затопления привели постройки в аварийное состояние³⁰. Освободившийся кирпич было решено использовать как строительный материал для возведения училищного дома для семинарии в крепости на берегу Волги³¹. Обучение семинаристы продолжали в городском архиерейском доме, где и проживали. Ввиду многочисленности учащихся (до 500 человек) помещений крайне не хватало. Из письма Платона Екатерине II от 1 декабря 1774 г. следует его намерение построить новое семинарское здание³². Будущий учебный корпус ему казалось возможным возвести в крепости возле архиерейского дома у берега Волги. Императрица удовлетворила прошение архиепископа и в 1775 г. выделила на строительство семинарского здания 15 000 рублей³³. Тверскую епархию возглавлял в это время уже преосвященный Арсений (Верецагин). В новый корпус, построенный под руководством губернского архитектора Ф.Ф. Штенгеля, семинарию перевели в 1779 г.³⁴

Заметные изменения произошли при Платоне в педагогической части. Он не поддержал стремление ректора семинарии Арсения (Верецагина) утвердить русский язык в качестве основного и вернул преподавание в семинарии на латыни. В училищах обучение латинскому языку также признавалось обязательным. Ответная реакция оказалась бурной: на имя Платона поступил анонимный «воплъ купеческих и разночинческих малолетних детей»³⁵, содержащий просьбу «науки преподавать на нашем природном российском языке, дабы чрез то родители наши были побуждены отдавать нас в училища»³⁶. Кроме того, послание содержало предложение ввести преподавание физики и натуральной истории³⁷. Авторство текста приписывается историку Д.И. Карманову с согласия Арсения (Верецагина)³⁸. Однако просьба осталась без одобрения преосвященного, который в резолюции писал: «Давно бы могло, есть-ли б только хотело, гражданство завести на собственном своем содержании порядочное преподавание наук природным

²⁹ Колосов В.И. Указ. соч. С. 155.

³⁰ Колосов В.И. Указ. соч. С. 151.

³¹ Волкова Н.Е. Указ. соч. С. 20.

³² ПСС Платона (Левшина). С. 511.

³³ Знаменский П.В. Указ. соч. С. 495.

³⁴ Смирнов Г.К. Здание Тверской духовной семинарии в конце XVIII века // Русская культура. XVIII–XX вв. 2005. № 3. С. 5.

³⁵ Карманов Д.И. Вопль купеческих и разночинческих малолетних детей / Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893. С. 157–160.

³⁶ Там же. С. 158.

³⁷ Там же. С. 159.

³⁸ Колосов В.И. Указ. соч. С. 150.

языком; а для сего потребными учителями семинария, конечно бы, не отрёклась снабдить»³⁹. По всей видимости, сохранение латинского языка Платон связывал с поддержанием престижа духовного образования. Гораздо позднее, в 1805 г., он пояснил свою позицию: «Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-немецки говорить не умеем. Но еще нашу поддерживает честь, что мы говорим по латыни и переписываемся»⁴⁰. Распространение латыни в духовных школах того времени было повсеместным, В.И. Колосов дал скорее негативную оценку преобразованиям, которые выбивались из общей тенденции к утверждению «природного» русского в качестве основного языка обучения⁴¹.

Платон активно использовал сан архимандрита Свято-Троицкой Сергиевой лавры для поощрения малоимущих, но одаренных учеников Тверской семинарии. По данным автобиографии, «поскольку Троицкая семинария состояла в лучшем порядке, то он для усовершенствования послал до 70 тверских учеников в Троицкую; и назначил им там содержание»⁴². В.И. Колосов, а вслед за ним современные исследователи считают численность тверских семинаристов завышенной⁴³. Однако факт обучения как минимум семи тверских студентов в Троицкой семинарии, по данным ведомости конца 1771 г., налицо⁴⁴.

Усилиями Платона расширяется семинарская библиотека. Инициатором ее пополнения стал ректор семинарии Арсений, который в 1772 г. просил архиепископа израсходовать 414 руб. на приобретение книг. Платон без промедления выслал в Тверь книги на латинском и русском языках на 218 руб., распорядившись остальные 195 руб. израсходовать на их переплёт. В списке книг для библиотеки значились «История» Геродота, словарь на шести языках, «Размышления о величии и падении римлян» Монтескье, указы Петра Великого и др. Данные примеры демонстрируют стремление Платона не ограничивать образование исключительно рамками богословских наук. Новые книги по распоряжению преосвященного были доступны для чтения не только учителям, но и ученикам⁴⁵.

Интересовал Платона и досуг учеников. Значительную роль в воспитании он отводил «художествам» (искусству): «науки просвещают мысль, искусства не допускают до душевного расслабления»⁴⁶. Он организовал оркестр с участием семинаристов и устроил театр в семинарской роще. В воспитательных целях семинаристы привлекались к физическому труду (вплоть до уборки сена летом)⁴⁷.

³⁹ Карманов Д.И. Указ. соч. С. 160.

⁴⁰ Глазева А.С. Указ. соч. С. 106.

⁴¹ Колосов В.И. Указ. соч. С. 148.

⁴² М. Платон Левшин и его учено-монашеская школа. С. 40.

⁴³ Глазева А.С. Указ. соч. С. 105.

⁴⁴ Колосов В.И. Указ. соч. С. 154.

⁴⁵ Там же. С. 152.

⁴⁶ Лебедева Н.А. Указ. соч. С. 166–167.

⁴⁷ Волкова Н.Е. Указ. соч. С. 20.

Помимо попечения о семинарии, архиерей заботился и о создании новых духовных училищ в Тверской епархии. «Об учреждении школ немало скучаю», – писал он ректору Арсению (Верецагину) в марте 1772 г.⁴⁸, и в том же году школы открылись в Осташкове и Торжке⁴⁹. Стремление Платона к открытию школ встретило сопротивление местного духовенства, которое ярко проявилось в Торжке, поскольку открывать их предстояло на собственные средства. Представители духовенства под разными предлогами уклонялись от внесения средств. Платону пришлось проявить настойчивость, в итоге училище было открыто, а иные из протестовавших были преданы суду⁵⁰.

Спорным вопросом в научной литературе остается дата возникновения духовного училища в Бежецке. В.И. Колосов и Г.П. Первухин приписывают его создание архиепископу Платону в 1772 г.⁵¹ Однако Н.В. Лысогорский оспаривает данное утверждение, ссылаясь на письма Платона Екатерине II от 1774 г., в которых преосвященный просит об увеличении суммы на содержание духовных школ и строительство нового семинарского здания, но упоминает лишь училища в Кашине, Осташкове и Торжке⁵². П.В. Знаменский датой основания бежецкого училища указывает 1776 г.⁵³ Следовательно, учреждение духовной школы связывается со следующим после Платона архиереем – Арсением (Верецагиным). Другая дата встречается в тексте «Генерального соображения по Тверской губернии», основанного на материалах 1783–1784 гг. В нём подтверждается открытие училища епископом Арсением (Верецагиным) в 1777 г.⁵⁴ Эта же дата указывается на сайте «Архивы Тверской области» в разделе фонда 835⁵⁵. На основании вышеизложенных данных, следует заметить, что вряд ли Бежецкое училище связано с архиерейством Платона. Тем не менее разночтение в работах современных исследователей сохраняется.

Основным вопросом при учреждении новых духовных школ стал поиск средств для их обеспечения. Денег не хватало настолько, что Платону приходилось использовать все доступные ему способы: привлекать монастыри Тверской епархии (Осташковское духовное училище было открыто при Житенном монастыре «в особом деревянном здании», а новоторжское

⁴⁸ ПСС Платона (Левшина). С. 552.

⁴⁹ Знаменский П.В. Указ. соч. С. 524.

⁵⁰ Первухин Г.П. Указ. соч. С. 134–135.

⁵¹ Колосов В.И. Указ. соч. С. 151; Первухин Г.П. Указ. соч. С. 134.

⁵² Лысогорский Н.В. Указ. соч. С. 134–135.

⁵³ Знаменский П.В. Указ. соч. С. 524.

⁵⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 г. Тверь, 1873 г. С. 63.

⁵⁵ Государственный архив Тверской области. Ф. 835 [Электрон. ресурс]. URL: <https://archives.tverreg.ru/infres/-/archive/gato/835>.

при Борисоглебском монастыре⁵⁶). Кроме того, Житенный монастырь снабжал духовную школу дровами, а Нило-Столобенская пустынь должна была платить жалование сторожу училища и выдавать «на починки нужные» до пятнадцати руб. в год⁵⁷.

Ещё одним способом обеспечения духовных школ стали сборы с духовенства. Стоит отметить, что Платон не сразу принял решение о вводе обязательного сбора. Судя по всему, изначально эта идея принадлежала ректору Тверской семинарии Арсению. В ответном письме ректору Платон писал: «определение ваше, коим именно требуете, чтобы положено было с каждого двора по копейке, мне не очень нравится. Довольно было бы требовать от них согласно собственного расположения. Я их не принуждаю»⁵⁸. Так или иначе сборы были введены; к примеру, на содержание осташковского училища в зависимости от чина полагался взнос от 60 до 25 коп.⁵⁹

К делу организации духовных училищ архиепископ Платон старался привлечь и «доброхотных подателей из дворян и мещан»⁶⁰. Одним из способов обратить внимание влиятельных людей на духовное училище было проведение праздничных мероприятий. Так, в Торжке в 1772 г. «в день коронации Ее Величества при новой школе сделали иллюминацию» с приглашением «благородных людей», и «доброхотные подаяния» составили «более осьмидесяти рублев...»⁶¹.

Наконец, преосвященный Платон решился принимать в духовные училища представителей других сословий⁶². Распоряжение об этом встречается в письме Платона Арсению (Верещагину) от 4 октября 1772 г.: «По представлению Новоторжского архимандрита дал я дозволение в той школе обучаться купеческим и разночинцевым детям по желанию их отцов и родственников»⁶³. Это нововведение Платон распорядился распространить и на остальные духовные училища. Для иносословных детей обучение было платным, что увеличивало доход учебного заведения. Кроме того, Арсению рекомендовалось применить те же меры к Тверской семинарии. Стоит при этом отметить, что изначально эта инициатива исходила не от Платона, а от новоторжского духовенства. В общей системе духовных учебных заведений данный подход был уникален, так как нарушал устоявшийся сословный характер духовных школ⁶⁴.

---

⁵⁶ Очерк Осташкова // Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год. С. 126; Малыгин П.Д. Новоторжский во имя святых мучеников Бориса и Глеба мужской монастырь // Православная энциклопедия. Москва, 2018. Т. 51. С. 730.

⁵⁷ Колосов В.И. Указ. соч. С. 153.

⁵⁸ ПСС Платона (Левшина). С. 552–553.

⁵⁹ Лысогорский Н.В. Указ. соч. С. 135.

⁶⁰ Колосов В.И. Указ. соч. С. 153.

⁶¹ ПСС Платона (Левшина). С. 553.

⁶² Колосов В.И. Указ. соч. С. 153.

⁶³ ПСС Платона (Левшина). С. 553.

⁶⁴ Знаменский П.В. Указ. соч. С. 554.

В.И. Колосов предполагал, что подобные шаги (поддержка монастырей, сборы с духовенства, привлечение пожертвований) практиковались и в отношении семинарии. Всё же, несмотря на столь активные действия Платона в поиске средств на содержание духовных училищ, их было недостаточно⁶⁵.

Так или иначе, последовательная деятельность Платона, направленная на укрепление духовного образования в Тверской епархии, принесла свои плоды. Следствием открытия новых учебных заведений стало увеличение общего числа учащихся. По данным писем Платона Екатерине II от 23 января и 1 декабря 1774 г. количество учеников в Тверской семинарии и училищах восходило до 800–1000 человек⁶⁶.

Участие архиепископа Платона в жизни учебных заведений епархии носило всесторонний характер. Наряду с решением административных вопросов, он активно вмешивался в учебную часть, определял внеклассную жизнь учащихся. Характерной чертой Платона в решении проблем духовных школ стало использование административного ресурса: статус и репутация позволили ему лично обратиться к императрице Екатерине II за финансовой поддержкой; сан архимандрита Свято-Троицкой Сергиевой лавры – возможность отправлять в Троицкую семинарию наиболее способных тверских учеников.

Список литературы:

1. Волкова Н.Е. Русский просветитель Платон Левшин // Записки тверских краеведов. 2003. № 4. С. 17–24.
2. Глазева А.С. Платон (Левшин), архиепископ Тверской // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Тверь. 2012. № 1. С. 100–110.
3. Лебедева Н.А. Просветительская деятельность Московского митрополита Платона (П.Е. Левшина) в эпоху Российского Просвещения // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 160–168.
4. Малыгин П.Д. Новоторжский во имя святых мучеников Бориса и Глеба мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51.
5. Смирнов Г.К. Здание Тверской духовной семинарии в конце XVIII века. // Русская культура. XVIII–XX вв. 2005. № 3. С. 3–14.

Об авторе:

КРОШКИН Александр Владимирович – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: sanykr1994@gmail.com

⁶⁵ Колосов В.И. Указ. соч. С. 153–154.

⁶⁶ ПСС Платона (Левшина). С. 508, 511.

Tver Bishops and Spiritual Education in the Second Half of the 18th Century on the Example of Platon (Levshin)

A.V. Kroshkin

Tver State University Tver, Russia

The article analyzes the role of Archbishop of Tver Platon (Levshin) in the development of spiritual education in the Tver diocese. Analysis of the works of pre-revolutionary and modern authors emphasizes the comprehensive nature of Platon's work, who paid attention to both the educational process and the financial situation of theological schools. Closeness to the imperial family made it possible to increase the staff salary and find funds for the construction of a new seminary building. Analysis of sources of personal origin allows us to assert that Platon in his reforms proceeded from his own understanding of the essence of spiritual education, but in private matters he was sensitive to the opinion of the local clergy. As a result, the combination of Platon's influence and his talent of the organizer made it possible to significantly strengthen the position of theological schools in the Tver diocese.

Keywords: *archbishop Platon (Levshin), Tver diocese, Russian church of synodal period, ecclesiastical schools, seminary, seminarians.*

About the author:

KROSHKIN Alexander Vladimirovich, – Post-graduate Student, Department of Russian History, the Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: sanykr1994@gmail.com

References

- Volkova N.E., *Russkiy prosvetitel Platon Levshin*, Zapiski tverskikh kraevedov, 2003, № 4, S. 17–24.
- Glazeva A.S., *Platon (Levshin), arhiepiskop Tverskoy*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2012, Vyp. 1, S. 100–110.
- Lebedeva N.A., *Prosvetitelskaya deyatelnost Moskovskogo mitropolita Platona (P.E. Levshina) v epohu Rossiyskogo Prosvescheniya*, Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv, 2011, № 4, S. 160–168. M., 2018. T. 51.
- Malygin P.D. *Novotorzhsky vo imja svjatich Borisa i Gleba muzhskoy monastir* // Pravoslavnja Encyclopedia.
- Smirnov G.K., *Zdanie Tverskoy duhovnoy seminarii v konce XVIII veka*, Russkaya kultura. XVIII–XX vv., 2005, № 3, S. 3–14.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

Революция достоинства: отношение к женщинам и женскому труду в китайских крестьянских семьях (1900–1950)⁶⁷

Илэй Ли

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва, Россия

Ланьчжоуский университет транспорта, г. Ланьчжоу, КНР

Статья посвящена исследованию влияния социальных реформ на повседневную жизнь китайских сельских жительниц в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Обращается внимание на изменение отношения к женщинам и женскому труду в китайских крестьянских семьях в первой половине XX в. Автор, опираясь на полевые материалы, приходит к выводу о том, что в обстановке военного противостояния сплетение идей конфуцианства с требованием предоставления женщинам большей экономической независимости было идеологической конструкцией, которой позволила сделать успешной революционную практику в сложнейшем политическом, экономическом и социальном контексте. Сельские жительницы не только получили значительную автономию и право принимать решения, но и обрели человеческое достоинство в семейной и социальной сферах.

Ключевые слова: женская повседневность, историческая антропология, устная история, пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся Китая.

В 2007 г. японский китаевед решил поставить вопрос о том, принесли ли десятилетия верности социалистическому учению счастье Китаю?⁶⁸ Продолжая подобные размышления, современные западные исследователи предлагают рассмотреть ту же проблему в ракурсе «женского вопроса»: смог ли китайский социализм «освободить женщин»⁶⁹. Поиски ответа на эти вопросы заставляют обратиться к китайской истории XX в., самым крупным переломным событием в которой была Вторая гражданская война. Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся оказался единственным, который КПК удалось сохранить под своим контролем с середины 1930-х гг. до завершения войны. Выбирая этот район в качестве локуса изучения китайской женской истории, мы поставим задачу проанализировать положение

---

⁶⁷ Научный руководитель – заведующая Центром гендерных исследований ИЭА РАН, докт. ист. наук, профессор Н.Л. Пушкарева.

⁶⁸ *Kutamura M.* Принес ли социализм счастье Китаю? Тайбэй, 2007. С. 140–154.

⁶⁹ *Cheng L.* Women and Class Analysis in the Chinese Land Revolution // *Berkeley Women's Law Journal*. 1988. Vol. 4. Is.1. P. 62.

ние крестьянок с начала XX в. до периода 1930–1940-х гг. Именно в то десятилетие КПК возглавила проведение ряда социальных реформ, приведших к изменениям в повседневной жизни сельских жителей.

Об этих реформах в научной литературе написано немало. Некоторые авторы сосредоточили внимание на верхнем уровне власти, поставив задачей выяснить, как решения, принятые сверху, реализовывались на местах⁷⁰. Другие историки, которые придерживаются подхода, основывающегося на бинарных оппозициях, выносили негативные суждения о женском освободительном движении в Китае⁷¹. Обращение к живой истории Китая того времени, которая может быть реконструирована на основе воспоминаний тех, кто пережил те годы скорых перемен, а также их детей, позволяет усомниться в правоте и тех, кто во главу угла ставил историю государственного вмешательства в жизнь китайянок, и тех, кто был целиком ориентирован на западный феминистский образец⁷².

Целью данного текста является выяснение того, какими были условия жизни сельских жительниц к началу периода реформ. Какие действия предпринимали женщины, столкнувшись с новой политикой, о которой были лишь наслышаны? Каковы были мотивы их социального поведения? Какие чувства они испытывали? Какие последствия имела проведённая политика для бытового положения китайянок в последующие годы? Интервью с жителями на пересечении трёх провинций – Шэньси, Ганьсу, Нинся – дополнены материалами краеведческих записок, газет и других источников, позволяющих выяснить, как задуманные китайскими идеологами мероприятия воспринимались жителями на местах, где семья считалась синонимом стабильности и всегда давала шансы на выживание в условиях социально-политических катаклизмов.

Труд крестьянок в дореволюционном Китае: обесценивание женского экономического вклада и неполноправие в семье

Китай с давних пор был аграрной страной, где сельские труженики составляли большинство его населения. Действительность о том, чем была занята женская часть этого большинства, если обратиться к местным хрони-

---

⁷⁰ Ван Я.Л. Исследование супружеской жизни женщин в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся – с точки зрения отношений между женщинами, браком и революцией: дис. ... канд. ист. наук. Шаньсийский университет, Тайюань, 2016. С. 207–256; Ван И. Выход из семьи и укрепление семьи: эмансипации женщин в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период антияпонской войны (1937–1945 гг.) // Кайфан шидай. 2018. № 4. С. 31–35.

⁷¹ Kay A.J. Women, the Family and Peasant Revolution in China. Chicago, 1983; Stacey J. Patriarchy and Socialist Revolution in China. Berkeley, 1983.

⁷² Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник РУДН. Серия История. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.

кам и результатам наших интервью, окажется не совсем совпадающей с описанием, данным некоторыми учёными⁷³, где женщины были подавлены традиционными ценностями: «мужчины снаружи и женщины внутри» (наньвай нюйнэй), «мужчины пахнут, а женщины ткнут» (наньгэнъ нюйчжи), и их деятельность ограничивалась только выполнением домашних дел, полностью оторванных от сельского хозяйства. На самом деле для женщин из низших сословий общества физическая граница между «мужчины снаружи и женщины внутри» была гибкой и расплывчатой, часто расширяющейся вместе с активностью их тел, и занятия женщин сельским хозяйством на полях возле дома не выходили за рамки внутренней сферы деятельности. Следовательно, за исключением малого числа представителей зажиточных семей, которые могли себе позволить нанимать батраков, большинство сельских жительниц трудились наравне с мужчинами в поле. «... Все женщины работали в поле»⁷⁴. «Мама с маленькими ножками очень ловко работала... Когда пропалывали сорняки, она опиралась на мотыгу; когда жали пшеницу – двигалась на коленях с привязанными наколенниками...»⁷⁵. Вспоминая жизнь в дореформенное время, все информанты сходились в том, что бинтование ног не мешало их матерям выполнять большую часть обязанностей и в поле, и дома.

Нищета, вызванная катаклизмами, ставила женщин в более сложное положение по сравнению с мужчинами. Муж мог бросить жену и уйти работать далеко, родители имели право продать дочерей, чтобы поправить материальное положение семьи. «Когда маме было 6 лет, отец продал ее торговцу людьми, но на новом месте она заболела туберкулезом – тот поспешил избавиться от неё, отправив католикам-испанцам...»⁷⁶. Сколько сил ни отдавали женщины своим семьям, терпя боль от бинтования ног и других ограничений, в конфуцианском патриархальном обществе неравенство социально-половых представлений имело следствием обесценивание женского трудового вклада в экономику семьи. Женский труд в сельском хозяйстве считался легким, а заработанное от продажи изделий, сделанных женскими руками, шло в общий семейный котёл. Права распорядиться заработанным женщины не имели. «У женщин не было собственных денег... Многие из них страдали женскими заболеваниями, но средств на лечение не имели. Даже если у мужа были деньги, он мог не выдать их для лечения...»⁷⁷.

Ещё сложнее, чем добиться средств на собственное лечение, было справиться с традиционными устоями: появление женщин в публичном пространстве вне дома могло осуждаться. Женщины, вынужденные зарабатывать на жизнь из-за жизненных обстоятельств, – сводницы, свахи, колдуньи,

⁷³ Чжоу Л. Конфликт и слияние – изменения в семейной политике КПК во время антияпонской войны // Фунной яньцзю луьцун. 2017. № 3. С. 40–48.

⁷⁴ Продолжение Общей хроники Шэньси. Том 196. С. 46–47.

⁷⁵ Воспоминания LXQ // Авторский архив. 04. 2023.

⁷⁶ Воспоминания LPH // Авторский архив. 04. 2023.

⁷⁷ Воспоминания RLL // Авторский архив. 04. 2023.

содержательницы притонов, знахарки и повивальные бабки – активно перемещались по деревням, но часто подвергались дискриминации со стороны крестьянского мира. «... Едва какая-нибудь женщина начинала часто появляться на ярмарках, ее начинали осуждать, говоря, что она отбросила приличия. Незамужним и молодым невестам вообще принято было оставаться дома»⁷⁸. Многие информантки сравнивали жизнь тогдашнюю и сегодняшнюю: «И не говори, тогда женщины пахали, как кони или быки, мужчины смотрели на них как на низшие существа, о каком вообще достоинстве могла идти речь! Всё-таки именно благодаря правильной политике КПК женщины у нас получили статус»⁷⁹.

Сомнения и согласие: экономическая мобилизация женщин в 1940-х гг.

В 1939 г. КПК приняла ряд законов и положений с целью защитить права женщин и повысить их социальное положение. Однако объявленная новой властью свобода расторжения брака представляла угрозу для традиционной отцовской власти. Возникший хаос в сельском семейном укладе заставил КПК признать факт невозможности быстрого введения новых правил в крестьянской среде, где свободным от прежних условностей женщинам трудно одиночно обеспечить себе средства к существованию. Контролировавшее значительную часть территории страны в январе 1941 г. правительство Го-миньдана начало военную блокаду и экономическую изоляцию пограничного района, что привело к экстремальным трудностям в финансово-экономической сфере и сделало женщин потенциальными объектами военной мобилизации наравне с ушедшими ранее на фронт мужчинами.

Оценив крайнюю необходимость использования женской рабочей силы, 26 февраля 1943 г. КПК принял «Постановление о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах»⁸⁰. С этого момента фокус работы КПК среди женщин пограничного района изменился: попытки военной мобилизации женского населения сменились развернутой работой, акцентировавшей важность семейного благополучия и участия женщин в общественном производстве.

Население рассматриваемых нами северо-западных провинций длительное время имело весьма ограниченные контакты с внешним миром. Даже когда по стране запылала война, жителям не приходилось страдать от атак японских войск, и крестьяне могли поддерживать родственные связи, ориентируясь на традицию и обычное право. Поэтому реализация по-

⁷⁸ Воспоминания HYZ // Авторский архив. 04. 2023.

⁷⁹ Воспоминания MXQ // Авторский архив. 04. 2023.

⁸⁰ Постановление ЦК КПК о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах / Под ред. Исследовательского отдела истории женского движения Всекитайской федерации женщин. Исторические материалы о китайском женском движении (1937–1945). Пекин, 1991. С. 648.

литической идеи об экономической мобилизации женщин путём их привлечения к труду в прядильно-ткацком производстве столкнулась с серьёзными трудностями.

Опрос, проведённый в южном округе Яньаня, показал, что более двух тысяч женщин из округа энтузиазма не проявили. «Правительство выдвинуло лозунг развития женского прядильно-ткацкого производства, население откликнулось на этот призыв, формально организовав прядильно-ткацкие группы...». Мобилизацию в прядильно-ткацкие группы они считали обременением и «стремились уклониться от участия». Беспокойство женщин вызывали внеэкономические методы принуждения к этому труду и неопределённость сроков подобной мобилизации («не зависимо от того, свободны мы или нет, нам придется прясть в будущем»)⁸¹.

Вводившие обязательность женского участия в мобилизационных мероприятиях органы власти опирались в своих действиях на установки традиционной культуры с рядом важных конфуцианских оснований. Среди них – концепты «идеального общества единения» (общества Датун), «жертвоания богатыми бедным во имя уравнивания» (Цзюнь пинь фу). Но, чтобы осуществить задуманную программу мобилизации женщин, властям нужно было умело сплести эти концепты с экономическими формами мобилизации, чтобы у женщин возникла заинтересованность в их труде, видимые материальные выгоды. «... Мама согласилась присоединиться к прядильно-ткацкому кооперативу, поскольку он давал участницам по несколько цзиней (1 цзинь = 500 гр) хлопка» за вложенный труд⁸². Включение в состав прядильно-ткацкого кооператива могло существенно повысить уровень семейного благосостояния, поскольку «обычно из 1 цзиня хлопка выходило до 16 лян (1 лян = 1/16 цзиня) нити, из них половина оставалась кооперативу, а другая половина могла быть обменена на готовую ткань или зерно»⁸³. Помимо материальных стимулов, участие в прядильно-ткацких группах привлекало женщин условиями труда: «Можно было прясть нить прямо на печке (кане), не ходя долгий путь пешком в поле»⁸⁴. По сравнению с ранним периодом создания в КНР «народных коммун», правительство пограничного района не осуществляло принудительного требования от женщин заниматься коллективным трудом в текстильных фабриках. Вместо этого в основном позволяли им заниматься прядильно-ткацким производством в семейных условиях, что давало женщинам значительную свободу выбора.

Примеры семей, улучшивших своё материальное положение путём включения женщин в прядильно-ткацкие группы, имели огромный демонстрационный эффект, немедленно став для соседей образцами для подражания. И если в 1943 г. было 137 тыс. участниц таких групп, то в 1946 г. их

⁸¹ Мо Ай Страница истории развития женского прядения и ткачества // Цзефан жибао. 28 февраля. 1943. С. 4.

⁸² Воспоминания RLL // Авторский архив. 04. 2023.

⁸³ Воспоминания MXQ // Авторский архив. 04. 2023.

⁸⁴ Лю Юйжу Как Ян, глава 1-ого сяна 1-ого цюя уезда Чуньяо, мобилизовал женщин на прядение и ткачество? // Цзефан жибао. 5 ноября. 1943. С. 2.

число выросло до 160 тыс. Годовой объём производства тканей этими женскими кооперативами стал удовлетворять треть потребностей военнослужащих и жителей района в тканях⁸⁵.

И хотя первоначальной целью политики КПК было преодоление трудностей военного времени, реализация задуманной программы создания прядельно-ткацких групп показала мобилизационный потенциал концептов традиционной религии, усиленных экономической мотивацией. Причём далеко не всегда выполнение дополнительных работ для кооператива следовало принципам «экономической рациональности»⁸⁶; выполнявшими труд женщинами руководили и высокие идеалы взаимопомощи, осознания себя делающими самостоятельный выбор личностями, чувством гордости и человеческого достоинства. Этой общепризнанной ценности у женщин в сельской местности никогда ранее не было. «... Мама напряла за год столько, что наша жизнь улучшилась, мы стали кушать лучше, буквально разогнули спины. И люди заговорили, что в семье Хэ жена посильнее многих мужчин! Мама гордилась тем, что о ней так говорят. “Дерево живет корой, а человек – лицом”. Что такое это лицо? Это же достоинство!»⁸⁷

«Мяньцзы» (т. е. лицо) для китайской культуры имело расширительное значение, под ним разумелась не только оценка социальной группой внешней индивидуальности, но и уважение личности в глазах окружающих. Поэтому социальную практику китайской революции в отношении женщин можно назвать *революцией достоинства* – новым словом в отношении самоуважения женской личности, ее ценности, ставшей основой для формирования женского правосознания. Эмоциональная сила оказалась необходимым внутренним условием для преобразования радикальных идей и образов (в том числе коммунизма) в целенаправленные и успешные практические действия, опора на готовность следовать новым идеям, эмоциональную поддержку их огромным большинством китайок часть западных ученых и считает отгадкой тайны успехов КПК «в проведении классовой мобилизации»⁸⁸.

В обращениях к женщинам КПК упорно формировала особый эмоциональный режим, в котором значимыми категориями были темы равенства женщин и мужчин, экономической независимости женщин. Следуя призыву, сельские жительницы, считавшие ранее своим пространством лишь дом и домашнюю сферу, стали самореализовываться вне домашних стен. «... Нет ничего плохого в том, что женщина сама зарабатывает... тогда и

---

⁸⁵ Женские федерации провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся. Отчет об основных событиях женского движения в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Внутреннее материалы, 1987. С. 148.

⁸⁶ Popkin S.L. The Rational Peasant: The Political Economy of Rural Society in Vietnam. Berkeley, 1979.

⁸⁷ Воспоминания НУЗ // Авторский архив. 04. 2023.

⁸⁸ Перри Э.Дж. Возвращение к китайской революции: эмоциональная модель // Китайская наука. Пекин, 2001. № 4. С. 97–121.

другие люди не смогут её дискриминировать»⁸⁹. «В прошлом женщины даже стеснялись разговаривать с мужчинами, когда работали в поле, а коли увидели приближающегося мужчину – прятались. В кооперативах они стали свободно общаться с людьми другого пола»⁹⁰.

***

Таким образом, в экстремальных условиях войны КПК представила труд представительниц мелких крестьянских хозяйств эффективным и востребованным звеном общественного производства, придала труду прявших и ткавших не только видимую экономическую ценность, но и политическое значение, а в определённой степени даже способствовала большему равенству в распределении труда. Она ввела в общественный дискурс новые понятия – «освобождение женщин», «равенство женщин с мужчинами», «независимость и самостоятельность женщин», а с ними крестьянки, никогда никаких прав и никакой субъектности не имевшие, обрели статус членов нового общества, а с ним – ощущение человеческого достоинства в семейной и социальной сферах, значительную автономию и право принимать решения..

Список литературы:

1. Перри Э. Дж. Возвращение к китайской революции: эмоциональная модель // Китайская наука. Пекин, 2001. № 4. С. 97–121.
2. Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник РУДН. Серия История. 2019. Том 18. № 2. С. 214–245.

Об авторе:

ЛИ Илэй – аспирант, ИЭА РАН (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а), старший преподаватель Ланьчжоуского университета транспорта (КНР, 730070, г. Ланьчжоу, пров. Ганьсу, проспект Аньнинси, 88), e-mail: liyilei1212@gmail.com

Revolution of Dignity: Attitudes Towards Women and Female Labor in Chinese Peasant Families (1900–1950)

Yilei Li

Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian
Academy of Sciences, *Moscow, Russia*

Lanzhou Jiaotong University, School of International Education,
Lanzhou, China

⁸⁹ Воспоминания RLL // Авторский архив. 04. 2023.

⁹⁰ Воспоминания MXQ // Авторский архив. 04. 2023.

The article is dedicated to the study of the impact of social reforms on the daily lives of rural Chinese women in the border region of Shaanxi-Gansu-Ningxia during the first half of the 20th century. It focuses on the changes in attitudes towards women and female labor in Chinese peasant families. Based on field materials, the author concludes that in the context of military confrontation, the intertwining of Confucian ideas with the demand for greater economic independence for women was an ideological construct that allowed for the successful implementation of revolutionary practices in a complex political, economic, and social context. Peasant women not only gained significant autonomy and the right to make decisions, but also acquired human dignity in family and social spheres.

Keywords: *women's daily life, historical anthropology, oral history, Shaanxi-Gansu-Ningxia border region of China.*

About the author:

LI Yilei – PhD student, the Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a), senior lecturer at Lanzhou Jiaotong University (730070, China, Lanzhou, Gansu Province, An'ningsi Avenue, 88), e-mail: liyilei1212@gmail.com

References

- Perry E.J. *Chongfan zhongguo geming: yi qinggan de moshi* // *zhongguo xueshu*. Beijing: Shangwu yinshuguan. 2001. № 4. S. 97–121.
- Pushkareva N.L. *Evristsheskaia tsennost' avtobiografii dlia genderologa: sopostavliaia teoreticheskie itogi rossiiskikh i zarubezhnykh avtobiograficheskikh issledovani* // *Vestnik RUDN. Seriya Istoriia*. 2019. Tom 18. № 2. S. 214-245.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК 94.47(571.54)084.5+294.3

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.107–116

Агентурная работа ОГПУ в буддийских общинах в Советской России в 1920-е годы

А.В. Сипейкин

Негосударственное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет “Синергия”»,
г. Москва, Россия

В современной историографии история буддийского обновленческого движения является одной из наиболее популярных тем, однако история «нирванистского», «тарабаевского» и прочих менее известных направлений в буддийской Сангхе не изучена достаточно полно. Между тем сравнение истории этих движений позволяет по-новому взглянуть на историю буддийских общин в советской России. Анализ информационных документов ОГПУ позволяет выявить ключевую роль советских органов безопасности в создании различных разделений внутри буддийских общин. «Обновленческое», «нирванистское» и прочие течения внутри буддийской Сангхи не могли бы существовать без постоянной поддержки со стороны ОГПУ. Поддержка этих движений со стороны рядовых верующих была минимальной.

Ключевые слова: советская антирелигиозная политика, обновленческое движение, «нирванисты», Агван Доржиев.

В 1920-е гг. после создания Государственного политического управления происходит объединение функций органов государственной безопасности и органов внутренних дел. Современные исследователи истории буддизма в раннесоветский период отмечают активную роль ОГПУ в проведении советской антирелигиозной политики. Органы безопасности в 1920-е гг. ведут контроль за перепиской лидеров буддийской общины, проводят вербовку осведомителей среди духовенства, стараются нейтрализовать наиболее влиятельных буддийских священнослужителей (лекарей – эмчи и астрологов – зурхачи)¹. Пошедшие на контакт с чекистами буддийские священнослужители хотели не только сохранить своё влияние на верующих, но и «сохраниться как законный общественный институт» через сближение с руководством партии. Между тем сами представители власти рассматривали

---

¹ Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста, 2007. С. 113–114, 132.

свою поддержку обновленческого движения лишь как способ внести раскол в ряды буддийского духовенства². Так, на заседании Бурят-монгольского Областного Комитета РКП от 25 августа 1924 было принято решение оказать поддержку обновленчеству, «но вместе с тем не допускать чрезмерного его усиления и укрепления, принимая все меры к компрометации буддийского духовенства и религии в целом безотносительно к тому или иному направлению»³.

Для сближения с властью и интеграции в новое общество на условиях сохранения своей веры буддисты пытались создать собственные организации вроде «комитета для сближения с буддийским востоком» в Петрограде (его создавали представители петроградской буддийской общины и ведущие русские востоковеды). Среди задач предполагаемого комитета было «содействие к сближению в культурно-просветительской области России с буддийскими народами». Однако у власти подобные попытки вызывали лишь настороженность. Восточный отдел Государственного политического управления Петроградского округа в ответ на эти попытки «сближения» решил установить наблюдение за деятельностью буддийского храма и существующей при нём общины в Петрограде⁴.

Взятый на вооружение некоторыми современными историками нарратив об эпохе «золотого века буддизма» в советской России 1920-х гг. отчасти опирался на факты, свидетельствующие о сравнительно благожелательном отношении власти к буддийской Сангхе. Как доказывал лидер буддийских обновленцев, «если мы сравним жизнь при царском режиме и при советской власти, то станет очевидным, что нам дана необычайная религиозная свобода»⁵. А. Доржиев писал даже, что «Советский Союз стал предметом всеобщего удивления и восторга»⁶. Но мотивы такой благожелательности власти А. Доржиев и другие обновленцы либо не понимали, либо не решались озвучить свои мысли по этому поводу в публичном дискурсе.

Начиная с 1925 года разворачивается непримиримая борьба против буддийских общин⁷, в которой можно выделить несколько основных аспектов, связанных со стремлением подорвать авторитет буддизма в глазах верующих, желанием власти подорвать экономическую базу общины, прекратить воспроизводство знаний о буддизме в новых поколениях калмыков и

---

² Басхаев А.Н. Указ. соч. С. 120, 132.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 777. Л. 57.

⁴ Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–2.

⁵ Успенский В.Л. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году. // Mongolica. 2021. Т. 24. № 2. С. 52–57.

⁶ Бакаева Э.П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей конфессиональной школы Чойра в Калмыкии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (12). С. 10.

⁷ Синицын Ф.Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013. С. 38.

бурят, а также со стремлением нанести сокрушительный удар по организационной структуре религиозной общины. При этом власть не отказалась от прежних методов, с успехом апробированных в начальный период «религиозного НЭПа» – внесения раскола в ряды верующих. И одновременно с этим делались попытки искусственно создать новые оппозиционные движения внутри Сангхи. Причём это была долгосрочная стратегия, принятая на вооружение ещё в самом начале существования обновленческого раскола в Сангхе, когда работники ОГПУ поставили себе задачу спровоцировать новые расколы внутри уже образовавшихся при их поддержке движений, в первую очередь имеющих большую поддержку населения и потому более опасных консерваторов. Как считал сотрудник Восточного отдела ОГПУ Петросьян, следовало «вести дальнейшую работу по углублению раскола среди консервативного ламства, поставив себе целью раскалывать консерваторов на более мелкие группы, этим самым убивать в зародыше всякие их потуги к организационному укреплению»⁸.

В буддийских общинах действовала разветвлённая сеть осведомителей и «специальных агентов». Они позволяли осуществлять постоянное наблюдение за деятельностью буддийских священников, особенно наиболее авторитетных⁹. Через своих агентов ОГПУ вёл активную работу внутри буддийских монастырей, соответствующую принципу «разделяй и властвуй». Кроме хорошо изученного в современной историографии обновленческого движения, под влиянием агентов советских органов безопасности возникает целый ряд других течений внутри буддийской Сангхи.

В 1926 г. работниками органов безопасности Бурят-Монгольской республики по указанию Восточного отдела ОГПУ создаётся «независимая группа» лам «нирванистов». В написанной в феврале 1929 г. докладной записке местные работники ОГПУ откровенно признавали, что «основной целью организации этой группы было создание раскола консервативного духовенства на две группы». При создании этой группы чекисты «исходили из того, что по возможности нужно раздробить ламство на ряд групп и что для дезорганизации ламства недостаточен раскол последнего на обновленцев и консерваторов, а нужно и самих консерваторов разбить на две группы, создав среди них «левое» крыло». Поскольку «нирванисты» должны были представлять «третью силу», отличную как от консерваторов, так и от обновленцев, в программе и уставе этой группы были поставлены «совершенно другие задачи»: «изучение по первоисточникам истинных путей к «нирване», открытая критика «разных обрядностей, существующих в культе ламаизма, разоблачение перед верующей массой надувательских и шарлатанских приемов, употребляемых ламством с целью наживы, отрицание

---

⁸ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 162. Л. 51–69.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1509. Л. 29–30.

культы хубилганства, гуртанства и иерархического деления ламства по искусственно – созданным почетным званиям и должностям»¹⁰. Представители направления «нирванистов» (иногда в документах ОГПУ они называются «нирвановцами») пытались добиться «усиления связи и влияния среди религиозного населения». Этого они добивались, организуя доклады и диспуты, которые должны были «посвятить массу в сущность... буддийской философии». Также они планировали заняться пропагандой религиозных идей на монгольском языке через издание книг, брошюр и листовок¹¹.

Власть сумела добиться того, что из числа консерваторов в новосозданную группу к началу 1929 г. перешло около 100 лам из Анинского дацана. Причём сами работники ОГПУ отмечали, что группа «нирванистов» «существует только на бумаге, она по своей практической работе не отличается от остальных консерваторов». При этом сами «нирванисты» «в большинстве своём рассматривают свою группу, как приспособленчество и как ширму для прикрытия их действительного (консервативного) лица». Власть подозревали, что представители этого искусственно созданного течения «выдвигая на бумаге «левые» фразы сумеют вовлечь массу в свою сторону для борьбы с обновленцами». «Идейных, действительно «по душе» разделяющих задачи группы» работники ОГПУ насчитывали всего 10–15 человек. Малочисленности течения способствовало то, что ранее состоявшие в группе миряне были из него исключены. Причём организационному укреплению созданной группы и расширению влияния «нирванистов» на другие дацаны препятствовали директивы того же Восточного отдела ОГПУ, по инициативе которого эта группа была создана. Поэтому местные органы безопасности ограничились лишь выявлением лиц, сочувствующих идеям «нирванистов» в других дацанах Бурятии, не переходя к организации раскола в пределах Бурятии в целом¹². К сожалению, сами директивны Восточного Отдела, связанные с организацией течения «нирванистов», проанализировать пока не удалось. Возможно, что на ситуацию повлияло изменение международной обстановки. Можно предположить, что в Восточном отделе поняли, что наступило время для более решительных мер в борьбе с буддизмом, и удар нужно наносить теперь по всем течениям в буддизме одновременно. С этим и было связано то, что работу по развитию «нирванизма» поставили «на паузу». Изначально созданием группы «нирванистов» власть явно пыталась добиться решения одновременно двух задач: ослабить более сильную группировку «консерваторов» и, поощряя критику «нирванистами» «шарлатанства» лам, дать дополнительный материал для антирелигиозной агитации. Однако изменившиеся обстоятельства заставили оставить новое течение в «спящем» состоянии.

Переход группы «нирванистов» в более активное состояние признавался возможным лишь при условии, что органам безопасности удастся

¹⁰ Там же. Оп. 7. Д. 412. Л. 38.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 162. Л. 98–116.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 39–40.

«обеспечить группу достаточным квалифицированным осведомлением», что должно было обеспечить «полное влияние» и возможность направлять «ее работу по нужному для нас пути». Особо оговаривалось, что существующие между разными течениями «догматические и обрядовые расхождения... необходимо углублять всё больше и больше, лишая этим возможности расти примиренческим тенденциям». Вредным признавалось чрезмерное организационное укрепление «нирванистов» и рост этой группы свыше определённого лимита, полезного «для разложения ламства». Проведение этих мероприятий, связанных с активизацией «нирванистов», должно было «углубить раскол ламства и привести к установлению такого «равновесия» сил, которое даст возможность довести внутреннюю борьбу ламства до максимальных пределов и тем добиться ослабления и разложения ламства, как активной реакционной силы»¹³.

В Агинском дацане работники органов безопасности попытались углубить существующие внутри общины разногласия и спровоцировать новый раскол между так называемыми «доромбистами», т. е. ламами с высоким учёным званием, и «габжинарами» – «ламами, которым предстояло получить звание «габжи». Разногласия были связаны с порядком получения ламами этого звания после определённого срока пребывания в дацане. «Доромбисты» настаивали на том, чтобы «звание «габжи» получал тот, который действительно подготовлен и заслуживает звания «габжи», и чтобы посвящение в «габжи» производилось по экзамену. Недовольство изменением правил власти попытались использовать для организации нового оппозиционного течения. В докладе работников ОГПУ отмечено, что «приняты меры к углублению этого раздора»¹⁴.

От тактики внесения раскола в буддийские общины советская власть не отказывалась и в разгар репрессий против духовенства в 1930-е гг. Так, летом 1933 г. в дацанах Хоринского района Бурят-Монгольской республики работники ОГПУ с удовлетворением обнаружили «отдельные тенденции раздора среди ламства на почве внутридацанских религиозных вопросов». Разногласия возникли на почве недовольства разделением средств, полученных в ходе проведения молебна «Джуднар», которые достались только наиболее авторитетным ламам, непосредственно задействованным в проведении церемонии. Тенденции к разделению были своевременно «поддержаны и приняты агентурные мероприятия к их дальнейшему углублению с расчётом вовлечения в это дело возможно широкий круг ламской массы и, тем самым, введения элементов внутренней дезорганизации рядов ламства этих двух дацанов», которые являлись основными «командными» дацанами района. Работникам ОГПУ удалось добиться того, что разногласия между буддистами Хоринского района «переросли в крупнейший раздор, в который втянулось всё ламство этих двух дацанов, расколовшись на два враждующих лагеря: «джуднары» и «противо-джуднары». Организаторы раскола

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 63–63 об.

¹⁴ Там же. Л. 44.

надеялись, что с его помощью они добьются «самозакрытия» дацанов. Также местные работники ОГПУ надеялись на то, что сумеют с помощью внесённой в общину смуты добиться дискредитации Сангхи как таковой и были готовы даже дать противоборствующим сторонам возможность опубликовать свою точку зрения в местной прессе. Правда, судя по сделанным на информационном документе надписям, последнее предложение не встретило понимания в центральных органах ОГПУ. Гораздо более удачной была выдвинутая местными работниками идея «организовать массовый организованный отказ молодых лам от сана через объявление в газете с разоблачением ламства». Власти надеялись, что это будет иметь «опустошающее значение для дацанов». Согласно сделанным работниками местного ОГПУ подсчётам, в Анинском дацане было всего около 100 лам. Из них, как надеялись представители силовых органов, человек 65–70 могли отречься от монашеского служения. Остальные 30–40 из верхушки были «почти все замешаны в антисоветской агитации и прочих делах». К тому же из оставшихся после ухода «молодых» лам 30–40 монахов 30–40 % «глубоких стариков, которые оставшись одни будут равняться нулю». Аналогичной, по оценке местного ОГПУ, была и ситуация в Кижинкинском дацане. Как считали работники органов безопасности, «не будет риском, если встанем на путь использования молодых выходцев организованным порядком на лесозаготовках, дорожном строительстве и т. д., а антисоветскую головку на основе имеющихся материалов, подвергнуть изоляции». Успех этих мероприятий был возможен, разумеется, при условии их проведения «с максимальной продуманностью» и с использованием «целого ряда умелых комбинаций чисто агентурного порядка»¹⁵. Таким образом, сам факт возникновения всё новых и новых расколов среди буддистов, несомненно, облегчал процесс закрытия монастырей и к тому же давал дополнительный ценный материал, который можно было использовать для атеистической пропаганды.

Между тем информационные документы ОГПУ позволяют предположить, что в целом возникшие в буддийской Сангхе расколы носили во-многом искусственный характер. Так, в докладе, посвящённом положению ламства в 1932 г., работники ОГПУ с огорчением отмечали, что «раскол среди ламства на обновленцев и консерваторов фактически стёрся. Кое-где (Цугольский, Кеженгинский дацаны) номинально деление на обновленцев и консерваторов остается. Однако никакой реальной почвы под этим нет, та и другая сторона забросили религиозную борьбу. Основная причина существования таких групп боязнь, что власть отнесётся отрицательно к объединению»¹⁶. И действительно, раскол сохранялся лишь потому, что власть своевременно пресекала любые попытки членов буддийской Сангхи найти общий язык. В её планах было уничтожение религиозной общины как таковой. Это было сделать гораздо проще, если сохранить её разделённой на враждующие фракции. Так, работниками ОГПУ предпринимаются меры,

---

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1509. Л. 56–59.

¹⁶ Там же. Л. 87.

направленные на то, чтобы расстроенные передачей дуганов «консерваторам» обновленцы снова воспряли духом¹⁷. В информационных документах ОГПУ откровенно признаётся, что предпринимаемые «организационно-агентурные мероприятия... направлены к разложению ламства Бурятии, как единого целого на отдельные группы, враждующие между собой и тем самым дезорганизуя ламство»¹⁸. В тех случаях, когда намечалась перспектива примирения противоборствующих группировок, органы безопасности своевременно принимали «меры к углублению раздора»¹⁹.

Без вмешательства со стороны советской власти достаточно быстро преодолевался и другой спровоцированный органами безопасности раскол – между «старыми» и «молодыми» консерваторами. Это было связано с тем, что разделение оказалось недостаточно глубоким, так как возникло в связи с тем, что представители старшего поколения буддийских священников во главе с Гармаевым не могли добиться от власти решения о передаче им молитвенных сооружений. Как только вопрос о дуганах разрешался в пользу консерваторов, существовавшие разногласия переставали быть актуальными, и раскол мог сойти на нет. Чтобы предотвратить такое развитие событий, сотрудники органов безопасности старались передавать молитвенные здания в руки именно «молодых» консерваторов, возглавляемых Тарабаевым, и предпринимали меры к тому, чтобы спровоцированный ими конфликт не затухал. По указанию работников ОГПУ «молодые» консерваторы рассылали по дацанам воззвания. На собрании «молодых» лам было принято постановление о том, что «старые» консерваторы – «обманщики, реакционеры», «необходимо ликвидировать деления на больших и малых по духовным званиям, вместо существующей структуры Управления духовенством надо учредить Институт ученых, который будет вести всей духовной деятельностью ламства». Всё это должно было подготовить «почву к образованию двух непримиримых друг с другом групп в лагере консерваторов». Однако проблема заключалась в том, что данному расколу не хватало социальной базы. В глазах основной части верующих «старые» ламы – консерваторы продолжали пользоваться авторитетом, рядовые буддисты осуждали «глупость» молодёжи в рядах священнослужителей. Большинство верующих поддерживали авторитетных «старых» священников. В документах фиксируются высказывания рядовых буддистов о том, что «наша молодежь, выпуская обращение против своих учителей, допустила большую ошибку. Это большой и непоправимый грех. Наш учитель Гармаев ни в чем не виновен. Мы должны его защитить. Его надо вторично избрать ширетум дацана, этого он заслуживает». «Комсомольские» методы борьбы вроде подбрасывания испражнений в дом лидера консерваторов Гармаева в борьбе за души верующих помогали мало. Равно как и наклеивание на его жилище анони-

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 28–29.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 43–44.

мок вроде процитированной в информационном документе ОГПУ: «Ты, высокошапочный посетитель нашего дугана, прекрати свое посещение, если желаешь участвовать в хурале, то на равных с нами правах»²⁰. Такими методами можно было лишь запугать малодушных, но они не могли поколебать сложившиеся убеждения лидера традиционного крыла Сангхи. Чтобы усилить позиции «молодых», работники органов безопасности пытались «изолировать мирянскую массу от групповой борьбы... ламства»²¹. Предпринимались также попытки распространить данный раскол за пределы Агинского дацана. В частности, власти спровоцировали конфликт между «старыми» и «молодыми» консерваторами в Ново-Челутайском дугане²².

Но по мере ужесточения антибуддийской политики власти необходимость объединения становилась всё более очевидной. Как отмечается в информационных документах 1930-х гг., «ламы которые 2–3 года тому назад в пылу межгрупповой борьбы были готовы всячески очернить друг друга, теперь эти расхождения в толковании основных догматических положений буддизма... отодвинули совершенно на задний план». Теперь они были «увлечены» не «межгрупповой борьбой», а «борьбой против общего врага». Причём, как отмечают авторы специальной сводки, «консолидация ламства, как активной контрреволюционной силы произошла на платформе сторонников т. н. консервативного течения»²³. Представляется, что одной из основных причин того, что объединение происходило именно на платформе консерваторов, сыграл тот факт, что именно они пользовались безоговорочной поддержкой большинства верующих.

Таким образом, анализ информационных документов показывает, что само разделение внутри буддийской общины на обновленцев и консерваторов, «молодых» и «старых», «нирванистов» и т.д. имело во многом искусственный характер. Власти внимательно изучали существующие среди верующих течения, фиксировали все возникавшие разногласия и старались раздуть любую искру, разжечь костёр конфликта, провоцируя новые расколы внутри Сангхи. Но условием существования этих разделений было постоянное воздействие на общину через внедрённых в неё агентов. Причём механизмы этих воздействий, очевидно, мало чем отличались от тех, которые использовались для внедрения раскола в Русской Православной церкви, мусульманской Умме и протестантских конгрегациях. Были похожи и проблемы, которые встали перед организаторами расколов в Православной церкви и Сангхе. Они были связаны, в первую очередь, с тем, что искусственно созданные расколы не имели достаточной социальной базы. Основная масса верующих не поддерживала сторонников радикальных реформ.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 17, 28, 43.

²¹ Там же. Л. 30.

²² Там же. Л. 66.

²³ Там же. Оп. 11. Д. 1509. Л. 11.

Список литературы:

1. Бакаева Э.П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей конфессиональной школы Чойра в Калмыкии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (12). С. 7 – 14.
2. Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007.
3. Синицын Ф.Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013.
4. Успенский В.Л. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году // Mongolica. 2021. Т. 24. № 2. С. 52–57.

Об авторе:

СИПЕЙКИН Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных наук, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1), e-mail: sipeykin@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-3235-0297

Secret-service activities in Buddhist communities in Soviet Russia in 1920-s

A.V. Sipeykin

Moscow University of Industry and Finance «Synergy», *Moscow, Russia*

The history of the Buddhist renovationists is one of the most popular themes in the modern historiography, but the history of ‘nirvanists’, ‘tarabaevtsy’ and other less influential movements inside the Buddhist Sangha has not been studied completely. Meanwhile, the comparison between these movements can shed light on several important aspects of the history of the Buddhist communities in Soviet Russia. The analysis of documents of the OGPU reveals the great significance of the influence of the Soviet secret services in creating different divisions among Buddhist communities. ‘Renovationists’, ‘nirvanists’, and other groups inside the Sangha couldn’t even exist without continuous support of the OGPU. Their support from the grassroots was minuscule.

Keywords: Soviet antireligious policy, renovationist movement, ‘nirvanists’, Agvan Dorjiev.

About the author:

SIPEYKIN Alexander Viktorovich – Candidate of History, Associate Professor, Department of Fundamental Legal and Social Sciences and Humanities, Moscow Financial and Industrial University «Synergy» (Russia, 129090, Moscow, Meshchanskaya St., 9/14, building 1), e-mail: sipeykin@yandex.ru

References

- Bakaeva E.P., *Repressii protiv duhovenstva o zakritii visshei konfessionalnoi shkoli Choira v Kalmikii*, Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2013, № 4 (12), S. 7–14.
- Bashaev A.N., *Buddiiskaya cerkov Kalmikii. 1900–1943 gg.*, Elista, ZAO «NPP «Djanger», 2007.
- Sinicin F.L., *«Krasnaya burya». Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.*, SPb., 2013.
- Uspenskii V.L., *O nesostoyavsheysya missii v Tibet Agvana Dorjieva v 1928 godu*, Mongolica, 2021, T. 24, № 2, S. 52–57.

Статья поступила в редакцию 22.06.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

УДК 94(470.331)''16''+913.8

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.117–128

Промысловая специализация Бельского уезда во второй половине XVII в.

Ю.В. Степанова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт
всеобщей истории Российской академии наук», г. Москва, Россия

В статье рассматриваются лесные промыслы, существовавшие в Бельском уезде во второй половине XVII в. Белая с волостями возникли в XIV в. на территории древнего Оковского леса. Значительные лесные и водно-болотные ресурсы способствовали формированию и развитию в Бельском уезде в раннее Новое время будного (производство поташа) и рудного промыслов, бортничества и рыболовства, существенно влиявших на облик культурного ландшафта региона. Во второй половине XVII в. лесные промыслы в Бельском уезде были взяты под контроль государства. Выявление соответствующих угодий и промысловой организации велось в 1650–1670-х гг. в ходе переписных кампаний по наказам из дворцовых учреждений. Сравнительно успешно сохранялись и эксплуатировались рыбные ловли и бортные леса в Бибиревской и Жарковской волостях, смежных с Торопецким уездом. В комплексе бортные угодья в торопецких и бельских волостях, вероятно, сформировались еще в древности, будучи обеспеченными пространством Оковского леса. Будные леса и рудное производство были выявлены в Бибиревской, Жарковской и Монинской волостях. В отличие от бортничества и рыболовства, их объемы оказались во второй половине XVII в. очень невелики. Причиной этого было сокращение лесных ресурсов. Имеющие источники позволяют предположить, что этому способствовала интенсивная эксплуатация лесов в период активизации земельных раздач в бельских волостях во второй половине XVI и первой половине XVII в.

Ключевые слова: историческая география, лесные ресурсы, поташ, руда, бортничество, рыболовство, промысел, Бельский уезд, Россия, XVII в.

Территория Бельского уезда в составе Русского государства XVI–XVII вв., поселенческая структура и специфика хозяйственного развития в контексте ландшафтных условий и природопользования остаются слабо исследованными. Бельское княжество с первой половины XIV в. находилось в составе Великого княжества Литовского, а в начале XVI в. перешло в состав

Московского государства. В период Смуты г. Белая и её волости были утрачены Русским государством. В 1618 г. они отошли к Речи Посполитой, и в 1625 г. город Белая получил привилей на магдебургское право¹. В ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. город переходил в руки русского гарнизона, однако по Поляновскому миру 1634 г. остался в составе Речи Посполитой. В состав Русского государства Белая с волостями перешла лишь в ходе военной кампании 1654 г. По итогам Андрусовского перемирия 1667 г. Белая с волостями осталась в составе Русского государства².

Волостные центры и пределы Бельского княжества в составе ВКЛ были отражены на картах, составленных В.Н. Темушевым³. Общее представление о размещении бельских волостей второй половины XVII – начала XVIII в. дают локализации Е.К. Францужовой⁴, Я.Е. Водарского⁵, работа А.Л. Рогачевского⁶. На основании переписей 1650–1660-х гг. автором настоящей статьи была произведена детальная локализация бельских волостей после завоевания Белой русскими войсками в 1654 г. (см.: *Степанова Ю.В.* Бельские волости в XVI–XVII вв.: историко-географическая характеристика на западном рубеже Русского государства // *Genesis: исторические исследования*. 2023. № 10. С. 32–40). Слабо исследованными остаются динамика территориально-административной и поселенческой структуры в Бельском уезде. В настоящей статье рассматривается промысловая специализация населения Бельского уезда в XVII в., тесно связанная с освоением природных ресурсов и определявшая формирование культурного ландшафта рассматриваемой территории.

Хозяйство в Бельском уезде в XVII в., безусловно, определялось пашенным земледелием. Однако, по подсчетам Я.Е. Водарского, на конец 1660-х гг. площадь пашни в уезде составляла 24 тыс. десятин⁷, при примерной общей площади уезда около 30 тыс. кв. км. В XVIII в., в Бельском уезде

---

¹ *Рогачевский А.Л.* Городское право как инструмент колонизации (на примере Смоленского воеводства Речи Посполитой в XVII в.) // *Учёные записки юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2017. Вып. 44–45 (54–55). С. 141–143.

² *Малов А.В.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006. С. 16.

³ *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013. Карты 4, 8.

⁴ *Францужова Е.К.* Карта административно-территориального деления Смоленщины второй половины XVII в. // *Проблемы исторической географии России*. Вып. III: Вопросы исторической картографии. М., 1983. С. 73–87.

⁵ *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 235, 256.

⁶ *Rogatschewski A.* Zur Geschichte des Magdeburger Rechts und der städtischen Selbstverwaltung in Russland. Die Stadt Belyj (17.–18. Jh.) // *Von Sachsen-Anhalt in die Welt. Der Sachsenspiegel als europäische Rechtsquelle*, hg. v. Heiner Lück unter Mitarbeit von Martin Olejnicki und Anne-Marie Heil (=Signa Iuris 14). Halle an der Saale: Peter Junkermann Verlag, 2015. Pp. 123–210.

⁷ *Водарский Я.Е.* Количество крестьян, помещиков и пашни на Смоленщине во второй половине XVII века // *Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР*. Смоленск, 1972. С. 86.

наблюдался наименьший процент распашки среди смоленских уездов – 17 %⁸. Эта особенность территории уезда объяснялась, помимо разорения в годы русско-польской войны 1654–1667 гг., природным ландшафтом, для которого были характерны обширные заболоченные пространства и лесные массивы. В древности территория Бельского уезда, расположенная в южной части Великого водораздела, была занята Оковским лесом, известным из летописного рассказа об апостоле Андрее в «Повести временных лет». Из Оковского леса, по сведению летописца, берут начало три великие реки Русской равнины: «... Днепр же вытекает из Оковского леса и течёт на юг... Двина из того же леса вытекает и течёт на север... Из того же леса вытекает Волга и течёт на восток»⁹. Таким образом, территория бельских волостей раннего Нового времени приходилась на южную часть этого лесного массива. Через волоки, расположенные на реках, пересекающих Оковский лес, древний Двинско-Волжский путь пересекался с более поздним путём «из варяг в греки». По мнению Л.В. Алексеева, освоение этого пространства активизировалось лишь на рубеже XV–XVI вв.¹⁰

Обилие лесных и водно-болотных ресурсов на территории позднейших бельских волостей способствовало сохранению и развитию связанных с ними промыслов. Письменные источники XVII в. позволяют говорить по крайней мере о четырёх из них, не только сохранявшихся, но и получивших новое развитие: будного, рудного, лесного пчеловодства (бортничества) и рыболовства.

Упоминания о лесных промыслах в бельских волостях встречаются в документах первой половины XVII в., в польский период истории Белой. После Смуты и закрепления Белой за Речью Посполитой в бельских волостях начинаются раздачи земель шляхте. Массовый характер они приобрели в 1630-х гг. К 1630-м гг. относится ряд консенсов (распорядительных документов, наделявших адресата правами, выдававшихся в государственной канцелярии) на эксплуатацию лесных угодий. Так, право на изготовление лесных товаров – угля и поташа – в окрестностях д. Солово Усачерской волости получил Михаил Униховский¹¹. Такие же консенсы получали 1630-х гг. Габриэль Кимбар – на угодья в Свечковском стане¹², Михаил Невельской

---

⁸ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XVIII в. (размеры и размещение). М., 1988. С. 142.

⁹ Повесть временных лет / Подгот. текста, ст. и коммент. Д. С. Лихачева, перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова, под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1–2. СПб., 1996. С. 5.

¹⁰ Алексеев Л. В. Оковский лес Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 5–11.

¹¹ Смоленщина в документах Литовской метрики первой половины XVII в. Владельцы и их маетности / авт.-сост. В.А. Прохоров, ред. Ю.Н. Шорин. Смоленск, 2017. С. 182.

¹² Там же. С. 192.

– в Чечатской волости¹³, Криштоф Корвин Госевский – в Пышковской (Верховской) волости¹⁴. В Бибиревской (Дубровской) волости располагалось крупное землевладение витебского иезуитского коллегиума, в котором «немцы из Риги наимовали у ксенжеи дуб резать»¹⁵.

После присоединения Белой к Русскому государству значительные территории уезда перешли в дворцовый земельный фонд, в частности, Днепровская волость, большие части Бибиревской (Дубровской), Понизовской, Пустозалесской, Жарковской волостей. Лесные угодья и их эксплуатация представляли большой интерес для государства. Начинается развитие России, в частности, в Смоленском крае, поташного промысла, продукция которого была важна для внутренних потребностей государства и имела хороший сбыт на внешнем рынке, в частности, в Риге.

На первых этапах формирования поташной промышленности в России (до конца 1650-х гг.), как и в Речи Посполитой, государство предоставляло частным лицам заниматься производством и сбытом поташа. Поташное производство стало направлением промышленной деятельности ряда крупных землевладельцев (бояре Б.И. Морозов, И.Д. Милославский, князья Черкасские и др.). Кроме того, часть поставок поташа в казну обеспечивалась откупщиками. Однако, позднее производство и продажа поташа были взяты под контроль государства¹⁶. В 1659 г. был подписан указ «О неотводе на будные станы лесов никому, ни по каким указам, и о писании о том государю»¹⁷. Центральные учреждения начинают собирать сведения о качестве и характере смоленских лесов, в том числе в бельских волостях¹⁸. Таким образом, с конца 1650-х гг. разработка лесных угодий в бельских волостях стала предметом государственной заботы.

Ещё в ранней переписи дворцовых волостей Бельского уезда 1657 г. письма С.Н. Племянникова были отмечены будные леса в Жарковской (Старковской) волости: «да в той де волости бывали будные станы, лесу будного по речке Туросне по обе стороны на дватцать верст»¹⁹.

В 1668 г. из Белой воевода Богдан Толстой «под отпискою прислал роспись угодным будным лесам, которые по осмотру описал шляхтич Семен

---

¹³ Там же. С. 194.

¹⁴ Смоленщина в документах Литовской метрики первой половины XVII в. С. 223.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 596. Л. 22.

¹⁶ Никифоров С.А. Правовое регулирование использования лесных ресурсов России для химических промыслов во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4(54). С. 97.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1 (1649–1675). С. 486, № 250.

¹⁸ Сперанский А. Поташные заводы в Смоленском уезде в XVII в. // Красный архив. 1935. № 4 (71). С. 117–121.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 597. Л. 24об.

Ратнов»²⁰. Угодья были выявлены по р. Велесе и р. Ушице в Жарковской и Бибиревской волостях²¹.

В 1675 г. стряпчий Сытного дворца В.М. Ощерин и подьячий Судного дворцового приказа В. Второв получили наказ провести дозор дворцовых волостей Бельского уезда и одновременно «заводить» различные промыслы, в том числе «строить буды, и делать клепку (доски, бруски, идущие на изготовление тары для будного промысла²²), и ванчю (селитру²³), и пыплю (пепел, зола)»²⁴. В ходе переписи будные леса были выявлены в Монинской волости, вниз по реке Меже. Состояние будного промысла здесь было не лучшим, так как «по тем местам, где такие леса, о внешние полые воды много наносов и песку»²⁵.

Таким образом, будный промысел и заготовка лесоматериала велись в Бельском уезде на протяжении XVII века, наиболее активно – в лесных массивах по левому берегу р. Западной Двины, в бассейнах ее притоков Велесы и Межи, в Жарковской, Бибиревской, Монинской волостях (рис.). Наиболее пригодными породами для производства поташа являлись дуб и ольха²⁶. Дуб и в настоящее время характерен для лесорастительных условий Западно-двинского государственного общевидового заказника.

---

²⁰ Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 8. Л. 1об.–2.

²¹ Там же. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 597. Л. 22, 33об., 48.

²² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 165.

²³ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 16.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 15164/14. Л. 47–533 (подлинник); Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 857 (копия).

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 857. Л. 358–358 об.

²⁶ Никифоров С.А. Указ. соч. С. 96.

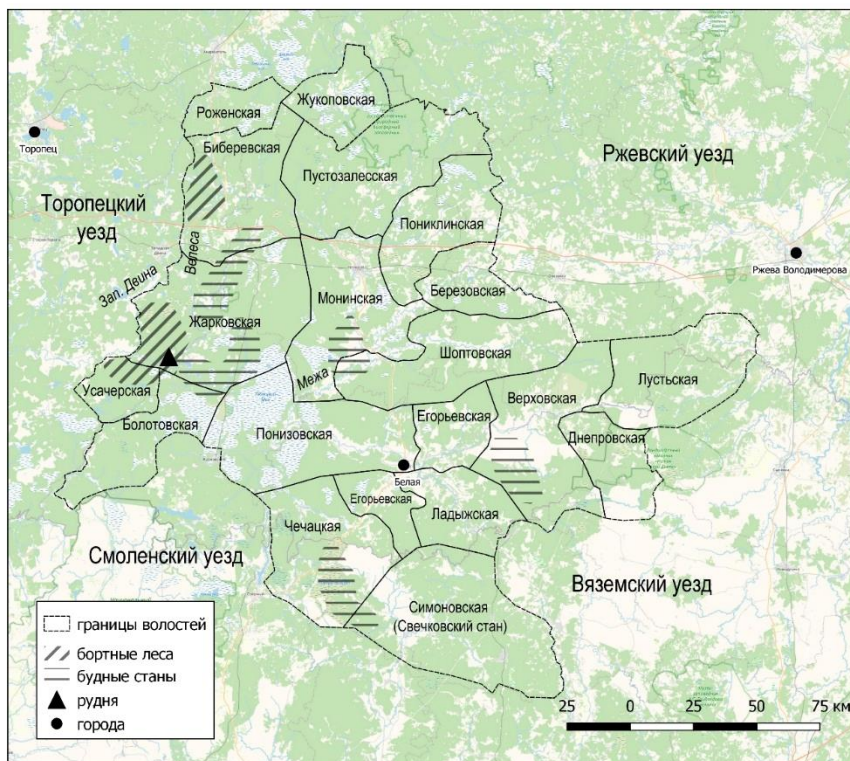

Рис. Расположение промысловых лесных угодий в Бельском уезде в XVII в.

Помимо поташного промысла к «лесным товарам» относился также строевой лес – «бор красный», располагавшийся по тем же Меже и Велесе.

Помимо разработки «лесных товаров» размеры лесных угодий способствовали сохранению и развитию в уезде бортничества. Данные о бортничестве в соседнем Торопецком уезде в XVI в. позволяют говорить о его раннем формировании в Верхнем Подвинье и области Оковского леса. Писцовая книга 1540 г. (Писцовая книга Торопецкого уезда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова) зафиксировала в торопецких волостях перевары – специфические территориальные единицы, связанные с промысловым хозяйством, прежде всего, бортничеством, и одновременно с великокняжеским хозяйством. Описания перевар в писцовой книге содержатся внутри разделов, посвящённых отдельным волостям, и включают перечни деревень с указанием размеров сельскохозяйственных угодий и собираемых налогов²⁷. Внутри перевар есть указания на дворы бортников и бортные знамена, изображения которых приведены в книге. Впервые размещение волостей и основных пунктов перевар Торопецкого

²⁷ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-х – 1540-х гг. / сост. К.В. Баранов. М., 2004. С. 501–682.

уезда было определено Л.А. Бассальго и В.Л. Яниным²⁸. Локализация 17-ти торопецких перевар первой половины XVI в. показала, что они образовывали самостоятельные территориальные образования. Писцовые материалы XVI в. зафиксировали постепенный упадок торопецких бортных угодий. В 1580-х гг. оброк с бортного леса собирался только с одной волости Торопецкого уезда²⁹. Описание 1620-х гг. зафиксировало на территории Торопецкого уезда лишь три перевары. Связь их с бортным промыслом, как и в целом состояние бортного промысла в торопецких волостях после Смутного времени не отражены в источниках.

Во второй половине XVII в. бортные леса находились в Жарковской (Старковской) волости Бельского уезда. Именно эта волость представляла собой «половину Старцовой волости», приписанной к Белой из Торопецкого уезда еще в литовское время³⁰. Бортные леса располагались на р. Велесе «по устью речке Торосна две версты, да от рудни ж под деревнею Козино бору на семь верст, да от деревни Лопаткина за реку ж Велесу на семе ж верст бору, да от той же деревни Лопаткина к селу Бибереvu бору на тритцать верст, и в тех борах вновь сыскано семь бортных дерев с пчелами... да в тех же бортных угодьях сыскано бортных дватцать три дерева»³¹. Таким образом, бортные леса сохранялись в Бельском уезде на левобережье р. Западная Двина по её притоку р. Велесе. Эти угодья стали предметом заботы в дворцовом хозяйстве: «да вновь зделано бортных пять дерев». К бортным угодьям были выбраны «два человека целовалников деревни Лопаткина Серешка Васильев сын прозвище Шекарев, деревни Подсосенья Протаска Онтонов да бортник деревни Малова Кучина Лазорко Васильев»³².

Таким образом, бортный промысел, существовавший с древности в Верхнем Подвинье, сохранялся в Бельском уезде во второй половине XVII в. и являлся предметом контроля государства. Однако вряд ли можно говорить о его успешном развитии в этот период. Препятствием являлось, прежде всего, сокращение лесных угодий, что в конечном итоге привело к переходу к пасечному сбору меда. В ходе дозора 1675 г. помимо создания новых бортных деревьев в Жарковской волости был «заведен вновь на рудне пчелной двор, и взято на тот пчелной двор то же волости у крестьян на завод на весну на выставку петнатцать ульев со пчелами»³³. Ульи были перенесены на новый двор из окрестных деревень Лопаткина, Барина, Кучина, Курья Гора,

²⁸ Бассальго Л.А., Янин В.Л. Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 192.

²⁹ Побойнин И.И. Торопецкая старина: исторические очерки г. Торопца с древнейших времен до конца XVII в. М., 1902. С. 63.

³⁰ Бассальго Л.А., Янин В.Л. Указ. соч. С. 192.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 857. Л. 145–145 об.

³² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 857. Л. 145 об.

³³ Там же. Л. 144 об.

Петрилова, Жолнина, Малое Жегалово, Титкова, Шешиборова. Аналогичный переход к пасечному пчеловодству отмечается в этот период и на южнорусском пограничье³⁴.

Рудный промысел, основанный на выработке железа из болотных и дерновых руд, тоже был тесно связан с лесными угодьями, так как железо вываривалось на древесном угле и требовало много дров³⁵. В Бельском уезде рудня находилась на дворцовых землях в Жарковской волости на р. Мелчеице, в бывшем землевладении витебского иезуитского коллегиума. Оборудование рудни охарактеризовано в писцовом описании 1657 г.: «А в ней запасу наковальня пять пудов, да двои мехи, да молот четыре пуда, да семеры клещицы, да малая наковальня два пуда, да две хурмы по пуду, да двенадцать обручов на валах, да три молота ручных, шесть соплей»³⁶.

В 1665 г. рудня была описана стряпчим Разрядного приказа Р. Яковлевым как находящаяся в поместье шляхтичей Якима и Лукаша Тютчевых³⁷. Однако, позднее она вновь числилась как дворцовая. В 1670-х гг. дозорщики обнаружили на рудне «анбар, а в анбаре три колеса да домница, в чем железо плавят и всякой кузнечной завод». Сырье для рудни добывалось «меж болот по речке Туросне, а от рудни верстах в пятинатцати и в дватцати»³⁸. На рудне находились дворы рудников – как старожильцев, так выходцев из Полоцка. В 1670-х гг. рудня отдавалась из приказа Большого дворца на оброк местным крестьянам-рудникам за «десять рублей по девяти олтын з денгою на год»³⁹.

Рудный промысел во второй половине XVII в., как и поташный, стал предметом заботы правительства. Наказ разыскивать руду и ставить рудни в Смоленском крае получил в 1670 г. воевода И.А. Хованский⁴⁰. Рудня в Бельском уезде, по-видимому, рассматривалась как один из рудных «заводов» в программе развития промысла, наряду с руднями в Смоленском и Дорогобужском уездах. Как известно, для решения государственных задач в производстве строительных работ в Смоленске местное железо оказалось непригодно, а рудни стали передаваться на оброк⁴¹. Можно предположить, что в более ранний период рудный промысел в бельских волостях был более широко распространен, но ко второй половине XVII в. сократился в связи с

³⁴ Мизис Ю.А. Бортные ухажья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 10(126). С. 80–85.

³⁵ Евстигнеев О.И. Неруссо-Деснянское полесье: история природопользования. Брянск, 2009. С. 46.

³⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 596. Л. 26 об.

³⁷ Русско-белорусские связи: Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. Л.С. Абецедарский и М. Я. Волков. Минск, 1963. С. 472.

³⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 857. Л. 139 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 857. Л. 139 об.

⁴⁰ Сперанский А. Казенные железные «рудни» в Смоленском уезде во второй половине XVII века // Историк-марксист. 1935. № 1 (41). С. 61–81.

⁴¹ Там же. С. 63.

все той же причиной – истощением лесов в связи с их интенсивным использованием.

Обилие небольших рек, богатых рыбой, обуславливало существенную роль рыболовства в специализации крестьянского хозяйства Бельского уезда. Рыболовные угодья охарактеризованы в нескольких источниках XVII в. К источникам рыбных ресурсов отнесены реки Туросна, Ореховна, Боровенка, Семока, Скатомица, Глыбокая, озера Боровно, Островно, Плавно, Барлова и др. В них ловились щуки, лещи, голавли, караси, лини, язи, окуни, плотицы⁴². Однако, более значимыми были рыбные ловли на реках Межа, Береза и Лучеса, где добывались «лососи и угорец»⁴³. Рыболовные угодья находились как в дворцовых, так и в шляхетских владениях. В Монинской и Бибиревской волостях ценные породы рыб добывались на государев обиход, некоторые ловли отдавались местной шляхте и крестьянам на откуп. В д. Козино на Западной Двине (Бибиревская волость) и в с. Монино (Монинская волость) находились «онбары езовицки»⁴⁴, где хранились запасы рыбы.

Таким образом, сохранение лесных и водно-болотных угодий Великого водораздела в раннее Новое время способствовало вовлечению местного населения в их эксплуатацию. Во второй половине XVII в. правительство взяло под свой контроль будный, рудный, бортный промыслы и рыболовство, инициировав выявление уже имевшихся в уезде ресурсов. В ходе этих работ выяснилось, что сравнительно успешно сохранялись и эксплуатировались рыбные ловли, а также бортные леса в двух волостях, смежных с Торопецким уездом. В комплексе бортные угодья в торопецких и бельских волостях, вероятно, сформировались еще в древности, будучи обеспеченными пространством Оковского леса. По аналогии с бортничеством можно предполагать относительно раннее формирование рудного промысла, а в раннее Новое время – будного. Но в отличие от бортничества, что объёмы будного и рудного промыслов оказались во второй половине XVII в. очень невелики. Отметим также, что будный и рудный промыслы, приводившие к вырубке лесных угодий, негативно влияли на состояние бортного промысла, требовавшего сохранения экологических условий. Имеющие источники позволяют предположить, что активной эксплуатации лесных ресурсов способствовали земельные раздачи, проводившиеся в бельских волостях во второй половине XVI и первой половине XVII в., что повлекло за собой сокращение лесных ресурсов.

Список литературы:

1. *Алексеев Л.В.* Оковский лес Повести временных лет // *Культура средневековой Руси* / отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л.: Наука, 1974. С. 5–11.

⁴² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 596. Л. 33 об.

⁴³ Там же. Д. 597. Л. 226.

⁴⁴ Там же. Д. 596. Л. 48.

2. *Бассалыго Л.А., Янин В.Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Наука, 1998. С. 104–214.
3. *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XVIII в. (размеры и размещение). М.: Наука, 1988. – 301 с.
4. *Водарский Я.Е.* Количество крестьян, помещиков и пашни на Смоленщине во второй половине XVII века // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск: Б.и., 1972. С. 79–88.
5. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. – 263 с.
6. *Евстигнеев О.И.* Неруссо-Деснянское полесье: история природопользования. Брянск: группа компаний «Десяточка», 2009. – 139 с.
7. *Малов А.В.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. – 47 с.
8. *Мизис Ю.А.* Бортные ухажья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 10(126). С. 80–85.
9. *Никифоров С.А.* Правовое регулирование использования лесных ресурсов России для химических промыслов во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4(54). С. 95–102.
10. *Побойнин И.И.* Торопецкая старина: исторические очерки г. Торопца с древнейших времен до конца XVII в. М.: Университетская типография, 1902. – 375 с.
11. *Рогачевский А.Л.* Городское право как инструмент колонизации (на примере Смоленского воеводства Речи Посполитой в XVII в.) // Учёные записки юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. Вып. 44–45 (54–55). С. 141–143.
12. *Сперанский А.* Казенные железные «рудни» в Смоленском уезде во второй половине XVII века // Историк-марксист. 1935. № 1 (41). С. 61–81.
13. *Сперанский А.* Поташные заводы в Смоленском уезде в XVII в. // Красный архив. 1935. № 4 (71). С. 117–121.
14. *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М.: Квадрига, 2013. – 238 с.
15. *Французова Е.К.* Карта административно-территориального деления Смоленщины второй половины XVII в. // Проблемы исторической географии России. Вып. III: Вопросы исторической картографии. М., 1983. С. 73–87.
16. *Rogatschewski A.* Zur Geschichte des Magdeburger Rechts und der städtischen Selbstverwaltung in Russland. Die Stadt Belyj (17.–18. Jh.) // Von Sachsen-Anhalt in die Welt. Der Sachsenspiegel als europäische Rechtsquelle, hg. v. Heiner Lück unter Mitarbeit von Martin Olejnicki und Anne-Marie Heil

(= Signa Iuris 14). Halle an der Saale: Peter Junkermann Verlag, 2015. Pp. 123–210.

Об авторе:

СТЕПАНОВА Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский пр., 32А), e-mail: m000142@mail.ru

Forestry Specialisation of Belsky Uezd in the Second Half of the 17th Century

Yu.V. Stepanova

Institute of World History of RAS, Moscow, Russia

The article examines the crafts in Belsky uyezd in the second half of the 17th century. Belaya with volosts arose in the 14th century on the territory of the ancient Okovsky forest. Significant forest and wetland resources contributed to the formation and development in Belsky uyezd in the early New Time of the potash and iron ore production, forest beekeeping and fishing. In the second half of the 17th century the forestry in Belsky uyezd was taken under state control. The identification of the relevant land and production organization was carried out in the 1650–1670s during census campaigns on orders from palace institutions. Fishing and forest beekeeping in Bibirevskaya and Zharkovskaya volosts adjacent to Toropetsky uyezd were relatively successfully preserved and exploited. In the complex, the forest beekeeping in the volosts of Toropets and Belaya probably formed in Old Rus' time, being provided with the space of the Okovsky forest. The potash and iron ore production were identified in Bibirevskaya, Zharkovskaya and Moninskaya volosts. Unlike beekeeping and fishing, their sizes were in the very small in second half of the 17th century. The reason for this was the reduction of forest resources. Written sources suggest that this was facilitated by the intensive exploitation of forests during the period of intensification of land distributions in the volosts of Belaya in the second half of the 16th and first half of the 17th centuries.

Keywords: *historical geography, forest resources, potash, iron ore, forest beekeeping, fishing, Belsky uyezd, Russia, 17th century.*

About the author:

STEPANOVA Yuliya Vladimirovna – Senior Researcher of Institute of World History of Russian Academy of Science (Russia, 119334, Moscow, Leninsky pr., 32A), e-mail: m000142@mail.ru

References:

- Alekseev L.V. *Okovskij les Povesti vremennykh let*, Kul'tura srednevekovoj Rusi / Ed. A.N. Kirpichnikov, P.A. Rappoport, L., Nauka, 1974, pp. 5–11.
- Bassalygo L.A., Yanin V.L., *Istoriko-geograficheskij obzor novgorodskolitovskoj granicy*, Yanin V.L., *Novgorod i Litva. Pogranichnye situacii XIII–XV vekov*, M., Nauka, 1998, pp. 104–214.
- Evstigneev O.I. *Nerusso-Desnyanskoe poles'e: istoriya prirodoopol'zovaniya*, Bryansk, gruppa kompanij «Desyatochka», 2009, 139 pp.
- Frantsuzova E.K. *Karta administrativno-territorial'nogo deleniya Smolenshhiny`vtoroj poloviny` XVII v.*, Problemy` istoricheskoy geografii Rossii. Vy`p. III (Voprosy` istoricheskoy kartografii), M., 1983, pp. 73–87.
- Malov A.V. *Russko-pol'skaya vojna 1654–1667 gg*, M., Tsejkhgauz, 2006, 47 pp.
- Mizis Yu.A. *Bortny`e ukhozh`ya kak forma zaseleniya i osvoeniya yuzhno-russkogo pogranich`ya v XVI–XVII vv.*, Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki, 2013, Vy`p. 10(126), pp. 80–85.
- Nikiforov S.A. *Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya lesny`kh resursov Rossii dlya khimicheskikh promy`slov vo vtoroj polovine XVII – pervoj chetverti XVIII vv.*, Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, № 4(54), pp. 95–102.
- Pobojnin I.I. *Toropeczkaya starina: istoricheskie ocherki g. Toroptsa s drevnejshikh vremen do kontsa XVII v.*, M., Universitetskaya tipografiya, 1902, 375 pp.
- Rogachevskij A.L. *Gorodskoe pravo kak instrument kolonizatsii (na primere Smolenskogo voevodstva Rechi Pospolitoj v XVII v.)*, Uchyony`e zapiski yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo e`konomicheskogo universiteta, 2017, Vy`p. 44–45 (54–55), pp. 141–143.
- Speranskij A. *Kazenny`e zhelezny`e «rudni» v Smolenskom uezde vo vtoroj polovine XVII veka*, Istorik-marksist, 1935, № 1 (41), pp. 61–81.
- Speranskij A. *Potashny`e zavody` v Smolenskom uezde v XVII v.*, Krasny`j arkhiv, 1935, № 4 (71), pp. 117–121.
- Temushev V.N. *Pervaya Moskovsko-litovskaya pogranichnaya vojna: 1486–1494*, M., Kvadriga, 2013, 238 pp.
- Vodarskij Ya.E. *Dvoryanskoe zemlevladienie v Rossii v XVII – pervoj polovine XVIII v. (razmery` i razmeshhenie)*, M.: Nauka, 1988, 301 pp.
- Vodarskij Ya.E. *Kolichestvo krest`yan, pomeshchikov i pashni na Smolenshhine vo vtoroj polovine XVII veka*, Voprosy` agrarnoj istorii Centra i Severo-Zapada RSFSR, Smolensk: B.i., 1972, pp. 79–88.
- Vodarskij Ya.E. *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka (chislennost`, soslovno-klassovyj sostav, razmeshchenie)*, M.: Nauka, 1977, 263 pp.

Статья поступила в редакцию 19.05.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трёхвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются **статьи** кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), **статьи** докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п. л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Статьи и сообщения высылаются по почте заказным письмом главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу) по адресу: 170021, Тверь, ул. Трёхвятская, д. 16/31, каб. 201, доставляются лично автором по указанному адресу или высылаются по электронной почте.

Вместе с распечатанным вариантом (межстрочный интервал – полуторный, шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль, сноски постраничные, нумерация сносок сквозная) представляется электронная версия на CD дисках. В отдельных файлах должны содержаться: статья, резюме, сведения об авторе (авторах). Сведения об авторах статьи включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, место работы (полное название), почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны, номера контактных телефонов (с кодом города) и адрес электронной почты. **Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.**

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне чистой белой бумаги формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи; **ключевые**

слова (до 10 слов или словосочетаний) **на русском и английском языках**. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком **цитированной литературы** на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организаций в статьях необходимо **употреблять официальное (общепринятое) без сокращений названия организации на английском языке**, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потери статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименований фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии наук...»,

«ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

– заглавия научных статей должны быть информативными;

– в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

– в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком.

Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «forexample», «thebenefitsofthisstudy», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The studytested», но не «It wastestedinthisstudy» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристатейные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (/, – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются ***фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издательства для монографий и №№ страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках).*** В ссылках на сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора. При транслитерации в описание ссылки необходимо ***вносить всех авторов.***

Другие требования к предоставляемым материалам

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилия и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первоначально оформляется с полным названием архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редколегия оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и предоставляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диаграммы) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегии принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректуре автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссылок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В. П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

в транслитерации:

Buldaikov V. P., *Postrevolyutsionnaya Rossiya: ideologiya i upravlenie*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 3, S. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.

Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.

Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.

Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов

Bogdanov.SV@tversu.ru)

E-mail: history.decanat@tversu.ru

URL: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 2 (70). 2024

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 30.07.2024. Выход в свет 06.08.2024.

Формат 70x108¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,64.

Тираж 500 экз. Заказ № 190.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.